

ПИОНЕР

ISSN 0130—8009

3 1989

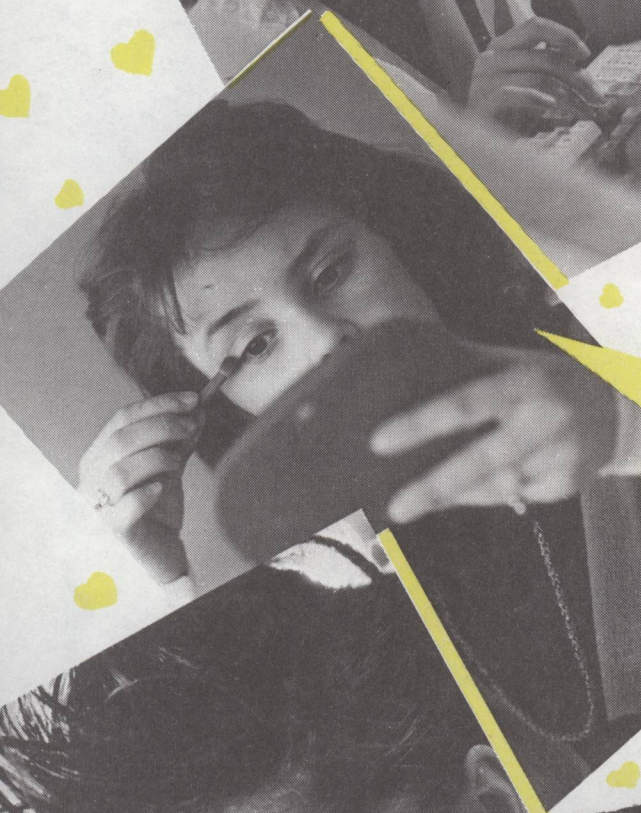

— Сложно,
как дважды два.

— Попробуй.
И ты все поймешь...

— В человеке
все должно быть
красиво.

— Трус не играет...

— Нет проблем!

БАЩАЧОК ДЛЯ ЗОЛУШКИ

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

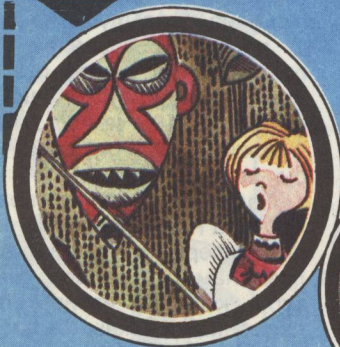
ЧИТАЙ В МАРТЕ

- Лия Симонова. **Круг. 4**
Леонид Яхнин. **Фарфоровый колокол. 22**
Владимир Малов. **Зачет по натуральной истории. 44**
Стихи казахских поэтов в переводах Ю. Кушака и Н. Ламма. 56
- Андрей Васильев. **Право выбора. 2**
Анатолий Маркуша. **Дорога в мечту. 38**
Юнкоровская газета «Вперед». 18
Планета детей. 34
Переходный возраст. 60
- Николай Голь. **Свадьба в Версале. 42**
Экстренный выпуск «Музыкального лото». 32
Секреты роста. 62
- Узел связи. 31
«Кораблик». 40
Сатирикончик. 58
Домовенок и компания. 64
Если солнышко рядом. Песня Ю. Чичкова и В. Арчакова. IV обл.

На обложке: рисунок И. Панкова.

Работаем в стиле «Наутилус Помпилиус». С. 32.

В углу возникла отличница Букина. С. 44.

С. 37.

ПРАВО

Еще совсем недавно слово «перестройка» ничем особенным не выделялось среди десятков тысяч слов русского языка. В словаре под редакцией профессора Д. Н. Ушакова оно определялось всего лишь как «действие по глаголу «перестроить».

А в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля для него вообще не нашлось отдельной графы, и оно стоит последним в малоприметном ряду «перестраивание, перестроение, перестрой, перестройка».

Сегодня это слово вошло без перевода чуть ли не во все языки мира. Вряд ли даже сам Владимир Иванович Даль смог бы теперь дать ему краткое и исчерпывающее определение. И уж, во всяком случае, понятие «перестройка» никак не укладывается лишь в прежнее значение этого слова.

Потому что перестройка — это люди.

Потому что перестройка — это их дела.

Потому что перестройка — это то новое, что происходит сейчас в нашей стране.

А разве возможно сформулировать все вышеперечисленное одним, пусть даже и пространным определением? Чтобы разобраться в этих проблемах, мы решили открыть рубрику «Перестройка: что такое? кто такой?». Вам эти вопросы задавать, а нам пытаться на них ответить.

И первый разговор пойдет о перестройке в нашей избирательной системе.

В последнее воскресенье этого месяца мы, имеющие право голоса, отправимся на выборы. Кажется, ничего необычного за этим фактом не скрывается. Всего три года назад многие из вас, нынешних читателей «Пионера», побывали на избирательных участках вместе с родителями и даже, наверное, собственноручно опускали в узкие щели обтянутых кумачовым материалом урн листки бумаги, гордо именуемые «бюллетенями». Но в нынешних выборах необычного вполне достаточно...

Это первые выборы (по крайней мере за последние пятьдесят лет), на которых у избирателей будет действительно **право выбора**.

В «Толковом словаре русского языка» первое и главное значение слова «выбирать» определяется как «выделять, отбирать из многого (отдавая предпочтение лучшему, более нужному)».

Отбирали ли мы из многого, отдавали ли предпочтение лучшему на предыдущих выборах? С полным основанием можно ответить: нет. У нас был лишь один кандидат. Один-единственный! И не имело значения, лучший он или худший — либо он, либо никто.

Получалось, что выбирали не мы, а за нас. В неких таинственных сферах по таинственным правилам отбиралась кандидатура, которую избиратели непременно должны были одоб-

рить. Очень часто это были действительно достойные люди: передовики производства, министры, генералы, писатели... Но почему именно они и только они должны были представлять в верховном органе власти страны данный избирательный округ? А если наш передовик, замечательно работая на производстве, совершенно не готов, да и не умеет заниматься общественной деятельностью? А если данный генерал служит за тысячи километров от своих избирателей и просто физически не может приезжать к ним чаще раза в год? А если данный писатель не говорит на родном языке тех, кто отдает за него свои голоса? Видите, сколько рождается разнообразных «если»?

Я уверен, что вы не станете выбирать в председатели совета дружины кого бы то ни было лишь за то, что он отличник. И не сделаете членом совета отряда ученика другого класса потому, что он призер, скажем, математической олимпиады. Вам такие предложения покажутся просто смешными.

А мы выбирали именно таким образом. И молчали. Винить в этом нам некого, кроме самих себя.

Согласитесь, чужие ошибки всегда исправлять легче, нежели свои. Мы исправляем сегодня свои ошибки. Поэтому нам трудно. Очень трудно. Но наши выборы наконец стали настоящими выборами. Мы наконец не одоб-

ряем — выбираем из многих лучшего...

«А нам-то что от этого? — могут спросить некоторые из вас. — Станут ли наши города более благоустроенными, дома — более комфортабельными, прилавки — более полными?»

Беру на себя смелость ответить: станут. Потому что мы получим в органах государственной власти истинно своих пред-

нами. Мы не просители, а оно не благодетель. Не оно дарует нам права и обязанности, а мы — ему права и обязанности выражать наши интересы.

Конечно, не все так просто. Еще многому предстоит учиться. Нам выдвигать кандидатов в депутаты и агитировать за них. Кандидатам в депутаты отстаивать свои программы, вести предвыборную борьбу. И всем вместе убеждать, а не приказыв-

ВЫБОРА

ставителей. Мы будем знать их образ мыслей, их программу действий. И отдавать свои голоса не за должность или анкетные данные человека, а за личность, за то, что эта личность предлагает нам, избирателям.

Депутаты прежних лет могли не заботиться о голосах избирателей. Куда они денутся — все равно изберут. Сегодняшний кандидат в народные избранники понимает: запросто могут «деться», уйти к другому депутату. И он будет бороться за наши голоса. А бороться за них означает делать нашу жизнь лучше.

Как видите, изменение формы выборов меняет и их суть. Заштампованной фразе «депутат — слуга народа» возвращается ее истинный, глубинный смысл. Мы наконец осознаем, что даже между социалистическим обществом и социалистическим государством нельзя ставить знак равенства. И уж тем более нельзя считать, что государство выше общества.

В конечном итоге нынешние выборы означают наш отказ от верховенства государства над

вать, доказывать, а не обвинять друг друга...

И все же первый шаг сделан. Очень трудный первый шаг на пути к полновластию Советов.

Через пять лет в такой же весенний день многие из вас пойдут к избирательным урнам уже не за ручку с родителями. У вас будет право голоса, а значит, — и право выбора.

Вам делать и второй, и третий шаги... Очень не хочется, чтобы это были шаги назад.

Андрей ВАСИЛЬЕВ,
обозреватель газеты
«Московские новости»
специально для «Пионера».

Лия СИМОНОВА

КРУГ

ПОВЕСТЬ*

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦОВОГО.

16

Отсутствие картины и пропажу кольца мать обнаружила не сразу. После спектаклей она уставала, долго металась по квартире, а потом быстро ложилась. Но утром, еще не проснувшись как следует, Алешка услышал из кухни ее истерический шепот. Он оделся и, тихонько притворив за собой входную дверь, опротясь бросился на улицу. Пробежав квартал, из автомата позвонил Веньке: «Начнется заваруха, не раскальвайтесь!»

— А где ты будешь? — прикрывая трубку рукой, прошептал Венька.

Алешка задумался:

— Говорите, что не знаете. И чтоб Кися не выставлялась!

Алешка никогда не мог объяснить своих поступков. В нем с ранних лет жила уверенность, что все без особых усилий с его стороны как-нибудь устроится. Ему не приходило в голову, что он вместе с друзьями совершил кражу, что, обнаружив его дома, родители будут волноваться. Тем более не предвидел он, что мать с отцом обратятся в милицию.

Вечером, услышав от Вениамина, что все подняты на ноги, а в школе переполох и Виктория мечется, как сыщик, Алешка с ненавистью подумал, что «предки» совсем спятили. Он спрятался у Венькиных друзей и вовсе перестал размышлять о последствиях случившегося.

Разговоры с одноклассниками Столбова не приносили успеха ни Анатолию Алексеевичу, ни Надежде Прохоровне, ни тем более Виктории Петровне. Столбов не приходил на занятия и не появлялся дома. Милиция требовала, чтобы ребята по одно-

му являлись на допрос к следователю. Надежда Прохоровна просила подождать. Она чувствовала, что ничего страшного не произошло. Иначе волновалась бы и «вся честная компания», а они были подавлены, но спокойны. Уроки в этом классе не складывались даже у самых опытных учителей. Виктория Петровна поверила, что снова пробил ее час. Как спортсмен, приготовившийся для прыжка, неутомимая Виктория Петровна стянула все свои силы в единый порыв и бросилась на урок к учителю по французскому.

Лев Ефимович давно преподавал в этой школе. Все, кого он учил, со временем легко и без ошибок писали и говорили по-французски, удивляя прекрасным произношением. На его уроках большую часть времени уделяли игре и живому общению. Начинали всегда с обсуждения какого-нибудь изречения. Зная об этом, Виктория Петровна настойчиво упрашивала Льва Ефимовича дать ребятам фразу, которая, как ей казалось, имеет потаенный смысл: «Все средства хороши для достижения цели». Возможно, она хотела заставить ре-

бят задуматься над их поступками? Или вызвать на откровенность?..

Лев Ефимович усердно и терпеливо отговаривал завуча от ее затеи, ссылаясь на сомнительный смысл высказывания и с отчаянием наблюдал, что его не слышат. Учитель французского не понимал и не принимал людей категоричных и настырных. Властные и шумные женщины отталкивали его. С трудом сохраняя вежливость хорошо воспитанного человека, он старался как можно меньше общаться с Викторией Петровной. Противостоять ей, переубеждать ее, а тем более бороться с нею Лев Ефимович не умел и не находил для

* Журнальный вариант.

себя допустимым, даже когда видел, что завуч не права. Он был хорошим учителем, но не борцом. И после очередной атаки сдался. Он утешал себя тем, что Виктория Петровна по-французски не понимает. За двадцать с лишним лет в этой школе она так и не удосужилась выучить французский, теперь он воспользуется этим. Лев Ефимович не учел неисчерпаемой изобретательности этого неотомимого человека. Виктория Петровна появилась в классе до звонка и, не теряя времени, подседа к Маше Кожяевой, свободно владеющей французским. Что оставалось Маше, как не переводить?

Ребята разбирались в лабиринте характера завуча гораздо лучше, чем Лев Ефимович и все другие учителя.

Как только завуч наклонилась ухом к Кожяевой, языковая группа смекнула: изречение брошено им, словно кость, которую они обязаны обглодывать. Обменявшись взглядами, они приготовились к атаке.

Холодова, опять Холодова, посмотрела на завуча насмешливо и с явным расчетом на перевод произнесла:

— Эта фраза — всего лишь вольное изложение лозунга иезуитов: «Цель оправдывает средства». Кто такие иезуиты, чем они занимались, всем известно. Нормального человека не привлечет такое изречение, и я не понимаю, зачем нам его предлагают?..

— История знает немало примеров, — перехватил эстафетную палочку Пирогов, — когда, преследуя якобы благородные цели, люди, обладающие властью, добивались своего весьма неблагородными путями. Вспомним, — он остановился, приложив руку ко лбу, — хотя бы Ивана Грозного. — «Хотя бы» он выделил интонацией. Они все, не затрудняясь, говорили по-французски, но Пирогов, как и Холодова, не спешил произносить слова, то и дело прерывая свою речь вопросом: «Как это по-французски?».

— Так вот, — как это сказать по-французски? — Грозный властелин, наводя в своих владениях порядок, потихоньку уничтожал оппозицию, не так ли?..

— Я с вами совершенно согласен, — на лету поймал его вопрос Славик Кустов. — Если власть попадает в руки жестокого и самовлюбленного человека, не жди от него пощады. — Славик тоже прикидывался, что не может подыскать нужного в чужом языке определения: «Как это сказать по-французски?».

Лев Ефимович видел, как неохотно, с некоторым смущением, согласилась переводить Маша Кожяева. Зато с каким усердием и, пожалуй, злорадством переводила она теперь совершенно синхронно все сказанное специально для завуча. Он чувствовал, что Виктория Петровна возмущена, но перебивать и одергивать учеников было не в его правилах. В конце концов Виктория Петровна сама напросилась на эту беседу...

И все же Лев Ефимович нервничал. Он с трудом переносил любые скандалы, даже если они его не касались. А тут на его уроке ученики позволяют себе дерзость по отношению к учителю, к женщине... Но разве из сказанных ими слов следует, что относятся они к Виктории Петровне? Неубедительное утешение, и все же нет повода вмешиваться...

Виктория Петровна не ожидала, что ее прекрасный замысел обернется против нее самой. Теперь она не прочь была сбежать с французского, но это

означало открыто признать поражение... Даже Прибаукин пытался говорить по-французски. Лев Ефимович едва сдержал улыбку, услышав нескладную, пересыпанную чудовищными ошибками французскую речь Вениамина. Только крайняя необходимость заставляла Прибаукина хоть как-то склеивать слова:

— Получить бы столько средств, чтобы оправдать ими все цели, вот была бы жизнь!..

Все покатались со смеху. Никто не умел, как Вениамин, в самые сложные моменты вносить живительную струю веселости. Подвернулся удобный случай, чтобы уйти от неприятного разговора. И тут, как нарочно, вмешалась Виктория Петровна.

— У тебя Прибаукин, — сказала она по-русски, — на уме одни развлечения!

— Ну, я же еще не такой старьей, — тоже по-русски огрызнулся Прибаукин.

— Честь нужно беречь смолоду! — наставительно произнесла Виктория Петровна. — И никого не тащить за собой в пропасть...

Лев Ефимович с содроганием смотрел на гостью своего урока, а у ребят слова о чести и пропасти вызвали подозрение. Не выведала ли Виктория что-нибудь об истинной причине пропажи картины и кольца в доме Столбовых?

Уже у двери завуч остановилась и враждебно добавила:

— Погрязли в болоте лжи. И критиканства! Ишь, осудили Ивана Грозного! — Она умело отвела от себя стрелы. — А сами? Вести себя не научились, а уж пожалуйте... прогресс вперед... осуждают!..

— Но рот нам никто не заткнет! — быстро выкрикнула по-русски Клубничкина. — Все снова истерически захохотали.

Не успела завуч покинуть класс, вслед за ней вышел и Лев Ефимович. Он не мог позволить себе оставаться со столь распустившимися учениками. И не желал обсуждать с ними их поведение. Свой протест он выражал молчаливым действием. Ребята остались в классе одни.

— Кися, — громко позвал Прибаукин, — признавайся честно, Цица ты наша ненаглядная, ты заложила?

Вздернутый носик Киссицкой задвигался от возмущения:

— Как ты смеешь? Ты... ты...

— Не ссорьтесь, — Холодова немедля бросилась гасить небезопасный для всех скандал. — Не время ссориться. Надо сегодня же пойти к Столбовым, все объяснить и извиниться.

— Так их же вечером не бывает дома, — попробовал сопротивляться Венька.

— Значит, завтра утром. Встречаемся у их дома в восемь. И чтоб Алешка был тоже как штык! — приказала Холодова и посмотрела сначала на Вениамина, а потом на всех остальных невозмутимо холодно. — Понятно?

— Что ты выступаешь? — подключилась к обсуждению вопроса Клубничкина. — Тебе что, больше всех надо?

— Да, мне надо! — отрезала Холодова. — Мне надо. Если вы не придете, я расскажу там обо всем сама. — Она привычно быстро схватила свой портфель и вылетела за дверь.

— А она ведь пойдет, и одна! Так что собираемся все в восемь! — приказал Прибаукин.

— Кися! — вернулась к тому, что беспокоило всех, Клубничкина. — А все-таки? Виктория у тебя о чем-нибудь спрашивала?

— И у тебя спрашивала, и у всех,— Киссицкая заметно волновалась.

— И ты ей намекнула? Ну, скажи честно родному коллективу, а?

— Отстаньте вы от меня! — уже со слезами выкрикнула Киссицкая.— Ни о чем я не рассказывала.— Она тоже схватила портфель и побежала прочь от своих товарищей.

Они давно учились вместе и неплохо знали друг друга. Киссицкая говорила правду, она не рассказывала Виктории Петровне о том, что произошло у Столбовых. Но в то же время, эта правда была неполной, половинчатой. Когда Виктория Петровна пыталась ее вопросами, Киссицкая молчала. Но в конце разговора не преминула, по своему обыкновению, сгладить впечатление, попыталась утешить завуча:

— Не волнуйтесь так, Виктория Петровна, ничего особенного не случилось. Через день-другой все само собой образуется. Вы же знаете Прибаукина и Клубничкину,— без фантазий они не могут.

В тот день, когда вышел весь этот скандал на французском, произошло еще одно печальное событие. Порывшись в портфеле, Вениамин Прибаукин не обнаружил там своего дневника. Не того дневника, в котором Виктория Петровна изощрялась в угрожающих посланиях родителям, а личного дневника, в котором почти ежедневно делал записи сам Вениамин.

17

Спрятавшись под лестницей, ведущей на чердак, в стороне от всех, пыталась справиться с собою Оля Холодова. Анатолий Алексеевич объявил, что подсовет отказывает ей в характеристике для поездки с ансамблем за границу. В чем, собственно, она провинилась? Учится на пятерки. Политинформацию проводит. Что же еще? Дерзит? Бунтует? Так она же защищается!.. Разве непонятно? Дурацкая история со столбовскими вещами? Но она же и повела всех объясняться к Столбовым?!

Никто и никогда не видел Холодову плачущей. Бывало, что в момент сильного волнения шея ее покрывалась красными пятнами, но разве так уж заметно это за высоким воротничком школьной формы?! Выражение невозмутимости и холодности почти никогда не оставляло ее лица, сразу убеждая, что все возможные страсти и желания подчиняются в этом человеке воле и рассудку. И теперь она старалась задушить в себе рыдания...

От людей Холодова быстро уставала. Даже самые близкие мешали ей сосредоточиться на своем, для нее важном. Природой ей даровано было редкое умение оберегать и защищать свое «Я», и она искренне недоумевала, когда ее упрекали в эгоизме и равнодушии.

Оля Холодова упорно старалась забыть себя в детстве. Тогда она была другой, и воспоминания мешали ей вполне осознать себя сегодняшнюю. Когда-то и ей, как Нике Мухиной и Киссицкой, хотелось во всем участвовать. С удовольствием соглашалась она быть звеньевой, членом совета отряда, а как-то ее выбрали и председателем. Она произносила речи, требовала от ребят, чтобы хорошо учились, хватала за руки всех, кто сбегал с пионерских сборов.

Особенно нравился ей кукольный театр, который организовал Славик Кустов. Тот, прежний Славик, не хмурый, сутуловатый подросток, а радостный и добродушный мальчик. Славик принес

из дома кукол. Он шил их вместе с мамой и младшим братом. И учил всех желающих кукол оживать. Разыгрывали русские народные сказки или сами сочиняли смешные, коротенькие скетчи, добродушно высмеивая школьные проказы. Постепенно куклы научились не только двигаться и говорить, но петь и танцевать. Олино умение подгрывать куклам на балалайке обеспечило ей свое, особое место, в небольшой, состоящей из мальчишек труппе.

Спектакли показывали в школе, в соседнем детском саду и по очереди во дворах всех домов, где они жили. Старшая пионервожатая вечно носилась по школе, как ошпаренная, отбивалась от них своей занятостью и не принимала в их театральных делах никакого участия. Но однажды, когда в школу приехали из райкома комсомола и всю дружину собрали на пионерскую линейку, пионервожатая отчитывалась перед гостями их театром. Куклы перестали казаться Оле живыми, превратились в игрушки, из которых пора вырости.

После занятий все пионеры их школы бегали по соседним домам, унижались, просили: «Тетенька, не найдется ли у вас лишней макулатуры?», «Дяденька, макулатура у вас не завалилась?». Иногда их щедро одаривали, иногда перед носом захлопывали дверь. Случалось, вежливо объясняли, что за макулатуру получили уже «Королеву Марго».

Оля так неловко чувствовала себя во время этих выпрашиваний и так уставала, таская тяжелые пачки грязной и пыльной бумаги, что вечером долго не могла прийти в себя и плохо спала ночью. Каждый день старшая вожатая обещала, что машина заберет их внушительный вклад в «Миллион — Родине!» — для новых книг, учебников и тетрадей. Но обещанная машина не приезжала, и макулатура сгнила под дождем и снегом. И в душе, словно ржавым колесом проехали по живому, остался след, который и сейчас еще не порос травой.

Несколько лет участвовала она в шумных тимуровских рейдах по домам ветеранов войны под лозунгом: «Приносить радость людям!». «Вам не нужна помощь?» — настырно спрашивали они, врываясь в благоустроенные квартиры.— «Спасибо, миленькие,— отвечали старики и старушки, порою умиляясь до слез.— Слава богу, у нас дети, внуки, все хорошо». Иногда одинокие люди просили о чем-то — сходить в магазин, в аптеку, но доставляло ли это им радость? Большой частью ребята не успевали даже запомнить имена этих людей, так как выданные им пионервожатой адреса постоянно менялись. Когда же в Олином подъезде парализовало одинокую женщину, никто не знал об этом целую неделю! С тех пор Оля возненавидела «добрые дела» под лозунгами и по разнарядке.

А потом их бывшая директриса, эта «госпожа министерша», и вовсе прогнала из школы пионервожатую. Говорили за то, что она позволила себе возражать на подсовете. Хоть и не болело много значила старшая вожатая в их жизни, но все же... Отрядного вожатого у них никогда не было. Его заменяла их любимая учительница по математике, их классная, но и ее вскоре прогнали. Тогда Оля отошла в сторону от всех «очень важных мероприятий» и твердо решила, что для себя фальши и показухи она не хочет.

Нет, она не отказывалась вести политинформацию, и всегда тщательно готовилась к ней, потому что считала такую информацию полезной для ма-

льшей, а все, за что она бралась, она дала себе слово делать хорошо, не для видимости и отчета, а для явной и конкретной пользы.

18

Сидя под чердачной лестницей на корточках, обхватив острые колени руками, Оля Холодова дождалась звонка, чтобы тут же отправиться в «оружейку», к Анатолию Алексеевичу.

— Я очень прошу... пойдите вместе со мной к Надежде Прохоровне, — попросила она классного руководителя тоном, не таким решительным, как обычно. — Подумайте, что я скажу в ансамбле? Почему мне не дают характеристику?..

— Расскажешь в ансамбле, как вы себя ведете, — холодно пояснил Анатолий Алексеевич.

— Но характеристику же дают не всему классу, — необычно робко попробовала настаивать Холодова.

Анатолий Алексеевич не ответил, поднялся и двинулся к двери. Холодова покорно потащилась вслед за ним по лестнице вниз, к директору. Но по какому-то невероятному закону «подвоха» в кабинете Надежды Прохоровны оказалась завуч, Виктория Петровна. Отступить было поздно. Не успел Анатолий Алексеевич рта раскрыть, завуч вздорно выкрикнула:

— Нет, нет и нет! И не просите! Я категорически... вы слышите? Категорически протестую... я буду говорить с райкомом комсомола...

Оля почувствовала нарастающую внутри себя бурю. Она упорно воспитывала в себе подчеркнутую сдержанность, но в этот миг поняла, что теперешней черной бури ей не унять.

— Нет, это я пойду в райком комсомола, — внешне невозмутимо и вполне вежливо пообещала Холодова, и шея ее покрылась пятнами. — Да, да, точно. Я обязательно пойду в райком комсомола и, может быть, даже в райком партии. И расскажу обо всем, что здесь творится. Мало ли насмотрелась я тут за все эти годы?.. — Глянула на всех взрослых по очереди колючими глазами и быстро, уверенной походкой пошла прочь. Но все же успела еще услышать себе вдогонку вопрос Надежды Прохоровны: «Кстати, кто ее родители?»

Было время, Оля Холодова страшилась и вся сжималась, словно перед ударом, когда ей в стенах этой школы задавали вопрос: «Кто твои родители?»

У большинства ее одноклассников родители были художниками, артистами, журналистами, переводчиками, торговыми представителями или по крайности инженерами, врачами и учителями. А у нее отец — токарь, а мать — ткачиха. Как теперь она ненавидела себя, ту, маленькую, растерянную девочку!

Когда ребята подросли, и главным в оценке товарищей стали уже не физическая сила и отчаянность в играх и затеях, а ум, интеллектуальность и начитанность, Холодова задумалась. Природа не обделила ее умом, и она быстро смекнула, что проигрывает рядом с теми, кто быстро и без хлопот получает в своем собственном доме лучшие книги и уверенные рекомендации, что посмотреть в театрах и на выставках, что прочитать в журналах, и не мучается выбором, не теряется в оценках прочитанного и увиденного.

Повзрослевшая Холодова угрюмо молчала на переменах, а в компаниях забивалась в угол. И вдруг, неожиданно для всех, воспрянула духом. Поклялась, что всего достигнет сама. И с настой-

чивостью сильного характера принялась за дело. Ей повезло. В библиотеку при домоуправлении пришла работать старушка пенсионерка, которая хорошо знала и любила литературу и искусство, и не жалела времени для Оли.

Все более ожесточаясь, до полного отрешения сосредоточивала Оля себя на том, что пыталась обдумать самостоятельно, всем и всему противопоставляя свое, собственное, непохожее. Она и на балалайке захотела учиться играть из протеста против общей привязанности к пианино или гитаре.

С родителями Оля виделась не часто. Мама обслуживала не то в два, не то в три раза больше станков, чем положено, и пятилетку выполняла чуть ли не на год раньше намеченного срока. Ее постоянно избирали делегатом, депутатом, представителем и еще кем-то, и домом ей заниматься было недосуг. А папа и вовсе взлетел высоко. Он был отличным, уникальным токарем. Но с тех пор, как его избрали членом райкома партии, а потом и членом бюро горкома, он возвращался домой только спать. Маленькая сестренка, зачем только они ее произвели на свет, постоянно оставалась на попечении Оли — не бросишь же родную сестру...

Родители отдалились от нее, и она к этому привыкла. Она была благодарна им и за то, что своими превосходными успехами на производстве и в жизни обеспечили ей вполне благополучное существование и немало упрочили в ней чувство уверенности в себе и защищенности от внешнего мира. Правда, иногда Оле казалось, что отец и мать потеряли для нее что-то живое, близкое, домашнее. Превратились в некий неодушевленный образец примерности и положительности, который надо выставлять на всеобщее обозрение для подражания и поклонения, но что-то мешало ей подражать и поклоняться. С годами все меньше понимала она, зачем устраивать шумиху вокруг простых вещей? Зачем постоянно суетиться и перевыполнять планы, а не создать их сразу такими, какие под силу честно работающему человеку? И стоит ли уж так бурно восторгаться чест-

ным трудом? Разве это не норма порядочности? Летом она уезжала с сестренкой в деревню к бабушке.

Бабушку Оля любила. Отступая от принятых для себя правил, частенько по вечерам лънула к бабушке, укладывая голову на ее колени, чтобы погладила.

С утра до вечера бабушка крутилась в своем хозяйстве, не отказывалась, если просили, пойти помочь на колхозную ферму, где проработала больше сорока лет. Бабушка твердо ступала по земле, на которой родилась и состарилась. И не вставала на цыпочки, чтобы достать с неба луну.

Вечерами бабушка рассказывала Оле о тяжелом деревенском детстве, о молодости, которая пришлось на войну, о трудных и голодных послевоенных годах и о том, как после гибели на фронте мужа пришлось ей одной ставить на ноги сына.

Бабушка судила о жизни без затей, но во всех ее «хорошо» или «плохо» не сквозило надуманности мудрствования, а жила спокойная мудрость опыта и здравого смысла.

Возвращаясь от бабушки в город, Оля Холодова еще больше отстранялась от всех, замыкалась в себе, именно в себе пытаясь черпать силы. Что

могла она противопоставить родителям да и другим малопонятным ей людям, кроме твердого решения жить по-иному?!

Ошалев от того, что произнесла в кабинете Надежды Прохоровны, Холодова постояла немного на лестнице, навалившись грудью на перила. Из-за Виктории не поехать ей в Бельгию, не увидеть другую страну, не поговорить по-французски! Оля припустилась вверх по лестнице, уселась снова в своем укромном уголке у входа на чердак. Быстро вырвала двойной листок из ученической тетради, переписала филомастером из своей разбухшей тетради слова Сократа, произнесенные им, по свидетельству Платона, после смертного приговора: «В самом деле, если вы думаете, что умерщвляя людей, вы заставите их не порицать вас за то, что вы живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Такой способ самозащиты и не вполне надежен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не затыкать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Предсказав это вам, тем, кто меня осудил, я покидаю вас!»

Схватив листок, даже не перечитав написанного, Оля помчалась в кабинет завуча. Дверь там оставалась незапертой.

Подвернувшейся под руку кнопкой быстро прикрепила Оля свой листок к стене над письменным столом. Оставалось немедленно исчезнуть, как и было обещано на бумаге.

19

В свой излюбленный утренний час в начале школьных занятий Надежда Прохоровна нервно расхаживала по кабинету, не замечая, что уже не первый раз поливает цветы. Она была недовольна собою. С кем же все-таки посоветоваться, как поступать? С Анатолием Алексеевичем? Он, в сущности, сам еще мальчик, и растерян не меньше ее. С Ириной Николаевной, лучшим учителем в школе? Но она, как улитка, заползает в свое укрытие, стоит только к ней приблизиться. Такое впечатление, что она боится сказать лишнее слово. От нее никак нельзя было ожидать выяснения отношений с учениками.

Лев Ефимович? Прекрасно преподает французский. Но она давно поняла: интеллигентность не позволяет ему ни во что, с его точки зрения, скандальное вмешиваться. Он осуждает бывшего директора школы, ее предшественницу. Без лишних слов, но все же возмущается ее постоянным стремлением истинное дело подменять показным, да еще заставляя всех вращаться вокруг себя. С неодобрением отзываясь Лев Ефимович и о некоторых действиях Виктории Петровны. Но только в частных беседах, когда она настойчиво добивается его мнения по тому или иному поводу. Выступать публично, на педсовете, не в его правилах. Советовать ей что-то, чтобы взять на себя часть непосильного груза, он не станет. Зачем?!

Виктория Петровна? Впервые она подумала о завуче не только с досадой и раздражением, но и с неприязнью. За что ратует этот ревнитель порядка?! Хочет добиться от мечущихся подростков и равнодушных, плохо знающих свое дело учителей некоего непостижимого совершенства? Не правильнее ли было позаботиться об относительном благополучии и самом минимальном спокойствии для всех в школе, и для детей, и для взрослых? Нельзя же постоянно жить на пороховой бочке?! Надежда Прохоровна корила себя за

мягкотелость и соглашательство. Не надо было отказывать Холодовой в характеристике. Разве может она одна отвечать за всех?

Тут, как шаровая молния, вкатилась в директорский кабинет Виктория Петровна. Ничего не говоря, она протянула двойной тетрадный листок, на котором красным фломастером нацарапано было изречение знаменитого древнегреческого философа.

Надежда Прохоровна принялась изучать Софратову мудрость, а Виктория Петровна присела, мучаясь одышкой, на краешек стула. И вдруг, закатив глаза, упала на пол.

— Что с вами, Виктория Петровна? — воскликнула Надежда Прохоровна.

Ответа она не получила. Виктория Петровна лежала на полу и сердце ее, казалось, вот-вот перестанет биться.

20

Родительское собрание в этом классе провести всегда было сложно. Только неутомимая Виктория Петровна ухитрялась как-то ловить родителей по телефону. Но теперь у Виктории Петровны случился сердечный приступ, и она лежала дома. Надежда Прохоровна с Анатолием Алексеевичем, отчаявшись в телефонных поисках, высказали свои пожелания родителям в ученических дневниках. На зов, как всегда, откликнулись человек семь-восемь, и совсем не те, кого больше всего ждали.

Надежде Прохоровне хотелось, не торопясь, спокойно обсудить и обдумать с родителями не совсем обычную в классе ситуацию, но так, как она предполагала, не получилось. Отец Маши Клубничкиной, полковник, казался крайне взволнованным, но торопился. Он попросил слово, как только вошел. Ни к нему, а у него оказались претензии. Как можно допускать беспорядки? И где? В школе! Младшие должны подчиняться старшим! Беспрекословно! Незачем покатать их выходкам! Приструнить, потребовать, не распускать!..

— Не могу понять,— с искренним удивлением и горечью сказал Клубничкин,— почему моя дочь до сих пор не в комсомоле? Почему она плохо учится?! Что она, не способная? Я этого не замечал..

Вслед за Клубничкиным поднялась Попова. Она тоже была обеспокоена и претензий к себе не имела. У нее рос вполне благополучный сын, тихий, прилежный мальчик. Отличник. Товарищи доверили ему возглавлять комсомольскую группу... Почему же они не слушают ее сына? Не хотят выполнять его поручений? Шумят на уроках? Прогоуливают? Мешают тем, кто хочет учиться? Разве нельзя навести порядок?..

Все родители, в большинстве случаев, недовольны были другими детьми, вообще некими «трудными подростками». У своих, хотя и признавали кое-какие недостатки, все же считали их вполне неплохими, милыми и способными...

Когда зашла речь о дерзкой выходке Холодовой, об ее угрозах и сердечном приступе Виктории Петровны, неожиданно для всех слово попросила Олина бабушка. Родители Холодовой уехали в туристическую поездку в Японию, и к девочкам из деревни приехала бабушка.

— Я выступать не приучена,— сказала бабушка неуверенно.— И не умею я... Так что уж не обесудьте... Я коров доить умею. Сено косить. Хлеба рстить,— она сделала ударение на первом слоге.—

Но сына я поднимала сама, без мужа.— Чувствовалось, что она волнуется. Неловким движением поправила она и без того строго зачесанные назад волосы и стала совсем похожа на свою внучку, Олю Холодову.— Что я хочу сказать?.. Непонятно мне, отчего вы детей «трудными» называете? Мне, грешнице, кажется, что родители нынче трудные... Не успеют родить, не покормят, как положено, все молока у них нету, тут же ребеночка в ясли от себя отнимают. Ну, потом, как положено, сдают в детский сад, да еще на эту, пятидневку, что ли... Потом, пришло время, снова сдают, только уже в школу. И даже после занятий,— она едва сдерживала возмущение, видно, не один день копившееся в ней,— оставляют в школе на продленку, так вроде у вас называется?.. И ребенок, извините меня, так и пасется долгие годы на далеком выгоне... И забывает, чей он, откуда? — Она перердохнула, потом продолжила:

— Домой-то его почти и не приводят. Заглянет, и уж скорее на фигурное катание, или на музыку, или еще куда. И лучший кусок ему, и чтоб самая лучшая одежда и обувка, и развлечения через край! Все для него, ненаглядного. А от него что же? Да ничего! Ни для кого. Вот как получается! Ухаживают, а урожая не ждут. По-хозяйски ли это? — Она растерянно обвела всех присутствующих пытливым взглядом. Слушали ее внимательно и с почтением, и она немного успокоилась.— Вы подумайте, ребенку с товарищами-то побыть некогда. Поиграть или погулять. Что ему товарищи?! Ребенок занятый, а уж о родителях и говорить не приходится! Хороший у меня сын, роптать грех. Он и в своем деле мастер, и человек заслуженный, депутат народный... Но больно уж он... как сказать-то, и не подберу слова, возвеличенный... Хоть и сын мне родной, и любимый, но не знаю я, как к нему и подступаться, а девочка, что ж она, тем более теряется... Почаще бы родители вспоминали, что есть у них дети. И трудные, и нетрудные, они ваши дети. И кто же это, посеяв рожь, ожидает пшеницу?..

И после нее уже нечего было, да и не хотелось говорить.

— А бабуля-то у Холодовой — философ! У них это, должно быть, наследственное,— сказала Надежда Прохорова Анатолию Алексеевичу.— Прямо как у Федора Михайловича Достоевского: «Войдем в зал суда с мыслью о том, что и мы виноваты». Молодец, бабуля! Все верно, они наши дети. Трудные дети трудных родителей. В очень непростое время...

— Время собирать камни?! — Не то размышляя о чем-то своем, не то спрашивая, откликнулся Анатолий Алексеевич и, не стремясь продолжить разговор, удалился.

21

Дневник Вениамина Прибаукина, таинственно исчезнувший из его портфеля, не менее таинственно водворился на прежнее место.

Приключение с дневником, словно камень, резко брошенный в воду, взбаламутил и без того похожую на тишь да гладь обстановку, и пошло, пошло кругами.

— Кися, как ты думаешь,— приставал Венька к Киссицкой,— ты у нас такая у-умная, кто бы мог похитить мой дневник?

Киссицкая пробовала отшучиваться, вспоминать, что «запретный плод», который сладок, стал «яблоком раздора», а потом вдруг обозлилась не

на шутку и, чтобы отвести от себя удар, сказала с вызовом:

— Отстань, Веник, не там метешь. Кто взял? Кому больше всех интересно...

— Кися,— одобрил Веник,— ты Цицерон! — И, вытащив из-под парты свои вечно торчащие длинные ноги, как тигр, нацелившийся на антилопу, метнулся рывком к Юстине Тесли.

— Ю, девочка моя,— сказал он почти ласково, пригвоздив Юстину к стенке своими длинными руками,— не ты ли невзначай позаимствовала на время мой дневник? Тогда ты знаешь, что я не описывал своих чувств к другой особе, потому что их невозможно описать.

Мягкое женственное лицо Юстины сделалось похожим на маску:

— Кому ты нужен, шут гороховый? — Не крик, а смертельная боль вырвалась из Юстиной груди.— Убирайся от меня вместе с твоими мерзкими чувствами! Они меня больше не интересуют! И руки... руки прочь от меня! — Она отпихнула его с силой и, вырвавшись из окружения, как гордая антилопа, ускакала прочь от преследования.

— Это ты, ты, дрянь,— налетела она на Киссицкую,— донесла ему, что я взяла дневник. Ну, и гадина же ты! Кто уговаривал меня только одним глазком посмотреть, что там «эти господа надумали»? А потом сама посмотрела одним глазком, да? И подставила меня? А я... я не такая, как ты... — Она не находила слов.— Предательница... Я не беру чужого... Слышишь? — В слезах она вылетела из школьного коридора и исчезла.

Киссицкую немедленно плотным кольцом обступили все, кто слышал Юстины горькие слова.

— Значит, все-таки ты, Цица? — грозно надвигался на Киссицкую Прибаукин. Рядом стояли Дубинина и Клубничкина, Попов и Столбов, которые теперь повсюду таскались за Венькой. И Венька чувствовал их молчаливую поддержку.— Придется наказать тебя, детка. В детстве тебя не били по попочке, а?

— Отстань, поганый фанат! Отстань от меня, слышишь? — почти плакала Киссицкая.— Если ты не прекратишь привязываться ко мне, то вылетит как миленький из этой школы... Понял? Не брала я твоего дневника. Зачем мне читать твои дегенеративные мысли?!

— Что ты сказала, великий философ Цицерон? Повтори! — Венька крепко схватил Киссицкую за нос и подтащил к себе.— Ну, я жду.

— Я не брала твоего дневника,— почти просвистела Киссицкая, нос ее был зажат цепкими Венькиными пальцами.— А ты... ты дегенерат, слышишь? Фанат и шут гороховый... — Она размахнулась и с силой обеими руками шлепнула его по щекам.

— Венька,— крикнула Дубинина,— оставь ее, Анатолий идет. Мы еще с ней посчитаемся...

22

Юстина побежала по улицам, забитым машинами.

Никогда в жизни у нее не было более счастливо-го времени, чем эта осень. Впервые ее полюбили. Во всяком случае, ей так казалось. Когда Венька смотрел на нее, внутри все дрожало и стонало от радости. Юстина на все готова была ради Веньки. Он избавил ее от одиночества.

Как-то после школы у нее разболелась голова. Она приняла таблетку и улеглась в постель.

Сквозь дрему услышала звонок. Второй. Третий. Неохотно поднялась и, не одеваясь, в длинной прозрачной ночной рубашонке поплелась открывать дверь. Мать иногда забегала днем перекусить.

Но не мать, а Венька неожиданно предстал перед нею.

— У-у-у! Какая ты! — прогудел он и подхватил ее сильными руками. Она вырывалась, но тело не слушалось ее, льнуло к теплым рукам, к источающему тепло и радостное волнение человеку. И радость эта пьянила, туманила сознание... И вдруг неожиданно слетела с уст будто не ею сказанная фраза:

— Ты с ума сошел. У нас еще все впереди...

Правда ли она? Как могла она оттолкнуть Веньку в самый прекрасный момент своей наполненной печалью жизни? Кто мог ответить ей на ее вопросы? Не к матери же ей обращаться, когда у них установились ненавистно-отчужденные отношения?! Да и зачем теперь ей ответы, если Венька отвернулся от нее навсегда? Сначала он избегал ее, а через некоторое время принялся ухаживать за Дубининой так же на глазах у всех, как было это и с нею.

— Зачем ты мучаешь меня? — жалобно зывала Юстина к человеку, который стал для нее самым близким. Но перед ней неизменно оказывался другой, уже не ее, чужой Венька.

Юстина не слышала больше учителей на уроках. Она и дома не могла сосредоточиться на страничках учебников, смысл прочитанного ускользал от нее. Люди мелькали перед нею, как надоедливые комары летом, и все, без исключения, казались ей уродливыми. Краски жизни исчезли, превратились в серенький, однообразный туман.

Не помня себя от гнева, охватившего все ее существо, понеслась Юстина навстречу мчащимся машинам.

— Совсем ошалели! — орал на Юстину милиционер, усаживая в мотоцикл. — Сначала делают, потом думают. Натворила небось чего? Отвезу домой и чтоб носа не высовывала, пока не опомнишься.

Дома, как назло, оказался «голубчик», так называла она новую привязанность матери. Он что-то говорил, путался под ногами.

— Прочь! — крикнула Юстина, швырнула в него портфелем и спряталась в своей комнате.

«Голубчик» побродил возле ее двери, заглянул, спросил, не захворала ли она, не надо ли ей чего. Экая любезность! Яростная, незнакомая ненависть против всех мужчин, против этого вылощенного, благополучного «голубчика», окутившего ее мать, душила ее, заставляя задыхаться от гнева и бессилия.

Юстина вскочила с постели, выбежала из комнаты, сорвала с себя и без того прозрачную рубашонку и застыла в наглой, беззастенчивой позе:

— Ну, тебе от меня что надо? Смотри, я моложе моей матери. Она ж у меня старушка, разве она тебе пара?

Позже она не сможет вспомнить ни его лица, ни его слов, ни себя в тот страшный момент отчаяния. Резкий шлепок по щеке на мгновение вернул ее к происходящему, но тут же все поплыло перед глазами, и она рухнула на пол.

Первое, что она услышала, когда стала приходить в себя, были возмущенные слова матери:

— Вся в отца, такая же стерва. Недаром завуч предупреждала меня, что она готова с этим Прибаукиным лечь в постель... А я, дура, не верила...

Лучше бы ей не приходиться в себя! Или там, на улице, нарвавшись на машины, навсегда исчезнуть. Но исчезнуть навсегда оказалось не так-то просто. И для этого тоже требовалось мужество и душевные силы, не меньше, чем для того, чтобы жить.

23

— Кися, пойди поговори с Надеждой, может, они все же дадут мне характеристику? — попросила Киссицкую Холодова.

— Ага, как тебя защищать, так беги, Кися! А как за меня заступиться, так некому.

— Да ты, Кися, сама вызываешь огонь на себя. Что ты все стараешься унижить их? Не возвышай-

ся, Кися, над всеми, с вышины тяжелее падать!.. — И больше не стала просить, ушла.

— Князь! — кинулась Холодова к Пирогову, с которым с первого класса была в самых дружеских отношениях. — О бедном товарище замолви словечко, а? Ты все-таки член комитета комсомола...

— Друг мой, — как всегда позируя, начал было Пирогов, — видишь ли, какая обостренная обстановка сложилась в нашем мирке...

Холодова не дослушала, фыркнула:

— Тоже мне деятель!

Тут подвернулся под руку Кустов, посмотрел преданными собачьими глазами, ссутулившись, как старичок, попросил заискивающе:

— Я провожу тебя, ладно?

— До кабинета директора! — обдала его холодом своих ледяных глаз Оля-Сократ. — Не ты меня, а я тебя провожу...

— Я не смогу, — забился в тревоге Славик Кустов. — Я только испорчу все дело... Я не умею...

— Не могу... Не умею... Испорчу... Прибавь еще: «Трус я!» — прикрикнула Холодова на влюбленного в нее, сумрачного, совсем ссутулившегося Славика Кустова. — Зачем ты тогда нужен?! Зачем ты вообще нужен?! И чтоб не таскался больше за мною. — Она била наотмашь. — Не Кустов ты, а Хвостов. Тебе это больше подходит. Понятно?

— Все! — крикнула она на ходу всем. — Я теперь только за себя. И ни за кого больше! Запомните! — И она поспешила на поиски Прибаукина.

«Вот Веник, — ехидно думала Оля, — хоть и скотина, но мужик. Знает, чего хочет. Не то, что мой страдалец... Он, пожалуй, заступится».

Вениамин как раз и возник перед нею, словно ее злые мысли обладали магической силой.

— Ну, что скажешь, Сократ? Предали тебя твои «господа»? Помнишь, как хорошо ты объяснял нам, что аристократы считали Сократа развязным, а демократы видели в нем своего разоблачителя? Я надеюсь, детка, ты не хочешь погибнуть, как Сократ? Народец попроще, пока не поздно, готов поддержать тебя...

— Сказать тебе, кто взял твой дневник? — с вызовом человека, все же не отказавшегося от превосходства, спросила Холодова.

— О-о-о! Это запоздалые новости, многоуважаемый брат-Сократ! — отразил атаку якобы превосходящего противника Вениамин. — Дневник позаимствовала ненадолго Виктория, светлая ей память... — Веник наигранно перекрестился.

— А что, с Викторией случилось что-нибудь? — поймав себя Холодова.

— Трусишь, Сократишка? А я думал, ты молодец! Железная девчонка. Ну, что случится с нашей драгоценной Викторией? Люди ее склада сделаны из нержавеющей стали. Поболит для порядка и очухается на радость школе.

— Так чего ж тебе надобно, старче?

— А-а-а, — протянул по своему обыкновению Веник. И Оля заметила, что его длинные волосы потеряли прежний шик, кажутся нечесаными, а красно-белый шарф небрежно повис. — Договариваемся так: Олеська сразу же после урока истории идет соблазнять Анатолия... Ну, насчет твоей характеристики. Клубничкина у нее на подхвате... У них с шефом все отлажено. А ты, Сократушка, группируешь Олимп, и вы все стройными рядами голосуете за прием в комсомол Дубининой, Клубничкиной и Столбова... Мне лично этого не надо, а они хотят в институт. И Кисе Олеська ни за что не уступит. Смекнула?

Холодова посмотрела на Вениамина непроницаемым взглядом.

— Так что? По рукам? — откровенно торговался Прибаукин.

Не отвечая впрямую на вопрос, Оля дружески похлопала Веньку по плечу:

— Топай, чтоб нас вместе не засекали...

Венька с трудом вынес голову из-под низенькой лестницы, куда они удалились поговорить, и сразу же столкнулся глазами с Киссицкой. Киссицкая прогуливалась поблизости с учебником в руках, проявляла бдительность!..

24

— Пирожок, — сказала елеиным голоском Оля Киссицкая, улучив момент, когда Пирогов остался один. — Рассказать сказку по старой дружбе?

Пирогов посмотрел исподлобья. Последнее время он все больше напоминал своего друга, Славику Кустова. Такой замкнутый, хмурый, спрятавшийся от всех внутри самого себя. Он посмотрел на Киссицкую отсутствующим взглядом и ничего ей не ответил. Но Киссицкая не хотела упускать удобного случая:

— Так вот, жила-была девочка... Ну, обычно, как во всех сказках. А дальше, как во всякой сказке, все страшнее и страшнее... Сначала эта девочка жила-была с Сережей Судаковым. Потом словила в свои сети золотую рыбку — неопытного интеллигентного мальчика, сам знаешь кого... Делала вид, что была, а сама была-жила с другим мальчиком, более оборотистым, по имени Веник... Но золотую рыбку не отпускала... У нее можно что-нибудь выпросить. Прием в комсомол, к примеру...

— Что ты плетешь? — возмутился, очнувшись, Игорь. — Какие мерзости! Ты совсем того, Кися, сдвиг у тебя по фазе?

— Как хочешь, — дернула плечиком Киссицкая. — После урока истории подожди к «оружейке», послушай и посмотри. Девочка теперь была-жила еще и с Анатолием. Ей это ничего не стоит. «Красоткам» все легко и просто. А у нее к тому же любвеобильное сердце. Оно вмещает всех вас одновременно. — И, криво ухмыльнувшись, Киссицкая легко вспорхнула и полетела по коридору, словно вальсируя в своем торжествующем полете.

Игорь понимал, что Киссицкая бесится, что она, как и всякий баловень судьбы, не может смириться с тем, что все выходит не так, как она хотела бы. И она ненавидит Олесьюку... Но все же Кися не станет болтать, не зная наверняка. Явная болтовня тут же выяснится, а Кисе надо, чтобы он убедился в том, какая дрянь Дубинина. И вернулся к ней, добродетельной Кисе.

Игорь много раз думал о ней и об Олесьюке одновременно. Почему человек должен постоянно выбирать? Почему нельзя все совместить, никому не причиняя боли? Киссицкая по духу, по воспитанию, да что и говорить, по всему была ему ближе, понятнее. Но как только он видел вблизи темные глаза Олесьюки и движение ее золотистых волос доносило до него запах осенних листьев, он ничего не мог с собою поделать. Неведомая, неистовая сила тянула его к этой девчонке, и в ее отсутствие он ощущал себя в состоянии невесомости. Что мог он объяснить Кисе или даже самому себе?

Он не пошел на историю. Спрятался в туалете и думал, думал, пока голова не заболела. А когда зазвенел звонок, выскочил в коридор, и ноги сами понесли его к «оружейке».

Олесьюка пришла туда вместе с Анатолием Алексеевичем.

Ему хорошо было видно, как Олесьюка, опершись одним коленом на стул, совсем близко наклонилась к Анатолию Алексеевичу и что-то шептала. Что именно? Он не мог расслышать. Но достаточно было и того, что он видел. Он задохнулся от ревности. Ему хотелось немедленно выскочить из своего укрытия. Ворваться в комнатушку с боевым в прошлом оружием, предназначенную вовсе не для любовных излияний. И... застрелить, убить, разорвать на куски Анатолия. Учитель называется!.. В этот миг его безумия на лестничной площадке появились Клубничкина с Прибаукиным. Без всякого предупреждения, как к себе домой, вошли они в «оружейку» и весело переговаривались там с Анатолием Алексеевичем и Дубининой. Значит, ему померещилось? Померещилось?! Он ненавидел себя.

Но вот с Анатолием Алексеевичем в «оружейке» остались Клубничкина и Прибаукин, а Олесьюка помчалась куда-то вниз по лестнице. Он чуть помедлил и понесся за нею, проскакивая на лету ступеньки, падая вниз камнем.

— Олесьюка! — поймал он ее почти у самого вестибюля.

Олесьюка повернулась и, как ему показалось, сразу все поняла. Она была старше его, хотя и родились они в один год и один месяц. Игоря это мучило.

— Что случилось? — спросила Олесьюка. — Еще одно колониальное государство освободилось от гнета империализма?

— Олесьюка, — безнадежно выдохнул Игорь, — ну, в общем... я не могу без тебя... — Он увидел, что она вся сжалась, затихла и невольно отстранилась от него, словно он приотворил ее ударить. — Ты что? — спросил он, чувствуя, что теряет ее.

— Извини, я не могу, — сказала она уже с непопыханным для него страхом.

— Не можешь? — Он страдал, как никогда ему не приходилось. Он тоже был единственным и самым любимым, он тоже не привык к отказу, как и подруга его школьных лет, Киссицкая. — Не можешь со мной? А с Венькой можешь? И с Анатолием Алексеевичем можешь? Значит, правильно говорят, была-жила девочка «на троих», — сказал и сам испугался, отпрянул.

Олесьюка поникла. Ее прекрасные грустные глаза затянуло слезами. Он приготовился к худшему: к пощечине, к презрению, а она до синевы в пальцах вцепилась в лестничные перила и устало проговорила:

— Я не могу, потому что для меня Сережка не умер. Слышишь? Он живой. Ты не поймешь, а он бы понял. Он, может быть, не такой образованный, как ты. И манеры у него не такие изысканные. И он не знает так твердо, как ты, что хочет стать не кем-нибудь, а только государственным деятелем... — Она говорила о Судакове, словно он действительно был жив, в настоящем времени. — Но он добрый, очень добрый... И как бы тебе это объяснить?.. Один человек видел не часто свою любимую, но он всегда ждал ее. И встречал морем апельсинов. Апельсины на полу, миллион апельсинов и одна свеча... Я хочу окунуться в море апельсинов, раз так бывает... Понимаешь? А ты, ты не способен... Извини... Ты не удержишься и съешь все апельсины сам, пока придет твоя любимая. Ты подумай и пока не поздно не станешь государственным деятелем, мне страшно за государ-

ство...— Она откинула золотую прядь с плеча и поплелась вниз по лестнице.

Уже снизу он услышал ее голос:

— И скажи своей Кисе, что я ей этой сказочки про девочку, которая жила-была «на троих», не прощу!..

25

Пирогов отыскал Кустова в туалете. Славка сидел на холодном каменном полу, и во рту у него торчала сигарета. Вокруг валялись окурки. Игорь впервые видел друга курящим. Славкино лицо показалось ему странным, опухшее и тупое лицо, словно он долго плакал, устал и притих.

— Слава! — позвал Пирогов.

Кустов не шелохнулся.

— Славка, ты что? — Игорь тряхнул Кустова за плечи и испугался.— Славка, ты живой?

Кустов, как ватная кукла, подчиняясь рукам Игоря, качнулся, дернулся и осел, принял прежнее положение. Игорь всерьез забеспокоился. Послушал сердце — вроде бьется. Поднял за подбородок голову — на него уставились покрасневшие неподвижные глаза. Жутко стало.

С силой выхватил Пирогов изо рта друга сигарету, бросил под ноги и топтал, топтал, пока не превратил в жалкие крохи. Опомнился, кинулся к крану, набрал в ладони воды и, стараясь удерживать ее, плеснул в безжизненное лицо. Потом еще и еще раз челноком метался от умывальника к неестественной фигуре на полу, едва удерживая в дрожащих руках воду, прижимая мокрые ладони к Славкиным вискам. Не помогало. Тогда Игорь ухватил под мышки непослушное отяжелевшее Славкино тело, с трудом оторвал его от пола, поднял, прислонил к стене и задыхался в лицо, пытаясь дыханием отогреть, вернуть к жизни. Но и так ничего не получалось.

Поначалу Игорь боялся, что кто-нибудь войдет в туалет и увидит Кустова таким, безумным и ничтожным. Теперь он страстно хотел, чтобы хоть кто-то забрел в туалет и помог ему. Но никто не появлялся. Этим туалетом, на первом этаже у раздевалки, пользовались первоклашки, у них уроки давно кончились.

Игорь опустил Кустова на пол и вышел в коридор. Вокруг было тихо и пустынно. Во время болезни Виктории Петровны все словно попрятались, замерли. Учителя, он заметил, теперь не задерживались подолгу, расползались поскорее по домам, а ребята и вовсе не жаждали после занятий оставаться в школе. Не к директору же ему обращаться за помощью? Удрученный и обесилевший от возни со Славиком, Пирогов повернул назад и натолкнулся на ведро у двери. Ведро было грязное. Но в такой ли ситуации думать о стерильности?! Пирогов несколько раз ополоснул ведро, тщательно протер его под краном руками и наполнил. Поднес к Кустову и резкими движениями стал выплескивать воду в лицо и на голову друга.

Кустов мотнул головой, отряхнулся и с удивлением уставился на Игоря мутными глазами, будто никак не мог освободиться ото сна. Игорь похлопал его по щекам, тряхнул легонько, обвил Славкиной рукой свою шею, взвалил на себя отяжелевшее тело и поволок на улицу...

Никогда прежде Славку так не хотелось спать. Он будто просыпался, но тут же снова его затягивало в сновидение, как в болотную трясины. Наконец, он все же заставил себя подняться и ощутил

полное безразличие ко всему. Никогда прежде не испытывал он такого состояния беспомощности, отупения, душевного паралича. Он видел себя вроде бы со стороны, маленьким и трусливым, маменькиным сынком, которого вечно гладили по головке, хвалили и извинялись, когда беспокоили просьбами. Он ничего не умеет, ничего толком не знает, он беззащитен и не приспособлен к этой жизни. А другой нет... Другой нет... Тогда зачем он живет? Зачем?..

Ноги его не слушались. Он едва доплелся до окна, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Внизу торопились куда-то люди. Много людей. «Все спешат, — подумал Славик, — у всех дела. Всех ждут. Все кому-то нужны...» — Мысли путались. Голова кружилась. Ужасно хотелось заснуть...

Его принесли на руках, с остановившимся взглядом. К счастью, он не разбился насмерть. Кустовы жили на втором этаже, и, падая из окна, он приземлился на здоровенную собаку-водолаза, которая шла мимо со своим хозяином. Великий господин случай! У него не оказалось переломов, и ушибы не были опасны. Собака пострадала больше.

Кроме Игоря, никто не догадывался, как страшны его душевные травмы...

26

В тот момент, когда Пирогов так неожиданно настиг Олеську на лестнице, она была в хорошем расположении духа. Она почти убедила Анатолия Алексеевича, что атмосфера в классе сразу улучшится, если Холодовой дадут характеристику, которую по настоянию Виктории Петровны отказали дать, а ее, Клубничкину и Столбова примут в комсомол. Она пообещала даже, что они все вместе навестят завуча. Они устали от неприятностей, и Олесья искренне хотелось, чтобы все наладилось. Анатолий Алексеевич обещал ей подумать, и она почувствовала, что он готов пойти им навстречу.

Пирогов вернул ее к неприглядной действительности. Столько сучков и задоринокросло уже на скрючившемся дереве их школьной жизни, что трудно было проскочить мимо, не зацепившись. Она не пошла искать Холодову, быстро оделась и побежала домой.

Когда Прибаукин, Клубничкина и сама Холодова заявили к ней, она передала им сплетни, которые распускает Кися. Ненависть переполняла Олеську:

— Перевернуть бы ее вверх тормашками, может, утряслось бы все в ее башке!

— Это можно! — пообещал Венька. Он тоже ужасно был зол. Так прекрасно задуманный и разработанный план всеобщего благоденствия неожиданно сорвался из-за Киси. Опять из-за Киси! Пора, пора проучить ее! Пора сказать Кисе: «Брысь!»

— Пора сказать Кисе: «Брысь!» — сказал он вслух. Но девчонки не обратили внимания. Они уже обсуждали, как воскресить их планы, и Маша уговаривала Олеську успокоиться.

27

Когда Венька предложил навестить Викторию Петровну, а ребята, ненавидящие ее, быстро согласились, Киса почувствовала недоброе. Не хотела идти со всеми. Но ее упрекнули: «Ты же староста!». Дубинина сказала: «Она у нас на словах

активистка!». Не хотелось обострять отношения.

Виктория Петровна приходу ребят обрадовалась, суетилась, готовила чай, хотя видно было, что ей это трудно. Ребята были оживлены, рассказывали завучу школьные новости, словно были лучшими друзьями, а потом вдруг быстро стали собираться. Венька сказал:

— С вами, Виктория Петровна, Киссицкая останется, она у нас староста...

Это и вовсе показалось Оле подозрительным, но отказаться она не могла. Разговор не клеился. Сославшись на головную боль, Киссицкая извинилась и попрощалась.

В последнее время у нее часто кружилась голова. Появилась незнакомая странная слабость. Она думала, что переутомилась, изнервничалась, и старалась не обращать внимания на то, как быстро устает и даже порой теряет равновесие.

Виктория Петровна жила в центре города,

в старинных домах. Оля вышла и побрела домой пешком, чтобы подышать воздухом перед сном и еще раз обо всем подумать. Было совсем не поздно. Смеркалось. Накрапывал назойливый колючий дождик, и ветер подгонял в спину.

Показалось, что знакомый, как будто бы Венькин голос окликнул ее: «Кисья!» Она оглянулась. Сзади стоял высокий парень, которого она никогда не встречала. Она быстро отвернулась, но дорогу ей преградили двое в красно-белых шарфах. Широко расставив ноги и локти засунутых в карманы рук, они нахально ухмылялись. Оля вздрогнула и потеряла равновесие. И тут же оказалась в глухом каменном дворе, за помойкой.

— Какая у девочки красивая шапочка! — развязно сказал один из парней. — Не поделишься? Вот с ним. — И он отпихнул Олю к стоявшему рядом приятелю.

Тот, здоровенный верзила, поймал Олю в объятия и сжал так, что кости, казалось, хрустнули.

— Говорят, девочка любит сказочки? — мерзким писклявым голосом поинтересовался верзила, дыша прямо в лицо Оле тяжелым табачным духом. — Хочешь, мы инсценируем сказочку про девочку на троих? А? В пионерском отряде ты же научилась инсценировочкам? — И он откинул Олю

третьему, словно она была мячом в игре «в штан-дер».

Оля попыталась вырваться, закричать, но ее крепко держали, заломив руки за спину. В рот ей сунули платок, задохнулись подалше. Она начала задыхаться. Попробовала отбиваться ногами, но один из парней схватил ее за ноги и оказался на корточках перед нею. С наглостью заглядывая ей под подол, он крикнул:

— О, где мы были, что мы видели! Недаром нам советовали перевернуть это драгоценное создание.

Оле сделалось страшно, так невероятно страшно, что спина взмокла от холодного пота. Ненависть к этой мрази, мелькнувшая мысль, что парни в красно-белых шарфах — «фанаты» и их подослала Венька и его компания, породили в Оле сверхъестественную силу. Она резко рванулась. От неожиданности тот, что стоял сзади, отпустил ее руки. Соединив пальцы обеих рук, она ударила по голове того, что сидел перед нею на корточках. Он, к ее удивлению, неловко покачнулся и стукнулся о помойку. Оля кинулась грудью на третьего, заслонявшего ей дорогу. Это был миг ее торжества. Всего лишь миг. Тут же она снова оказалась в тисках.

— Ну, ну, не рыпайся, девочка! — пригрозили ей. — Хочется, чтоб тебя пожалели? А ты умеешь жалеть? Как же теперь ты станешь трепаться о нравственности?

Они скинули с Оли пальто, шапку, шарф и перевернули кверху ногами.

— Вот так. Повиси немножко. Нам сказали, девочке надо вправить мозги.

Волосами Оля коснулась земли. Почувствовала, что набухают на висках жилы. Ломило позвоночник. Тошнило. Но нестерпимее всего было сознание, что все это подстроил Венька и не без участия

Дубининой. Рыдания душили ее, но рот был заткнут грязным платком...

Платье задралось, опустилось к шее. Ноги в тонких колготках обдавало холодным ветром.

— Пощупаем, из какого теста сделаны умные девочки? — нагло хихикнул один из парней, стаскивая с нее колготки вместе с трусиками.

Оля застыла. Голова сделалась чуждой. Ничего уже не чувствуя, оцепенев от ужаса, услышала она странный металлический звук, будто били в набат, и громкий голос. Но потом ей показалось, что голоса звучат рядом:

— Отрываемся!

— Бросай!

— Быстрее!

Оля рухнула в грязь у помойки.

— Очуаешься, стерва, язык попридержи, вырвем! — предупредили ее и побежали, видно, испугавшись чего-то.

Оля подумала, что спугнувший ее мучителей поможет ей. Но рядом не было никого, кто мог бы протянуть ей руку. Только дождь и ветер несли ей влагу и воздух, такие необходимые, чтобы не задохнуться от горя и выжить.

Сколько прошло времени, пока она лежала, не в силах пошевелиться, захлебываясь слезами, Оля не знала. Но понимала, что все же необходимо подняться. С трудом заставила она себя сначала сесть, потом встать. Машинально поправила одежду, подобрала пальто, шарф, шапку. Парни, лица которых она даже не запомнила, ничего не отняли у нее, кроме радости жить и уверенности в жизни.

Снова страшно болела и кружилась голова. Ее вырвало. Из носа потекла кровь. Болела спина, ноги не слушались. Держась за каменную стену, она едва дотащилась до выхода из двора. Грязная, растрепанная и шатающаяся выползла на улицу.

— Пьяная, что ли? — осуждающе спросил у нее одинокий прохожий, увидев ее неуверенный шаг. — Такая молоденькая, совсем стыд потеряли... — Оля слышала укоряющий голос, но ничего перед собою не видела. Все слилось в красновато-черное траурное пятно и заслонило от нее живой и трепещущий мир.

Случайный прохожий все же остановил для нее такси. Сказал что-то таксисту настойчиво и требовательно. И такси понесло ее по городу к маминим «старикам». Она не могла в таком виде вернуться домой.

— Что с тобою? — спросила бабушка.

— Упала, — ответила Оля, и ее голос показался ей самой незнакомым. Без сил опустилась она на стул.

Слышала, как бабушка раздевает ее, пытается обмыть из таза, словно в детстве. Вдвоем с дедом они тащили ее в постель, которая всегда ждала ее в этом доме. И вот она проваливается в пропасть. Проваливается и перестает существовать.

Утром в школу позвонили из больницы. Киссицкая находилась там в тяжелом состоянии. Врач, не пожелав ничего объяснять по телефону, попросил приехать классного руководителя. Анатолий Алексеевич немедленно отправился в больницу. При встрече врач сказал, что у Киссицкой гипертонический криз. Это случается и в таком возрасте. Но бороться с гипертонией в данном случае сложно, потому что болезнь усугубляется депрессией.

— У нее есть друзья? — спросил доктор.

Анатолий Алексеевич пожал плечами. Доктор посмотрел удивленно, пояснил:

— Чтобы ее лечить, необходимо вернуть ей веру в жизнь, в людей...

Собрав класс, Анатолий Алексеевич говорил кратко, без лишних эмоций. Передавал сказанное доктором. Он старался рассмотреть их лица, уловить хотя бы тень их раздумий. Они стояли молча, не шелухнувшись, низко опустив головы и потупив взоры. Он не увидел ни малейшей реакции и не услышал ни единого слова в ответ. Повернулся и пошел прочь, унося с собой безнадежность...

В назначенный день и час Анатолий Алексеевич поехал в больницу. Сумрачный, ничего не видевший перед собою, подошел к больничным воротам и натолкнулся на мечущихся у входа Клубничкину и Дубинину. Осунувшиеся, с прибранными назад волосами и от этого не похожие на самих себя, они кинулись к нему, словно он, сам всемогущий бог, умел отпускать совершенные грехи.

Молча, говорить с ними ему не хотелось, пошли они больничным парком в корпус. Сзади услышали шуршание осенних листьев под ногами: Пырогов и Попов поспешно двигались вслед за ними. В закрывающихся дверях лифта они увидели растерянные лица Кожаевой и Столбова. Поднялись вверх. Лифт почти сразу же вернулся, и, когда двери его раскрылись, оттуда выпорхнули Тесли и Прибаукин. Вместе ли они пришли, случайно встретились, торопясь к одному часу?..

Анатолий Алексеевич подумал: «Только Холодовой некогда!». И тут же заметил ее угловатую фигурку, стремительно передвигающуюся среди деревьев, теряющих на ветру последние листья.

Почему они пришли? Потрясение пробудило в них живые человеческие чувства? Или это всего лишь привычка подчиняться принуждению? Или их привел страх перед наказанием? Нет, он не умел их понять...

Из палаты вышел врач в белом халате. Жестом пригласил всех зайти. Киссицкая, как тяжелобольная, в палате была одна. Она лежала неподвижно, словно спеленутая, и лицо ее казалось мертвенно-бледным.

— Ты видишь, девочка, — обратился к ней доктор, — тебя пришли навестить. Я думаю, твои товарищи о тебе позаботятся...

На остановившихся, будто застывших, глазах Киссицкой блеснула одинокая слеза. Ребята подавленно, угрюмо молчали.

Киссицкую нельзя было утомлять, и они, постояв недолго, медленно поплыли вниз пешком.

— Вы заметили? — беспокойно спросил доктор, когда они с Анатолием Алексеевичем вышли из палаты. — У них сухие глаза. Сухие глаза страшнее чумы, это — болезнь нашего времени. — И уже взволнованно, но убедительно добавил: — Их надо научить плакать.

Из окна Анатолий Алексеевич посмотрел вслед своим ученикам. Тесной стайкой устремились они за ворота. Туда, где шумела, бурлила и оглушала жизнь...

Что станет с ними?..

Поджидая Анатолия Алексеевича из больницы, Надежда Прохоровна с невыразимой горечью думала о том, что не сумела отвести беду. И не было больше надежды, что все как-то само собою образуется...

Но когда Анатолий Алексеевич вошел в ее кабинет, то увидел перед собою величественную женщину с горделиво вскинутой головой и царственно приветливой улыбкой. Он никогда не умел угадать, что же на самом деле происходит внутри этого человека?..

Надежда Прохоровна настаивала, чтобы Анатолий Алексеевич взял на себя обязанности завуча школы.

Виктория Петровна неожиданно для всех заявила, что ее больное сердце отказывается биться в унисон с новым, для нее непонятым, и собралась на пенсию. В институте, где Анатолий Алексеевич учился, ему предложили написать диссертацию на тему «Личность и коллектив в условиях реформы средней школы». Новому времени нужны были новые идеи и новые люди. Он был молод. Но был ли он новым?

Он мучился, перестал спать, ночная тишина пугала его. Погружаясь во тьму, он постоянно слышал теперь голоса ребят, их ранящие душу крики о помощи:

— Отец прав. Только он и прав. Нельзя жить без веры...

— Чему я должен служить: Истине, Идеалам или Добру?..

— Я устал от трудностей. Я хочу жить легко. Петь и танцевать!

— Нельзя так зависеть от людей. Нужно черпать силы в себе!..

Иногда ему казалось, что он сходит с ума. В эти тягостные часы бессонницы все чаще и чаще он видел перед собою лицо матери. Ему вспоминался ее рассказ о замкнутом круге.

Мама рассказывала, как хоронили Сталина. С друзьями-студентами она оказалась на улицах. Улицы были забиты людьми. Люди суетились, бежали, как безумные, догоняя впереди бегущих, чтобы встать в затылок, след в след к тем, кто, казалось, ближе к цели. Менялись улицы, площади, а они все шли и снова возвращались на прежние места. Наконец, длинный строй вроде обрел порядок. Шли степенно, в цепи, с надеждой и верой. И тут у мамы развязался шнурок на ботинке. Она отошла поодаль и, когда подняла голову, увидела, что люди идут по кругу. По кругу, у которого нет ни начала, ни конца.

Всю жизнь ей не давал покоя этот круг.

С непреодолимым страхом перед прошлым и будущим Анатолий Алексеевич обнаруживал и в себе все же то же бессилие.

Что принесет он детям, заменив Викторину Петровну?

Что нового скажет своей диссертацией, если так и не поймет, как вырваться из страшного круга, в котором так тесно переплелись мертвые и живые...

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ЮНКОРОВСКАЯ
ГАЗЕТА
ЖУРНАЛА
ПИОНЕР

ВПЕРЕД

3/89

Выпуск подготовили юнкоры города Калуги

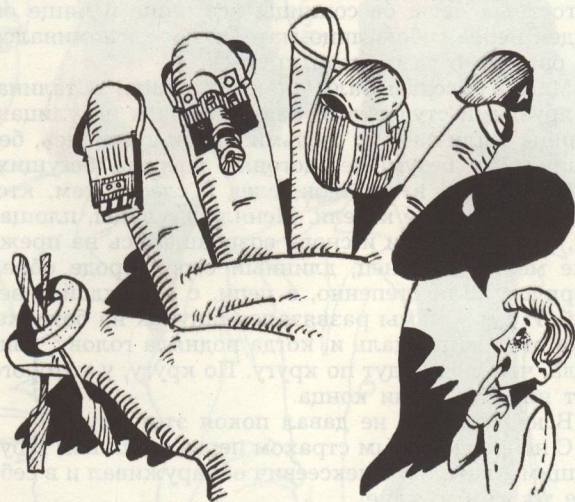

*Калуга - слово тюрское, костромское
Обозначает топь, болота
Город Калуга впервые упоминается
в 1371 году в грамоте литовского
князя Ольгерда.
Говорят еще, что город построен
Симеоном Гордым для обороны от
литовцев
До начала XVI века крепость на
юго-западных рубежах
Московского княжества.
В начале XVI века самостоя-
тельное удельное княжество.*

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ

Кто шагает дружно в ряд?

Моя должность старшего вожатого заставляет задуматься над вопросом: я старший над кем? Нет, не над пионерами, а над отрядными вожатыми. А если их фактически нет? Значит,

я могу распустить мою дружину, состоящую из двадцати одного отряда?

Полноценный отряд не может вдруг — в третьем классе — возникнуть и в конце седьмого

умереть. Он живет постоянно, принимая в свои ряды новых членов, передавая им традиции, заботу о деле. И зная. В противном случае это будет просто мыльный пузырь, красивый, радужный, но никому не приносящий пользы.

Думаю, что больше и больше надо создавать разновозрастных (пионерско-комсомольских) профильных отрядов по типу крапивинской «Каравеллы», пятигорского «Пламени», обнинского «Соляриса». В основу одного положено морское дело, второго — журналистика, туризм, фотодело... Отряды могут создаваться на базе предприятий, колхозов, совхозов, при райкомах и горкомах комсомола, иметь свою материальную базу, заключать тру-

довые договоры. Отряд не означает класс. Отряд выходит за пределы школы...

Необходимо научить ребят мыслить самостоятельно, неординарно, пусть парадоксально, но только не по заданной кем-то схеме. И надо самому вместе с ними учиться думать, не стесняясь своего неумения. И проверять свои мысли делом, которое действительно нужно людям, а не только дяде-проверяющему.

Всем, кто работает с детьми, перестройка дала социальный заказ на личность, на человека со своей гражданской позицией.

Кто сейчас выполнит этот заказ?

Ольга Еремина,
старшая пионерская
вожатая школы № 12,
г. Калуга.

Что должен знать каждый нормальный парень

Некоторые учителя говорят: «У вас на уме одни дискотеки». Наверно, чтобы у нас на уме были не только они, проводят в школе такие «замечательные» мероприятия, как Смотр строя и песни. А в Смотре что главное? Не сбиться с ноги и как можно громче прокричать речевку. Считается, это военно-патриотическое воспитание. Из года в год мы маршируем по школьному двору, орем во всю глотку. Чем громче орем, тем патриотизма, наверно, больше. Но никакого патриотизма наше топание по коридору не воспитывает.

Я однажды прочитал книжку — древнерусские военные повести. Например, там маленький городок Козельск решил не сдаваться татарам, и все горожане полегли — взрослые,

дети, потому что не могли, конечно, победить полчища завоевателей. Полегли, а честь свою посрамить не захотели.

Я после той книжки о многом передумал. И, наверно, первый раз в жизни почувствовал: вырасту, буду защищать свою землю. Потому что защищать — всегда был долг мужчины, с давних времен. И лучше погибнуть, чем отдать родную землю врагу.

Если уж говорить о военно-патриотическом воспитании в школе, то необходимо для нас, парней, вести уроки истории военной доблести. Каждый нормальный парень должен знать историю побед и поражений русского оружия. Я думаю, защитника Родины воспитывает именно это.

Сергей Круглов,
юнкор.

Трудная дорога «Дороги»

Саша измерил комнату.
— Четыре на четыре — провозгласил он. — Шестнадцать квадратных метров!

От шестнадцати мы отняли три квадратных метра, которые занимают шкафы, а в них — туристское оборудование.

Потом от тринадцати мы отняли еще четыре: столы и шкафы с магнитофоном, проигрывателями, разной другой аппаратурой.

Еще полтора квадратных метра занял многострадальный стол: на нем рисуют газеты, пьют чай, в азарте его бьют кулаками, доказывая друг другу что-то очень важное.

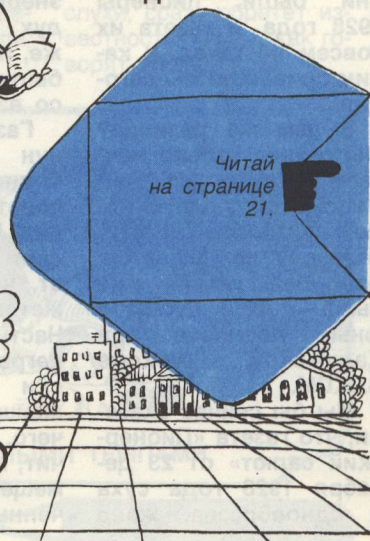
А потом мы поделили 40 человек на 7,5 м²

и в ответе получили: больше пяти человек на один квадратный метр приходится, когда подростковый клуб «Дорога» объявляет общий сбор. А когда приезжают гости или приходят друзья — комнатки, которую выделил Дом работников просвещения, явно не хватает.

Пять лет клуб «Дорога», которым руководит Александр Зайцев, искал помещение. Искал, пытаясь обжить полуподвал под кинотеатром «Пионер». Летом прошлого года положение стало катастрофическим: «Дорогу» попросили освободить подвал в целях обеспечения противопожарной безопасности кинотеатра.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ЧЛЕНОВ
ПОДРОСТКОВОГО
КЛУБА «ДОРОГА»
РУКОВОДИТЕЛЯМ,
ГРАЖДАНАМ
ГОРОДА КАЛУГИ.

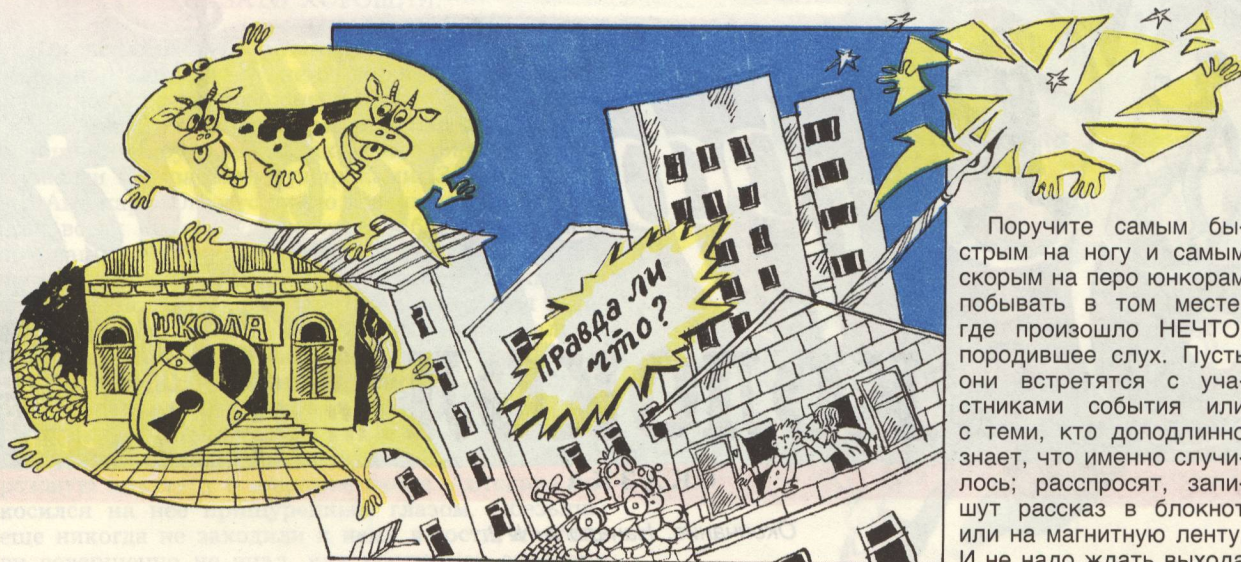

**ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО
ЧЛЕНОВ
ПОДРОСТКОВОГО
КЛУБА «ДОРОГА»
РУКОВОДИТЕЛЯМ,
ГРАЖДАНАМ
ГОРОДА КАЛУГИ.**

Вот уже 5 лет наш клуб бьется за предоставление ему помещения для работы. Мы неоднократно обращались за помощью в партийные, советские и комсомольские органы, но положительных результатов — никаких. Хотя в городе за последнее время и открыто 11 подростковых клубов, нам предлагались подвалы, пребывание в которых опасно для здоровья.

Мы еще раз просим помочь нам выделить помещение для нашего клуба. Мы могли бы организовать там туристский и фотоклуб, футбольный клуб, школу игры на гитаре, клубы любителей авторской песни и рок-музыки, мастерские по изготовлению туристского снаряжения.

А. Зайцев, О. Туркина, Т. Голубева и другие (всего 25 подписей), г. Калуга.

Поручите самым быстрым на ногу и самым скорым на перо юнкорам побывать в том месте, где произошло НЕЧТО, породившее слух. Пусть они встретятся с участниками события или с теми, кто доподлинно знает, что именно случилось; расспросят, запишут рассказ в блокнот или на магнитную ленту. И не надо ждать выхода очередного номера газеты или радиопередачи. Экстренный выпуск — вот что требуется! Короткая правдивая информация о случившемся, четкий комментарий, практические выводы — вот и все. Но как поднимется авторитет вашей газеты или радиожурнала! А репортер, рассеявший глупые, нелепые слухи, сразу обретет известность, «имя», как говорят журналисты.

ЖУРСАД

ЗАНЯТИЯ ВЕДЕТ ВАЛЕНТИН МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ, ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ЖУРНАЛА «ЖУРНАЛИСТ».

Ходят слухи тут и там...

В школе, на улице, в деревне или в городе каждый день что-нибудь да происходит. Бывает, хорошее, бывает, плохое. Иногда — необычное. Иной раз случай

пустячный, а обрастает слухами — ужас!

За устной молвой даже самый опытный журналист не угонится. Слухи, как ни странно, распространяются бы-

стрее радиоволн. И нередко приносят большой вред и взрослым, и детям.

Неужели ничего нельзя сделать?

Можно. Заведите у себя в газете или на школьном радиоузле раздел: «Об этом говорят (в школе, в городе, в деревне)». Или (если слухи появляются часто и вызывают кривотолки) — «Правда ли, что...».

ШЕСТИКЛАССНИКИ, СКЛОННЫЕ К ПИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ...

Помогла редколлегии подготовить выпуск Н. СОЛОМКО.

Оформление Ю. ПАКА.

Никита собирался в шапито, но папа сказал, что они пойдут туда только завтра. Тогда Никита представляет себе, что он все-таки попал в цирк и познакомился там с клоуном Пито, который выступает с обезьяной Маймун. Но обезьяна Маймун пропала: ее обманом увез из города владелец зверинца Хитрюга Бим. Публика, пришедшая на выступление Пито и Маймун, требует выхода на арену своих любимцев. Пито не знает, как быть: выступать-то не с кем! Назревает скандал. Тогда на помощь Пито приходит Никита. Выступление Никиты удачно. Публика рукоплещет ему. А тем временем Пито бросается на поиски Маймуна. Вскоре он попадает в город, где вместо медного колокола на башне висит фарфоровый. Городом владеет Продавец Снов, который опутал сонным дурманом всех горожан. И медный колокол сняли тоже из-за него: чтобы людей не тревожил и не отвлекал ото сна громкий и радостный колокольный звон. Обезьяна Маймун, которая тоже оказалась в этом городе вместе со зверинцем Хитрюги Бима, подстраивает так, что пожарные, по ошибке гася несуществующий пожар, заливают зверинец водой. Все звери разбегаются. Хитрюга Бим разорен. Маймун тоже скрывается, не подозревая о том, что Пито в городе и ищет ее. За всем происходящим наблюдает Никита, по мере сил помогая Пито.

ОНИД ЯХНИН

Фарфоровый колокол

СКАЗКА

Окончание. Начало в № 2.

5. Перламутровый бинокль

Как только раздался грохот пожарных машин, Пито выскочил на улицу.

— Скорей, скорей,— приговаривал он,— где-то пожар. Вдруг потребуется моя помощь?

Пито свернул за угол, пробежал небольшую улочку и остановился перед высоким тесовым забором. Забор перегораживал улицу. Ветер тербил на серых досках забора обрывок какой-то афиши. Пито придержал рукой неровный лоскут бумаги и прочитал:

ЗВЕРИНЕЦ ХИТРЮГИ БИМА!..

.....езьяна...

..... ны МАЙМУН...

.....ИТЕСЬ!!!

— Обезьяна Маймун здесь! — обрадовался Пито. — Но где же искать зверинец?

В этот момент мимо прошмыгнули двое мальчишек.

— Горит зверинец! — кричал один.

— Спасайте зверей! — кричал другой.

И они юркнули в щель между забором и стеной дома. Пито поспешил за ними. По дороге ему попался человек в клетчатом пальто с поднятым воротником.

— Вот-вот,— проворчал он,— ничего не случается просто так. Сначала разбился колокол, теперь пожар. А потом на город нападет бессонница. Все будут ходить днем и ночью по улицам и размахивать руками. Нет, я не позволю!

Последние его слова заглушил шум работающих брандспойтов. А жаль! Интересно было бы узнать, чего не позволит этот мрачный клетчатый человек.

Когда Пито появился на базарной площади, она была пуста. Пожарные машины уехали, оставив длинные мокрые следы от колес, похожие на расплюснутых питонов. Поломанные и перевернутые клетки лежали в огромных лужах. Звери разбежались, а люди разошлись.

— Да,— сказал Пито,— я немного опоздал. Где же мне теперь искать обезьяну Маймун? Да и как ее найдешь?

— МАМА,— СКАЗАЛ НИКИТА,— МОЖНО Я ВОЗЬМУ ТВОЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ БИНОКЛЬ?

— ТЫ ЕГО СЛОМАЕШЬ, ЭТО ВЕДЬ НЕ ИГРУШКА,— СКАЗАЛА МАМА.

— НО МНЕ КАК РАЗ И НУЖЕН САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ БИНОКЛЬ!

— НУ, ЛАДНО,— СКАЗАЛА МАМА,— ВОЗЬМИ, ТОЛЬКО ПООСТОРОЖНЕЙ.

НИКИТА ВЗЯЛ НАСТОЯЩИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ БИНОКЛЬ С ПЕРЛАМУТРОВОЙ РУЧКОЙ И МАЛЕНЬКУЮ ИГРУШЕЧНУЮ ДЕРЕВЯННУЮ ЛЕСТНИЦУ.

— Пито,— сказал Никита,— вот тебе бинокль и лестница. Ведь ты умеешь влезать на самые высокие крыши, правда?

— Конечно,— обрадовался Пито,— я влзу на крышу и посмотрю в бинокль. Вдруг и увижу обезьяну Маймун!

Пито подхватил лестницу, повесил бинокль на

шею и побежал через площадь к дому с башенкой на крыше.

— Только поосторожней, Пито, не потеряй бинокль! — крикнул Никита ему вдогонку.

6. Аптекарь

Обезьяна Маймун отбежала подальше от базарной площади и остановилась перевести дух. Прямо перед собой она увидела дом с узкой дверцей и широким окном. Над дверцей была прибита аккуратная вывеска:

ВСЕГО-НАВСЕГО
аптекарь,
НО ЗАТО ХОРОШИЙ.

«Он всего-навсего аптекарь, а я всего-навсего обезьяна. Спрошу у него дорогу», — подумала обезьяна Маймун и вошла в дом.

В комнате стоял стол, заваленный таблетками, порошками в бумажных пакетиках, фарфоровыми ступками и пузатыми пузырьками. За столом сидел Аптекарь. Он осторожно взвешивал на блястящих весах крохотную желтую таблетку. Крохотные чашки весов величиной с ореховую скорлупку неуверенно покачивались. Аптекарь зажмурил один глаз, а другой прищурил так, что видел только собственные пальцы и нос между ними. Дальше собственного носа он уже не видел ничего.

«Для нашей работы ничего другого и не требуется», — говаривал Аптекарь и добавлял: — Кроме осторожности, конечно».

Обезьяна Маймун подошла к столу и понюхала розовую микстуру в широкой банке. Аптекарь покосился на нее прищуренным глазом. Обезьяны еще никогда не заходили к нему в гости, поэтому он совершенно не знал, как поступают аптекари в таком случае.

— Из осторожности надо поздороваться, — прошептал он и тут же добавил: — А вдруг из осторожности следует промолчать?

Обезьяна Маймун тем временем лизнула какой-то порошок. Он оказался таким горьким, что обезьяна с отвращением замотала головой. Аптекарь очень растерялся.

Обезьяна Маймун выплюнула остатки порошка. Но язык все равно был горьким насквозь, а его выплюнуть не так просто. «Если Аптекарь ест такие горькие порошки, то и разговаривать с ним не о чем, — подумала она. — Придется самой поискать дорогу». Обезьяна Маймун еще раз глянула на испуганного Аптекаря, горько сплюнула и вышла на улицу.

— Из осторожности следует рассказать соседям, — сказал себе Аптекарь, но тут же добавил: — А вдруг из осторожности следует промолчать?

7. Кто ты, шарманщик?

Посреди двора стоял толстый человек с голубым эмалевым ящиком на ремне...

— НИКИТА! — СТРОГО СКАЗАЛА МАМА. — ТЫ УЖЕ НА КУХНЕ! ЗАЧЕМ ТЫ КРУТИШЬ МЯСОРУБКУ?

— ЭТО НЕ МЯСОРУБКА, А ШАРМАНКА. СЛЫШИШЬ, КАК ОНА ИГРАЕТ?

Толстый шарманщик крутил длинную кривую ручку и, казалось, разматывал этой ручкой такую же длинную и тягучую песню. На плече у шарман-

щика сидела зеленая Мартышка. Шарманщик был не кто иной, как Хитрюга Бим, которого многие звали теперь Бедняга Бим. Старая, помятая шарманка да зеленая Мартышка, вот и все, что у него осталось от бродячего зверинца. Не считая, конечно, розовых ушей.

Шарманка хрипела, скрипела, взвизгивала, всхлипывала. К шарманщику подошел человек в клетчатом пальто с поднятым воротником. Он бросил на голубой ящик монету и спросил:

— Ты, шарманщик, нездешний? Я тебя вижу в первый раз.

Хитрюга Бим грустно покивал головой.

— Тебе, шарманщик, кажется, тоже невесело? — продолжал незнакомец.

— Ох, какое уж тут веселье, — отозвался Хитрюга Бим.

— Шарманщик, — сказал незнакомец, — ты мне нравишься. Пошли поговорим о том о сем.

Хитрюга Бим недоверчиво покосился на него и спросил:

— А кто вы такой?

— Я продаю сны.

— Разве сны покупают? — опешил Хитрюга Бим.

— Конечно. Я продаю хорошие сны. С гарантией.

— Как же вы их продаете? Ведь сны не потрогаешь руками. Они — тю-тю, фью-фью. Ничто!

— Ошибаешься. Именно потрогаешь. Именно руками. У меня и контора называется «СОН В РУКУ». Плати деньги и получай сон. Приходит бездомный. Я ему предлагаю сон с дворцом у моря. Голодному — обеденный сон. Босому — сон с ботинками. И все это совсем недорого. Спи — и радуйся. Слушай, шарманщик, купи у меня сон с музыкой.

— У меня нет денег, — насунился Хитрюга Бим.

Продавец Снов повел бровью, потом ткнул себя пальцем в лоб, потом поставил этот свой кривой палец перед носом, будто саблю на параде, а потом хихикнул.

— Хорошо,— сказал он,— я тебе подарю любой сон и еще немного денег. А ты помоги мне в моем деле.

— Помогу-помогу,— обрадовался Хитрюга Бим,— я неплохой помощник в плохих делах.

А продавать сны вместо хлеба дело наверняка плохое! На нем можно неплохо заработать.

— Ну вот и прекрасно,— сказал Продавец Снов,— приходи сегодня в мою контору, и мы обо всем договоримся.

ЧАСТЬ 3. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОСТОИТСЯ

1. Сон с бананами

Напротив аптеки была знаменитая контора «СОН В РУКУ». Она занимала половину Деловой улицы. Над входом в нее висела фарфоровая вывеска с завитушками, похожая на фарфоровый колокол, будто племянница. Дверь была маленькая, а окон не было вовсе. Обычно Продавец Снов запирает свою контору на огромный замок, но сегодня он так расстроился, что забыл это сделать. Обезьяна Маймун из любопытства заглянула внутрь дома. Она увидела длинный коридор со множеством дверей. На дверях висели маленькие таблички.

Обезьяна Маймун принялась читать их: «сны очень дорогие», «сны не очень дорогие», «сны дешевые», «сны очень дешевые», «видения», «грезы». Она открыла одну дверь и увидела высокие полки с квадратными коробочками. Комната была наполнена разными запахами. Сны с бомбами пахли дымом. Сны с пушками пахли порохом. Сны с деньгами пахли и дымом, и порохом. Обезьяна Маймун чихнула, захлопнула эту дверь и открыла другую. Здесь пахло едой.

«Когда хочется есть,— подумала она,— запах еды самый приятный». И принялась ходить вдоль полок. «Сон с обедом», «сон с ужином», «сон с мармеладом», «сон с бананами»...

«Вот этого мне как раз и не хватает»,— обрадовалась обезьяна Маймун. Она спрятала в карман свою ореховую трубочку и сняла с полки «сон с бананами».

«Ах, как чудесно пахнет!»— сказала себе обезьяна Маймун и открыла коробку.

2. Газета «Приятные Сны»

Пито смотрел в бинокль не отрываясь. Сначала он видел только красные черепичные крыши. Целое море волнистой черепицы. У Пито даже зарябило в глазах. Потом он начал замечать воробьев на крышах домов и на деревьях. Потом он увидел толстого шарманщика. К шарманщику подошел человек в клетчатом пальто. Обезьяны Маймун здесь не было, и Пито стал смотреть в другую сторону.

Он увидел длинную Деловую улицу и самую большую вывеску на ней. «СОН В РУКУ»,— с легкостью прочитал Пито, будто стоял от этой вывески в двух шагах. Вот какой замечательный бинокль был у него! Но, к сожалению, даже в самый лучший бинокль нельзя видеть сквозь толстые стены. Иначе Пито увидел бы обезьяну Маймун, спящую возле пустой коробки с надписью «сон с бананами». Но Пито, конечно, не видел обезьяну Маймун, а повернулся совсем в другую сторону.

И тут он заметил большую толпу людей, собравшихся на перекрестке у круглого скверика. Пито даже показалось, что до него донесся гул голосов.

«Эге,— подумал Пито,— не обезьяна ли Маймун устроила там представление?»

Он слез с крыши и поспешил на тот перекресток, где толпился народ. Пито совсем забыл, что бинокль, замечательный театральный бинокль с перламутровой ручкой остался на крыше дома.

Пито долго петлял по кривым улочкам. Быстро перебежал через площади с бьющими фонтанами и неподвижными статуями. По пути его хватали за рукава и даже за воротник усадые уличные торговцы.

— Эй, парень,— кричал один,— если ты спешишь, то купи у меня бумажную ветряную вертушку! С ней долетишь как на крыльях!

— Апельсины — лучшая еда в пути! — кричал другой.

К Пито подскочил газетчик.

— ПАПА,— СПРОСИЛ НИКИТА,— О ЧЕМ ПИШУТ В ГАЗЕТАХ?

— ОБО ВСЕМ,— СКАЗАЛ ПАПА.

— Вести в дорогу! Обо всем понемногу! — выкрикивал газетчик.— Купите газету «Приятные Сны!» Свежие новости: «Четыре Принца» и «Пожар в зверинце!»

Пито взял газету. В глаза ему бросился огромный заголовок:

«СОННЫЕ ПРИНЦЫ

Четыре принца с Ближнего острова купили в нашей конторе четыре сна: сон с короной, сон с треном, сон с королевской печатью и сон со шпорами. Теперь каждый принц считает себя королем, но у каждого чего-то не хватает. У одного есть корона, но не на чем сидеть. У другого есть королевские шпоры, но нет печати для королевских указов. У того есть печать, но нет золотых шпор. А этот сидит на троне, но с непокрытой головой. На острове полный беспорядок. Начались беспорядки. Предлагаем принцам закупить у нас партию снов для успокоения населения. Имеются сны с кнутами и сны с прыжниками».

— Так, так,— сказал Пито и принялся читать другую заметку. Она была напечатана мелкими буквами в самом дальнем углу газеты.

«ПОЖАР В ЗВЕРИНЦЕ

Вчера в зверинце был потушен пожар. Звери скрылись в лесу. Виновник пожара — курящая обезьяна. В городе все спокойно. Приятных сновидений. ЛУЧШЕЕ развлечение для детей — СОН СО СПИЧКАМИ. Совершенно безопасно!»

3. Убытки и неприятности

Продавец Снов еще издали увидел, что дверь в его контору открыта настежь.

«Караул! Ограбили!» — хотел крикнуть он. Но у него, как в страшном сне, пропал голос. Он только по-рыбьи раскрывал рот и выпучивал глаза. Потом ощупал дрожащими руками дверь. Замок был цел. И тут Продавец Снов вспомнил, что сам не запер его сегодня утром.

Он заглянул в кладовую с очень дорогими снами. Все было на месте.

— Значит, не караул, не ограбили! — обрадовался Продавец Снов.

У него сразу появился голос, а глаза перестали выпучиваться и снова спрятались глубоко под бровями. Он прошел в свой кабинет, снял клетчатое пальто и уселся в мягкое кресло. После таких

волнений следовало отдохнуть. Любой продавец снов на его месте поступил бы так же. Тем более что скоро придет шарманщик, а при нем следует быть спокойным.

Шарманщик (а вернее, Хитрюга Бим) не опоздал ни на минуту.

— Самое хитрое дело на свете — это прийти вовремя, — говорил он.

Увидев Продавца Снов, Хитрюга Бим растерялся. Вместо мрачного человека в потертом клетчатом пальто сидел перед ним почтенный торговец в жилете с бриллиантовыми пуговицами. Пуговицы надменно посверкивали.

— А, уважаемый шарманщик! — сказал Продавец Снов приветливо. — Поставь свою шарманку в угол и садись.

«Ого, — подумал Хитрюга Бим, — он слишком богатый, с ним хитрить опасно».

А Продавец Снов сделался вдруг печальным-печальным.

— Спасибо тебе, шарманщик, что не забыл бедного, одинокого человека, — сказал он тихим голосом.

«Эге, — ухмыльнулся Хитрюга Бим, — кто же из нас хитрюга — я или он?»

А Продавец Снов продолжал жалобным голосом:

— Да, да. Я бедный человек, ведь за сны я ничего, кроме денег, не получаю. Вот, например, однажды генерал Вояка купил у меня сон с войной

и с медными трубами. С тех пор он спит и видит войну и без моих снов. А мне одни убытки.

— Мне вас так жалко, — всхлипнул Хитрюга Бим.

Продавец Снов оживился. Он поманил Хитрюгу Бима и зашептал ему в самое ухо:

— А в другой раз богатый банкир купил сон с деньгами. И я чуть не попал в тюрьму. Этот банкир хотел увидеть во сне все деньги, какие есть на свете. А увидел только половину и тут же подал в суд. Такие были неприятности!

— Ай-я-яй! — сочувственно пропел Хитрюга Бим.

У Продавца Снов сделалось совсем грустное лицо.

— Да, да, — сказал он, — так всю жизнь: убытки и неприятности, неприятности и убытки. И подумать только, ничего, кроме денег, я не получаю! Нет, я очень хороший человек! Не правда ли, шарманщик?

И Продавец Снов поглядел исподлобья на Хитрюгу Бима.

— Конечно, неправда! — воскликнул Хитрюга Бим. — То есть я хотел сказать, что вы действительно прекрасный человек!

Продавец Снов подозрительно поглядел на Хитрюгу Бима и сказал:

— Верить? Ну то-то, тогда помоги мне, и я в долгу не останусь.

И они зашептались. Вернее, шептал Продавец Снов, а Хитрюга Бим только слушал. Слова сыпались в его ухо, как монетки в пухлый розовый кошелек.

— Ты человек достаточно чужой в нашем городе. А чужим верят больше, чем своим, поверь мне, — шептал Продавец Снов.

4. Разбитые сны

Зеленая Мартышка поерзала на жесткой шарманке, ей стало неудобно, и она спрыгнула на пол. С опаской посмотрела на Хитрюгу Бима. Но ему было не до зеленой Мартышки.

— А сколько вы мне за это заплатите? — спросил Хитрюга Бим.

Продавец Снов снова что-то зашептал на ухо Хитрюге Биму. Зеленая Мартышка тихонько выскользнула в коридор. Она вприпрыжку пустилась вдоль коридора, заглядывая в каждую дверь. Вдруг ее чуткое ухо уловило легкое посапывание. Она осторожно подошла поближе, приоткрыла дверь и просунула в комнату свою круглую мордочку. И тут зеленая Мартышка увидела обезьяну Маймун, которая сладко спала, свернувшись калачиком. Она подошла и потрогала обезьяну Маймун за ухо. Обезьяна Маймун открыла глаза и с удивлением уставилась на зеленую Мартышку.

«Если это зеленая Мартышка, — подумала она, — то я в клетке. Но ведь я только сейчас ела бананы вместе с Питой! И даже не успела доесть один самый спелый».

Обезьяна Маймун снова закрыла глаза. Бананы не появились. Тогда она открыла глаза. Зеленая Мартышка не исчезла. Обезьяна Маймун потрясла головой и окончательно проснулась. На всякий случай она пошарила вокруг себя, но недоеденного банана не нашла. «Так это был сон! — рассердилась обезьяна Маймун. — Только во сне можно съесть столько бананов и остаться голодной!»

А зеленая Мартышка тем временем забралась на самую верхнюю полку и спихнула несколько

коробок. С грохотом упали коробки на пол. Зеленая Мартышка ухмыльнулась и начала быстро махать всеми четырьмя лапами и даже хвостом. Коробки сыпались вниз, словно спелые яблоки в сильную бурю. Обезьяне Маймун понравилась эта затея, и она принялась за другую полку.

«Если, кроме запаха, в коробке ничего нет, то ей место на полу, а не на полке», — ворчала она сама про себя, сталкивая коробки.

— БАМ! БУХ! ТРАХ! — услышали Хитрюга Бим и Продавец Снов. Они выскочили в коридор и бросились в сторону неожиданного шума. Вбежали они в комнату, когда обезьяна Маймун и зеленая Мартышка сбрасывали последние коробки со снами. На полу валялась гора раздавленных и разбитых коробок.

— Мои сны! — прошептал Продавец Снов и позеленел от злости.

— Мои обезьяны! — прошептал Хитрюга Бим и порозовел от радости.

— Держи их! — крикнул Продавец Снов.

— Лови их! — крикнул Хитрюга Бим.

Но обезьяна Маймун и зеленая Мартышка выскользнули в открытую дверь и пустились наутек. Продавец Снов стал на четвереньки и принялся собирать коробки. Вдруг Хитрюга Бим зевнул и потянулся.

— Я люблю поспать и не вижу в этом ничего плохого, — сказал он.

— Не смей спать бесплатно! — закричал на него Продавец Снов. — Каждый мой сон стоит денег!

И Продавец Снов вытолкнул Хитрюгу Бима из комнаты.

— Сейчас же забирай свою шарманку и отправляйся на улицу! Успокоишь народ и тогда получишь любой сон бесплатно!

5. Осторожность прежде всего

Ветер залетал в открытые окна, и дома взмахи-вали длинными занавесками, как крыльями. Дядюшка Добряк шел по улице, прислушивался к веселым разговорам, улыбался знакомым. Вдруг он увидел аптеку с наглухо закрытыми окнами. Занавески были плотно задернуты.

— Странно, — пробормотал дядюшка Добряк.

Он постучался и приоткрыл дверь. Аптекарь сидел за столом и старательно взвешивал на блестящих весах крохотную таблетку.

— Добрый день, — сказал дядюшка Добряк.

— Вы уверены? — спросил Аптекарь, не поднимая головы.

— В чем? — не понял дядюшка Добряк.

— В том, что день действительно добрый. А шум на улицах? Такого у нас в городе еще не бывало, — сказал Аптекарь. — Нет, это явно не к добру!

— Но ведь все такие добрые и веселые, — сказал дядюшка Добряк, — выгляните на улицу и вы сразу это увидите!

— Нет, это слишком неосторожно, — сказал Аптекарь и тут же добавил: — Впрочем, если все на улице, то из осторожности сидеть дома не стоит.

Он аккуратно завернул таблетку в тонкую бумажку и встал из-за стола. На улице Аптекарь испуганно огляделся по сторонам и приложил палец к губам.

— Ох, — сказал он, — надо быть очень осторожным, хотя бы из осторожности.

Дядюшка Добряк расемаялся.

— Вы мне напоминаете осторожного сторожа, — сказал он.

— Какого сторожа? — испугался Аптекарь. — Я не имею дела со сторожами.

Дядюшка Добряк положил ему руку на плечо и успокоил:

— Это давняя история. Теперь уже давняя.

И дядюшка Добряк рассказал Аптекарью историю **ОСТОРОЖНОГО СТОРОЖА**.

— Ворота закрываются! Ворота закрываются! Не забывайте на скамейках свои зонтики и очки! — покрикивал сторож, шагая по узеньким дорожкам парка.

Это был настоящий, хороший и осторожный сторож. Поэтому он больше любил закрывать ворота, чем открывать их. Каждый вечер он закрывал ворота парка на пять минут раньше. И через каких-нибудь два-три месяца случилось так, что лишь только парк открывался, его тут же можно было закрывать. Сторож ликовал: у него всегда был образцовый порядок и ничего не надо было опасаться. Никаких происшествий.

— Ворота закрываются! Ворота закрываются! Не забывайте... — кричал он за пять минут до открытия парка.

Хороший, осторожный и надежный сторож. Вот только беда: никак не мог попасть в тот парк садовник.

Не успел дядюшка Добряк произнести последние слова, как из-за угла выскочил Хитрюга Бим. Он чуть не сбил с ног Аптекаря.

— Куда спешите, дружище? — спросил дядюшка Добряк.

Хитрюга Бим приосанился, важно выпятил живот и сказал:

— Имею поручение навести порядок. Городу пора спать, а шум мешает.

Дядюшка Добряк нахмурился и покачал головой.

— Нет, — сказал он, — теперь у вас ничего не выйдет. Поздно спохватились, приятель!

Услышав эти слова, Аптекарь на цыпочках отошел подальше и бросился бежать.

— Домой, домой, — шептал он, — я ведь знал, что выходить на улицу неосторожно. Нет, нет, осторожность прежде всего! Да, да!

И он крепко запер за собой дверь.

6. Находка на крыше

Зеленая Мартышка с ловкостью хорошего акробата перепрыгивала через кусты и заборы. Вот где пригодилась ее прыжки на качелях. Даже обезьяна Маймун еле поспевала за ней. Правда, ей еще приходилось придерживать шляпу на голове.

Они пробежали один переулок, другой, в пять прыжков пересекли площадку, бежали в распахнутые чугунные ворота и... остановились. Дальше дороги не было. Двор был похож на глубокий серый колодец. Очень высоко над головой висел квадратик неба с половинкой белого облака. Туда же, вверх вела узкая пожарная лестница на стене дома. Обезьяна Маймун оглянулась на чугунные ворота.

«Если мы бежали вперед, то зачем же возвращаться назад?» — подумала она и ухватилась за нижнюю перекладину пожарной лестницы. Потом показалась вторая половина белого облака. И вот обезьяна Маймун и зеленая Мартышка уже на крыше дома. Теперь можно шагать по крышам над городом. Но в какую сторону?

Сверху все улицы похожи одна на другую. К тому же их оказалось очень много. «Кому нужно

столько переулков? — подумала обезьяна Маймун. — Наверняка половина из них просто лишние». Она собралась хорошенько подумать над этим. Но легкомысленная зеленая Мартышка уже поскакала с крыши на крышу, заглядывая в печные трубы и в окна чердаков. Обезьяна Маймун презрительно хмыкнула и отправилась дальше. «Прыг-прыг», «шлеп-шлеп» по черепицам.

Ой, сколько всякого добра, оказывается, на крышах домов! Вот рваный мячик. Вот гвоздь. Вот колесико. А это что такое? Обезьяна Маймун увидела бинокль с перламутровой ручкой. Она повертела его, покрутила. Посмотрела с одной стороны. Все вокруг стало маленьким. Будто соседние дома мгновенно перенеслись на окраину города и превратились в игрушечные домики.

Тогда обезьяна Маймун повернула бинокль другой стороной. И тут она совсем близко увидела круглый скверик на перекрестке и огромную толпу. Так много народу обезьяна Маймун видела только в цирке. «Эге, не Пито ли устроил там представление?» — подумала она. В этот момент зеленая Мартышка испуганно взвизгнула и спряталась за большой ржавый флюгер. А снизу, с мостовой, прилетел голос Хитрюги Бима:

— Держи! Лови! Хватай!

От неожиданности обезьяна Маймун выронила бинокль. Он мелькнул в воздухе перламутровой ручкой и шлепнулся прямо на шарманку. Хитрюга Бим удивленно пожал плечами, взял бинокль и глянул в него. Он увидел обезьяну Маймун и зеленую Мартышку, которые неслись по крышам домов, обгоняя друга друга.

— Хватай! Лови! Держи! — гаркнул Хитрюга Бим.

7. Гулкий Колокол

Круглый скверик, похожий на цирковой манеж, был переполнен людьми. Те, кому не хватало места, влезли на ограду. Они сидели на бронзовых гирляндах, словно птицы на проводах. Подстриженные деревья, эти большие ковровые шары на тонких ножках стволов, гнулись под тяжестью забравшихся на них мальчишек.

Пито подошел поближе к витой ограде и огляделся. Поодаль стояли мелкие торговцы. Со своими лотками и тележками они не могли протиснуться в плотную толпу. Тут был торговец апельсинами. Красноватые апельсинки в его тележке лежали треугольной горкой, похожей на черепичную крышу. Рядом газетный разносчик с тугой пачкой газет на плече. Здесь же корзинщик с башенкой соломенных корзин, вставленных одна в другую, как шляпы.

Всюду мелькали цветастые передники толстых тетушек, без которых не обходится ни одно даже самое маленькое происшествие. Они хлопали себя ладонями по щекам и покачивали головами.

— Я так волновалась, что у меня сгорел вафельный пирог без начинки!

— Ах! Ах!

— Придется подать на третье сон с компотом.

— Эй, тетушки! — сказал Корзинщик. — Надоели нам сны с компотами да с котлетами. Мы хотим есть настоящий обед, а не смотреть на него во сне.

— А я, — сказала Девушка в белом платье, — не хочу сон с цветами. Пусть мой жених подарит мне настоящие цветы. Хотя бы маленький букетик!

Садовник услышал эти слова и повернулся к Девушке.

— Я с удовольствием разведу чудесный сад, если это кому-нибудь нужно, — сказал он.

Мальчишки, покачиваясь на толстых ветвях деревьев, кричали:

— Хотим интересных книжек!..

— А видим их только во сне!..

А где-то там, в центре сквера, из самой гущи народа слышался громкий голос Кузнеца.

— Вот он, Колокол! — говорил Кузнец густым колокольным басом. — Наш гулкий медный Колокол. Он снова с нами! Слышите, как он гудит? «Дон-дон-н! Делитесь своей радостью с другими, и вам будут благодарны. Дон-дон-н! Делитесь своим горем, и к вам придут на помощь. Дон-дон-н!»

Тут появился Хитрюга Бим. Из его кармана торчал бинокль с перламутровой ручкой. Шарманку свою он где-то потерял, гоняясь за обезьяной Маймун и зеленой Мартышкой. Хитрюга Бим протолкался поближе к ограде. Пришлось ему обходиться без усыпляющей шарманочной музыки, и он просто крикнул погромче:

— Если вы будете делиться своей радостью с другими, то вам самим ничего не останется!

— Ах, как это верно! — зашептались тетушки в цветастых передниках.

А Хитрюга Бим подмигнул Корзинщику и продолжал:

— Вот горем своим я согласен поделиться с любым. Только кто его возьмет у меня?

— Ха-ха! Хи-хи! Как это остроумно! — захихикали толстые тетушки.

Люди начинали поворачиваться к Хитрюге Биму. Некоторые даже подошли поближе. Хитрюга Бим самодовольно поглядывал вокруг. Его розовые уши светились, как фонарики.

— Разве вам надоела спокойная жизнь? — говорил он. — Размеренная, сонная, тихая жизнь, когда никто ни о чем не беспокоится и никто никого не беспокоит? Правильная жизнь по всем правилам. Что может быть спокойнее сна? Так зачем же беспокоить друг друга?

В этот момент сквозь толпу пробился дядюшка Добряк.

— Не слушайте его! — крикнул он. — Этот человек похож на те самоуверенные часы, которые показывали неправильное время.

— Какие часы? — спросил Корзинщик.

— Расскажите, дядюшка Добряк! — закричали вокруг.

— Ну что ж, — сказал дядюшка Добряк, — вот эта история.

И он поведал историю о САМОУВЕРЕННЫХ ЧАСАХ.

— У одного человека на стене висели часы. Очень солидные, с резными деревянными башенками. Маятник носился туда и обратно. Он не мог остановиться ни на минуту. Да что там на минуту! Секунду постоять и то не имел права. Бегал маятник и приговаривал: «Так-и-так!» А две толстые стрелки в черных фраках, одна поменьше, другая побольше, отвечали ему: «Только так!» И передвигались по круглому циферблату. Одна помедленнее, другая побыстрее. Круг за кругом. Круг за кругом.

Очень был доволен человек своими часами. Ляжет человек на диван, позевает немного, посмотрит на часы. А часы: «ТАК-И-ТАК! ТОЛЬКО ТАК!»

«Ага, — думает он, — правильно я живу».

Потом поспит, проснется, позевает немного. Посмотрит на часы. А часы: «ТАК-И-ТАК! ТОЛЬКО ТАК!»

«Эге, — думает он, — правильно я живу!»

Потом постоит у окна, позевает немного. Посмотрит на часы. А часы: «ТАК-И-ТАК! ТОЛЬКО ТАК!»

«Угу! — думает он. — Правильно я живу!»

Так и жил этот человек. Только одного не замечал он. Ведь эти самоуверенные часы шли неправильно. Они отставали. И не на час. Не на два. Даже не на год. А на целую жизнь.

— НИКИТА,— СКАЗАЛА МАМА,— ТЫ НЕ ПОТЕРЯЛ БИНОКЛЬ?

Никита тронул Пито за руку.

— Пито,— сказал он,— ты не потерял перламутровый бинокль?

Пито порылся в карманах, потом заглянул в правый башмак и в левый тоже.

— Эх, мало того, что пропала обезьяна Маймун! А тут еще бинокль... — вздохнул он.

Вдруг какая-то тень промелькнула на крыше дома, перескочила на верхушку дерева, а с дерева — на землю. Это была обезьяна Маймун. Она одним прыжком оказалась около Хитрюги Бима и ловко выхватила у него из кармана перламутровый бинокль.

— Маймун! — обрадовался Пито.

— МАМА,— СКАЗАЛ НИКИТА,— ВОТ БИНОКЛЬ С ПЕРЛАМУТРОВОЙ РУЧКОЙ.

Хитрюга Бим шмыгнул в сторону и затерялся в пестрой толпе.

— ПАПА,— СПРОСИЛ НИКИТА,— КОГДА НИКОГО НЕ БОИШЬСЯ, ТО, ЗНАЧИТ, ТЫ СМЕЛЫЙ?

— ДА,— ОТВЕТИЛ ПАПА.

— А ЕСЛИ СНАЧАЛА ВСЕ КОГО-ТО БОЯЛИСЬ, А ПОТОМ ПЕРЕСТАЛИ БОЯТЬСЯ, ТО ОНИ СТАЛИ СМЕЛЫМИ?

— ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО,— СКАЗАЛ ПАПА.

НИКИТА НЕМНОЖКО ПОМОЛЧАЛ И СПРОСИЛ:

— ПАПА, А «ВПОЛНЕ» — ЭТО ЗНАЧИТ СОВСЕМ, ДА?

НО ПАПА ЗАШЕЛЕТЕЛ СВОЕЙ БОЛЬШОЙ ГАЗЕТОЙ И НИЧЕГО НЕ ОТВЕТИЛ.

— НУ, КОНЕЧНО,— СКАЗАЛ НИКИТА,— ЕСЛИ СМЕЛЫЕ, ТО СОВСЕМ ПОВЕДЯТ!

— Друзья,— сказал Пито,— конечно, я недавно в этом городе, но я уверен, что смелые всегда победят!

Обезьяна Маймун сняла шляпу и вежливо раскланялась.

8. Сон или не сон?

Продавец Снов спал возле рассыпанных на полу коробок и видел сразу много-много снов. Сны из разных коробок перемешались, будто сушеные фрукты в компоте. Сначала ему приснились яблоки. Они были уложены в длинные деревянные ящики. Один ящик с треском раскрылся. Но

вместо яблок там оказалась большая зеленая пушка. К пушке подошел генерал Вояка. Он выкатил пушку из ящика и сказал Продавцу Снов: «Вот тебе пушка. Садись и поезжай на войну. А я буду смотреть в подзорную трубу и командовать». Продавец Снов испугался, заворочался, повернулся с боку на бок и увидел другой сон. Садовник принес ему огромный букет цветов. Но Продавец Снов не обрадовался, а спросил: «Откуда?» «Из сада», — ответил Садовник. «Из настоящего?» — спросил Продавец Снов. «Из самого настоящего. Живые маки и тюльпаны», — ответил Садовник.

И тут Продавец Снов страшно рассердился. Он хотел затопать ногами, но оказалось, что перед ним вовсе не Садовник, а четыре принца с Ближнего острова. Те самые, которые не могли поделить корону, трон, печать и шпоры. «Ага! — закричали четыре принца хором. — Вот ты где нам попался! Отдавай наши деньги и забирай обратно свои сны». «Не волнуйтесь», — сказал Продавец Снов. «А мы и не волнуемся. Это народ волнуется», — завопили четыре принца. «Но я же послал вам для народа сны с кнутами и пряниками!»

От этих слов принцы стали разноцветными. Один побелел, другой покраснел, третий позеленел, а четвертый стал фиолетовым. Четыре принца превратились в безобразный букет. И букет этот был в руках у Продавца Снов. Он вздрогнул и швырнул отвратительный букет на пол. Но вдруг оказалось, что чашечки цветов превратились в большие фарфоровые чашки. «Динь-длиндинь!» — зазвенели чашки. Продавец Снов охнул, но было поздно, — чашки разбились вдребезги.

— Чашки разбиваются на счастье! — услышал Продавец Снов.

— Кто это сказал? — рассердился он и огляделся по сторонам. Ни принцев, ни генерала Вояки не было. Комната наполнилась народом. Впереди всех стоял Кузнец. Продавец Снов протер глаза и понял, что сон кончился. И все происходит теперь наяву. А люди шумели и гневно кричали:

— Не хотим больше снов!

— Хватит нас обманывать!

Продавец Снов очень пожалел, что уже не спит. — Я бедный добрый человек! Что вы от меня хотите? — захныкал он.

— Вы слышали? — сказал Кузнец. — Он добрый!

— Вы слышали? — возмутился Садовник. — Он бедный!

И все кругом громко засмеялись. Продавцу Снов этот смех показался очень обидным.

— Неблагодарные! Я вам давал такие чудесные сны, а взамен не получал ничего, кроме денег. Я не смыкал глаз, следя за вашими снами. Я недосыпал ради того, чтобы вы спали!

Но его уже никто не слушал. Продавец Снов хватал всех за руки и умоляюще заглядывал в глаза.

— Не отнимайте у меня моих денег, — причитал он, — я их очень люблю. Ведь все что-нибудь любят. Вот ты, Садовник, любишь цветы. Ты, Девушка, любишь своего жениха. Ты, дядюшка Добряк, любишь песенки. А я ничего, кроме денег, не люблю. Мне ничего не надо. Только звонкие золотые монеты.

Дядюшка Добряк отвернулся от Продавца Снов и запел свою песенку:

*Я знаю все на свете,
Про все на белом свете.
Спросите — я отвечу,
Мне это очень просто.*

*Зачем бывает вечер?
Чтоб выжили в небо звезды.*

*Зачем приходит утро?
Чтоб солнышко взошло.*

*Зачем бывает лето?
Чтоб стало всем тепло...*

И все подхватывали хором:

*Чтоб солнышко взошло...
Чтоб стало всем тепло!*

9. Представление состоится

Пито шел по дороге, весело постукивая деревянными подошвами своих башмаков. Рядом с ним важно шагала обезьяна Маймун. Загородная дорога вилась между двумя рядами маленьких аккуратных домиков.

— Три, два, один... — считала обезьяна Маймун.

— Вот мы и пришли! — сказал Пито.

Обезьяна Маймун вытащила свою ореховую трубочку, сунула ее в рот. Но трубочка была пустая. Ни крошки табаку.

— Ой, я совсем забыл, — сказал Пито обезьяне Маймун, — ведь в табачной лавке для тебя приготовлен отличный табак! «Если табак приготовлен, то почему бы не зайти за ним?» — подумала обезьяна Маймун. И они завернули по дороге в лавку «ТАБАКИ — МУНДШТУКИ».

— Добрый вечер, Пито, — сказал Табачник. — А! И обезьяна Маймун тоже здесь! — Он стряхнул с усов облачко дыма. — Я же говорил, что обезьяна Маймун не может потеряться. Во-первых, ей это совершенно не нужно, а во-вторых, я приготовил для нее пачку ароматнейшего табаку с Канарейских островов.

И Табачник протянул обезьяне Маймун большую деревянную коробку.

— Спасибо, — сказал Пито.

А обезьяна Маймун сняла шляпу и важно наклонила голову.

— Что вы, — улыбнулся Табачник, — такие пустилки! Ведь я так люблю хороший цирк! А хороший цирк стоит хорошего табака!

— Двери нашего цирка всегда открыты для вас, — сказал Пито.

И обезьяна Маймун важно кивнула головой.

— Я обязательно приду, — сказал Табачник, — ведь сегодня представление состоится?

— Да, — сказал Пито, — представление состоится! Милости просим!

И обезьяна Маймун важно приподняла над головой шляпу.

— ПАПА, — СПРОСИЛ НИКИТА, — МЫ ЗАВТРА ПОЙДЕМ В ЦИРК?

ПАПА СЛОЖИЛ СВОЮ БОЛЬШУЮ ГАЗЕТУ, УЛЫБНУЛСЯ И СКАЗАЛ:

— НЕПРЕМЕННО!

ЗЕЛ
СВЯЗИ

ОТВЕРНУТЬСЯ
И ЗАБЫТЬ?

«Я хочу быть всегда шестиклассницей, когда летом можно бегать, загорать, стрелять из лука, влезать на деревья... Я не хочу становиться взрослой.

В. О., г. Орша».

Д

а здравствуют луки и стрелы!

Да здравствуют цыпки и боевые ссадины на локтях и коленях!

Да здравствует солнце — особенно летнее — через весь длинный день!

Ура собакам, голубям, кошкам и хомякам!

Привет лесам, лугам, рекам, прудам и озерам! Всем-всем тропкам, дорогам и стежкам, где оставлены твои быстрые любознательные следы и не менее быстрые следы твоих друзей!

...Я могу продолжать эту здравицу детству сколько угодно. Могу исписать все 64 страницы «Пионера» и залезть восторженным пером на обложку журнала.

Во мне до сих пор живет шестиклассница. До сих пор я мечтаю пройтись колесом где-нибудь по островку мягкой травы. Влезть на самую рыжую, липучую и высокую сосну, чтобы окинуть окрестности орлиным взором. Свистнуть веселую дворовую собаку и пойти с ней путешествовать по городу. Сплести из тайно скопленных веревок уздечку, поймать задумчивую лошадь, пасущуюся в вечерних сумерках, и скакать далеко-далеко в ночь. Вот это жизнь!

Но сегодня разговор наш с вами, милые читательницы, совершенно о другом. Сегодня я хочу подарить вам фотографию.

Когда я впервые увидела ее, то сразу захотела отвернуться и забыть. Прошел день, другой, и я выпросила этот снимок у приятельницы. Назвала его «Состарившаяся богиня».

Дорогие шестиклассницы, семиклассницы, восьмиклассницы! Все-все девочки, которые не хотят становиться взрослыми! Не отворачивайтесь от этой страницы, внимательно посмотрите на поистине прекрасный портрет. Фотографический образ старой женщины — итог жизни каждой из нас, из вас.

Грустно? Страшно? Хочется плакать? Да! Нет?

...Она стоит посреди выставочного зала. В гардеробе оставлено поношенное пальто. Час назад она толкалась в очереди (вернее, ее толкали другие) — за пакетом молока и булкой. Дома ее ждут старые вещи, большой цветок с тенистыми листьями, занимающий половину окна. А по утрам она со вздохом открывает сухие, плохо видящие глаза и нащупывает трудной, тяжелой рукой на столике очки...

Стоит ли бояться взрослеть? Превращаться из девочки в девушку? Забросить луки, стрелы, прыгалки и мячи на шкаф, чтобы навсегда забыть о них через пять минут? А девушкой — сладко и затаенно — мечтать стать женой, матерью, подругой хорошего, единственного человека? Стоит ли?

И дальше. Правильно ли думать о том, что далеко-далеко — за материнством, любовью, заботами, счастьем и горестями — тебя, меня, ее, почти всех нас ждет старость?

Думай, шестиклассница.

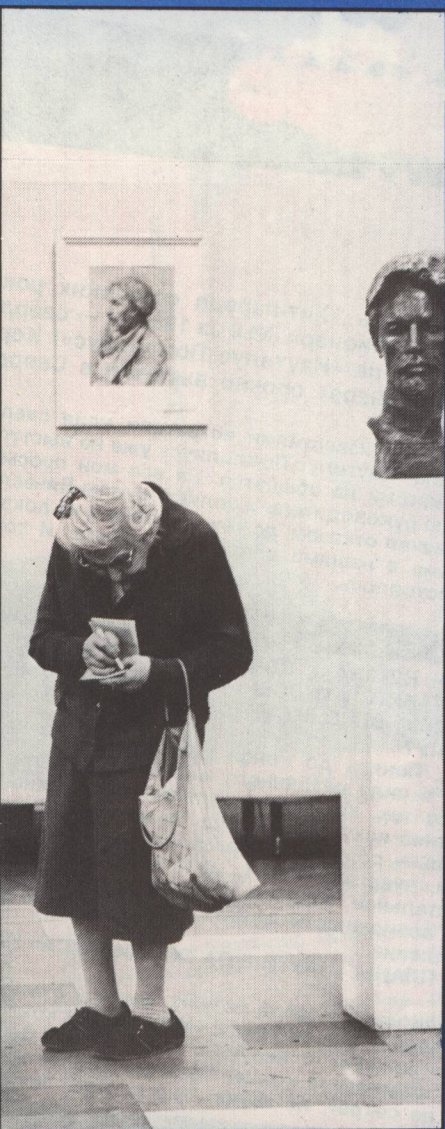
Понимаешь, жизнь — это не только цепочка событий: одно к другому, другое — к третьему. Но и дорога дум, размышлений. Я специально написала: «дорога». Думать и размышлять так же необходимо, трудно и сложно, как если шагать вперед к какой-либо цели...

В старости ничего не кончается. В старости сосредоточивается все: самое важное и не очень важное, главное и неглавное, великое и мелкое. В старости, несмотря на старость, живется так же ярко, насыщенно, вдохновенно, как в любом возрасте.

...Состарившаяся богиня склонилась над блоком. Наверное, она записывает названия и авторов тех произведений, которыми только что любовалась.

Но мне думается — и это вполне вероятно, — она пишет: «Да здравствуют луки и стрелы! Да здравствуют цыпки и боевые ссадины на локтях и коленях!...»

И. АНДРИАНОВА

Неизвестный автор XX века.
«Состарившаяся богиня».

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК
«МУЗЫКАЛЬНОГО ЛЕТО»

«ДЛЯ „ПИОНЕРА“
НАРУШАЮ
СВОЕ СЛОВО»

«НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»

— ВЯЧЕСЛАВ, РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ПОЛУЧИЛА НА «ХИТ-ПАРАД СОВЕТСКИХ РОК-ГРУПП» ДЕДУШЬКУ ТЫСЯЧ ПИСЕМ. ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО — ОТ ВАШИХ ПОКЛОННИКОВ. КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ТОМУ, ЧТО ВАШУ ГРУППУ ЛЮБЯТ ЛЮДИ 12—14 ЛЕТ?

— Очень хорошо. Я считаю, что это возраст, на который можно ориентироваться совершенно откровенно. В 12—14 лет человек активно впитывает, вбирает в себя все подряд, пытается понять, разобраться в сути происходящего.

«МНЕ НРАВИТСЯ В ЭТОЙ ГРУППЕ ВСЕ — СТОЯТ КАК КАМЕННЫЕ, В КИРЗОВЫХ САПОГАХ, НЕ УЛЫБАЮТСЯ». «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС» — МОЛОДЦЫ, НЕ ВЫПЕН-

Победитель «Хит-парада советских рок-групп» журнала «Пионер» (№ 9 за 1988 г.) — свердловская рок-группа «Наutilus Помпилиус»! Корреспондент «Пионера» срочно вылетел в Свердловск.

...Нерадостными известиями встретили меня свердловчане: группа «Наutilus Помпилиус» уже не выступает, с журналистами не общается. На все мои просьбы дать интервью руководителю и солисту группы Вячеславу БУТУСОВУ отвечал отказом, до тех пор пока я не показала ему письма с вашими вопросами, ребята. И тогда интервью состоялось.

«НАРУШАЮТСЯ», «Я НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ МНЕ НРАВИТСЯ ЭТА ГРУППА. НРАВИТСЯ И ВСЕ!».— ВОТ КАКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ. ВЫ СЧИТАЕТЕ, РЕБЯТА ПОНИМАЮТ ВАШУ ГРУППУ?

— Не уверен. Понять до конца друг друга мы не можем хотя бы в силу различного жизненного опыта. Но понимать все так, как мы, наверное, и не нужно. Если произведение искусства — будь то картина, симфония, спектакль — рождает у человека какие-то ассоциации, эмоции, чувства, значит, цель искусства уже достигнута. Остальное зависит от самого человека. А лишать его возможности думать, фантазировать — просто преступление...

— КАКОВЫ ПЛАНЫ «НАУТИЛУСА ПОМПИЛИУСА» НА БУДУЩЕЕ?

— Вы застали меня в такой момент, когда я считал, что дал последнее интервью газете «Московский комсомолец». Для «Пионера» я нарушаю свое слово. Дело в том, что мы прекратили концертную деятельность на полгода. Это не секрет, не тайна. Много ходит неправ-

Фотография Е. МАТВЕЕВА.

вильных слухов и сплетен на этот счет. Группа не развалилась, не распалась. Просто сейчас такое время, когда нужно оглянуться на то, что сделано, осмотреться, подумать, что же дальше. Со старым багажом далеко не уедешь. Надо все время искать резервы роста, иначе можно всю работу превратить в концертную гонку без мысли и смысла.

Даже если «Наутилус Помпилиус» прекратит существование, я лично ничего в этом страшного не вижу. Творческий процесс — дело сложное, и по накатанной дорожке он не идет. Желание работать у группы есть, и мы постараемся не подвести наших поклонников, даже если появимся когда-нибудь в новом качестве.

— В КАКОМ СТИЛЕ РАБОТАЕТ «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»?

— Меньше всего хотелось бы подстраиваться под какой-то стиль. Я считаю, главное — выразить свое «я». Когда нам задают этот вопрос: «В каком стиле...», мы отвечаем: «Работаем в стиле «Наутилус Помпилиус».

— КТО У ВАС В 12—14 ЛЕТ БЫЛ КУМИРОМ?

— Я заслушивался в этом возрасте музыкой «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин», «Дип Перпл».

— А ИЗ «НАШИХ»?

— Из «наших», естественно, «Машина времени», «Воскресенье», позднее, «Аквариум». Очень люблю ленинградские группы, преклоняюсь перед ленинградской школой. Трудно выделить какую-то одну, сказать кто из них лучше.

— ВЯЧЕСЛАВ, ЧТО БЫ ВЫ ПОЖЕЛАЛИ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ?

— Я бы пожелал им душевного равновесия. Оно, я считаю, никому не помешает в жизни. Я не так часто общаюсь с ребятами этого возраста, хотя и вижу их на концертах. И мне кажется, им надо быть менее закомплексованными, более раскованными, естественными. Чем больше естественности в детстве, тем больше уверенности в себе в зрелом возрасте. А от уверенности многое зависит в жизни.

Беседу вела Татьяна ВОЛОШИНА.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! НАЧИНАЕМ ОПЕРАЦИЮ

«СУВЕНИРЫ ДЛЯ ПХЕНЬЯНА»!

Почему для Пхеньяна? Да потому, что именно здесь, в столице Корейской Народно-Демократической Республики, в июле 1989 года соберутся тысячи юношей и девушек со всей планеты на XIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. И как было бы здорово, если бы делегаты фестиваля, возвращаясь домой, смогли увести на память сувенир, сделанный советскими ребятами.

Что это будет — керамическая медаль или забавная мягкая игрушка, поделка из дерева, вышивка или что-либо еще, целиком зависит от вашей фантазии, дорогие друзья!

Помните только: сувенир ваш не должен быть громоздким, ведь ему предстоит дальнейшее путешествие.

Кто может стать участником операции? Пионерские отряды и дружины, КИДы, кружки дворцов пионеров, домов культуры и пионерских лагерей и просто любой читатель «Пионера», каждый, кто любит лепить, клеить, рисовать, шить, вязать.

Свои работы направляйте по адресу:

101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж,
редакция журнала «Пионер»,
«СУВЕНИРЫ ДЛЯ ПХЕНЬЯНА».

Постарайтесь, чтобы ваши посылки попали в Москву до 15 июня 1989 года. Тогда мы сможем передать сувениры в Пхеньян с советской фестивальной делегацией.

Коллективы, приславшие наиболее интересные работы, будут награждены Почетными грамотами журнала «Пионер» и памятными призами.

Авторы трех лучших индивидуальных работ получат путевки во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Гости «Планеты детей»

Эта встреча вполне могла бы состояться не только на страницах клуба «Планета детей». Это так уж получилось: когда турецкий школьник Бедир Манган готовился к поездке в Советский Союз, московский пионер Арвидас Багдонас уже подлетал к тихоокеанскому побережью Соединенных Штатов, чтобы принять участие в Первых всемирных играх детей.

Арвидасу тринадцать лет. Учится он в шестом классе школы № 580 города Москвы. Занимается бегом в Спортивной школе имени братьев Знаменских. И пока только подает надежды.

А Бедиру в январе исполнилось десять. Он ходит в четвертый класс одной из школ Анкары. Но о нем уже многие слышали в Турции.

АРВИДАС БАГДОНАС: «СПОРТ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДРУЖБА»

— В нашей команде было четырнадцать человек — семь мальчиков и семь девочек. Бегуны, барьеристы, теннисисты... Перед поездкой в Соединенные Штаты мы усиленно тренировались, как никак — Всемирные игры. Но когда мы прилетели в Лос-Анджелес, нас ожидал сюрприз. Оказалось, что организаторы игр из Американской ассоциации детского спорта намерены устроить именно игры, а не соревнования. Чтобы не было соперничества между детьми разных стран и чтобы спорт помогал укреплять дружбу. Нас разбили на восемь команд, и в каждую включили ребят из Соединенных Штатов Америки, Мексики и Советского Союза. Именно эти страны прислали своих представителей. Мы бегали, плавали,

играли в футбол, теннис и даже в бейсбол. С бейсболом советские ребята встретились впервые, но с помощью американцев быстро освоили эту «игру без травм». По правде, уставали очень. Но тренеры улыбались: «Ничего, потом на нас отыграется». И мы в конце «отыгрались», забросав своих наставников полиэтиленовыми шариками с водой.

А потом мы побывали в сказочном городке «Диснейленде», на празднике Микки Мауса, которому в прошлом году исполнилось шестьдесят. Но несмотря на столь почтенный возраст, забавный мышонок — популярный герой диснеевских мультфильмов — по-прежнему выглядит юным и озорным. В этом многие советские ребята и сами могли убедиться, когда Микки Маус недавно побывал в Москве.

Две недели мы жили под общей крышей огромного разноцветного шатра в пригороде Лос-Анджелеса. Общась постоянно, как-то научились понимать друг друга без переводчиков. Потому что главным была дружба, а не соперничество. А в награду всем спортсменам до единого были вручены медали за участие в играх.

Последуют ли за Первыми играми Вторые? Это зависит уже от взрослых. А если бы спросили меня, я бы сказал:

«Такие игры нужны детям планеты. И хорошо, если бы на них собирались ребята из многих-многих стран, как это бывает на взрослых олимпиадах. А пока мы договорились обмениваться спортивными командами с американцами. И уже будущим летом ждем их к себе в гости».

БЕДИР МАНГАН: «Я ЖЕЛАЮ ВАМ ВЕЧНОГО МИРА...»

— От СССР и США во многом зависит, удастся ли сохранить мир на Земле. Вот я и решил написать руководителям этих стран.

Турция — небольшая страна, написал я, но она тоже стремится к миру. О мире мечтают все дети, и непонятно, почему они, вырастая, забывают об этом. Вот мне и захотелось, чтобы,

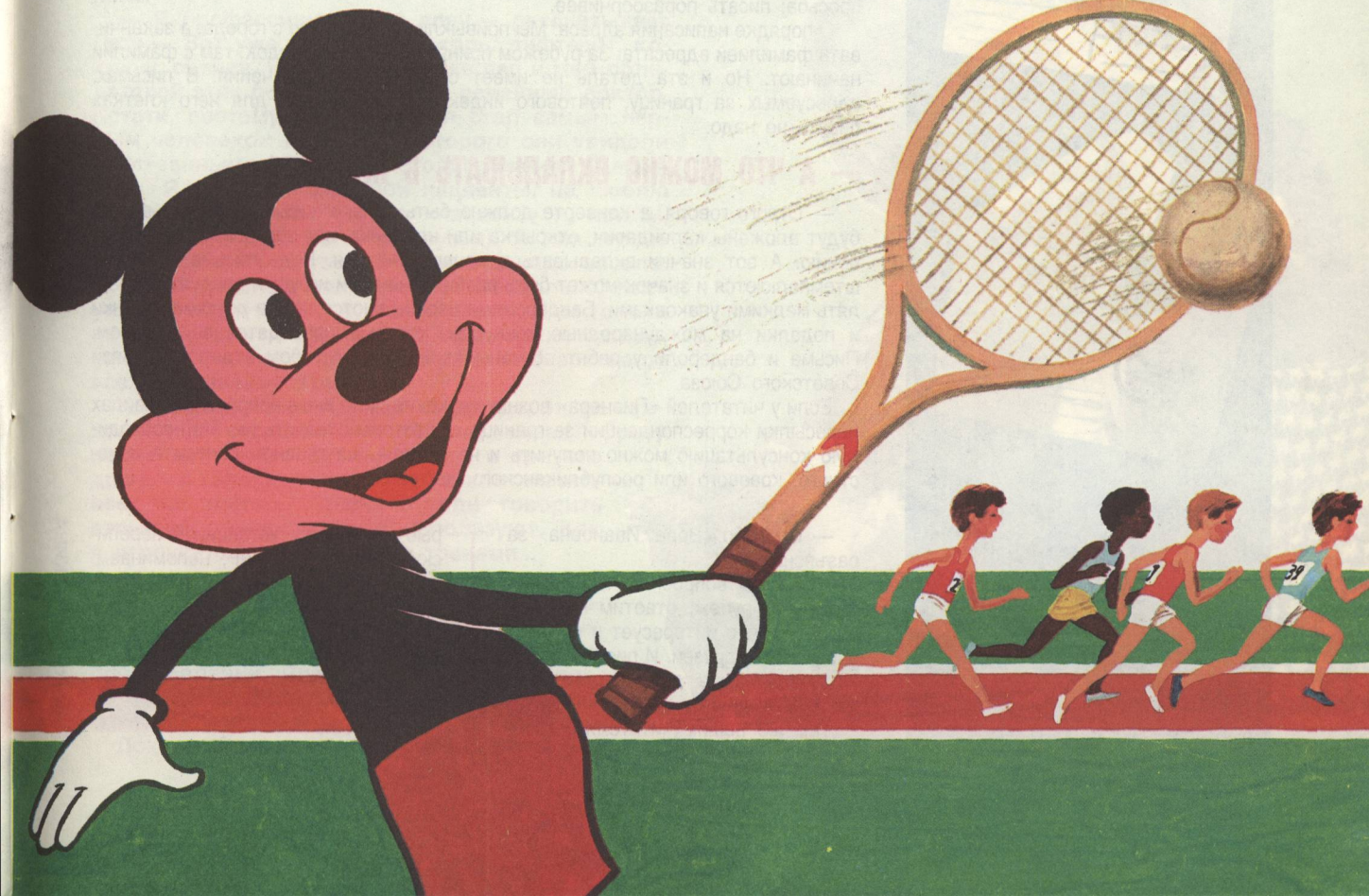
встречаясь, лидеры двух великих держав говорили не только о ракетах, но и о нас, детях, тоже. То, что они говорят на разных языках, неважно. Понять друг друга можно, если говорить об одном и том же. А если две крупнейшие державы подружатся, то мир, который будет оставлен детям, станет раем. Сегодня мы дети, а завтра — родители. И мы уже будем заботиться о том, чтобы сберечь мир.

Я очень обрадовался, когда услышал по радио Анкары, что советский руководитель обещает сделать все, от него зависящее, для сохранения мира, а меня пригласил в Советский Союз.

Москва, Ленинград, «Артек»... Все было очень интересно. И главное, я увидел, что дети в вашей стране настроены дружелюбно и что они тоже стремятся к миру.

В Советском комитете солидарности с народами Азии и Африки мне предложили после окончания школы приехать на учебу в СССР. И хотя мне ходить в школу еще восемь лет, я согласился и даже сказал, что хочу стать строительным инженером, как мой папа.

...Бедир взял ручку и неторопливо вывел на листе: «Я желаю советским детям вечной любви, вечного мира и мира без лжи».

В ЛЮБУЮ СТРАНУ —
НА ЛЮБОМ ЯЗЫКЕ

Чуть ли не ежедневно в «Пионер» приходят письма, в которых вы общаетесь, что очень хотели бы переписываться с зарубежными друзьями. Но... не знаете, как это сделать.

Что ж, давайте разбираться. «Здравствуй, «Пионер»! — обращается к нам Алина Катарам из города Первомайска Николаевской области. — В 8-м номере за 1988 год был напечатан адрес журнала «Фрези». Его редакция пообещала выполнить пожелания всех ребят, которые захотят установить переписку с пионерами ГДР. Как туда можно написать письмо? Ведь там другие конверты и адрес наоборот?»

А это письмо от Оли К. из Саратова: «Ответьте, пожалуйста, как писать адрес — на двух языках или на одном, какой нужен конверт, какой стоимости должна быть марка на

нем и куда писать индекс? И еще — что можно пересылать в конвертах (в смысле календарей, открыток и т. д.)?»

А шестиклассника Алешу Л. из Омска интересует, «на каком языке надо переписываться и о чем можно писать в письме».

Мы решили познакомить с вашими письмами работников Московского международного почтамта. Ведь именно сюда со всех концов нашей страны поступают письма и бандероли, пересылаемые за границу. Здесь их сортируют, раскладывают по странам, и уже отсюда они отправляются потом самолетами и поездами по всему свету.

На вопросы читателей «Пионера» отвечает **дежурный администратор международного почтамта Вера Ивановна ЛИТВИНОВА.**

— ИТАК, ПЕРВЫЙ ВОПРОС: О КОНВЕРТАХ...

— Для переписки с зарубежными ребятами годятся самые обыкновенные конверты, те, которыми мы пользуемся внутри страны. В социалистические страны можно посылать письма с пятикопеечной маркой. Если же письмо идет в капиталистическую или развивающуюся страну, на конверте должны быть наклеены марки на сумму 50 копеек. Эти тарифы — 5 и 50 копеек — установлены для писем весом до двадцати граммов. Если письмо тяжелее, значит, и марок нужно больше. А сколько, можно узнать на почте.

— А НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ПИСАТЬ АДРЕС?

— Можно и на русском, и на иностранном. Как кому нравится. Письма у нас обрабатываются вручную. Работники почтамта владеют языками и, если надо, адрес переведут на английский.

Идеально, конечно, если адрес будет написан на иностранном языке и по-русски указаны город и страна. Но, повторяю, это в идеале. Мы же отправим письмо за рубеж в любом случае, как бы ни был написан адрес. Единственная просьба: писать поразборчивее.

О порядке написания адреса. Мы привыкли начинать его с города, а заканчивать фамилией адресата. За рубежом принят обратный порядок: там с фамилии начинают. Но и эта деталь не имеет существенного значения. В письмах, адресуемых за границу, почтового индекса в отведенных для него клетках писать не надо.

— А ЧТО МОЖНО ВКЛАДЫВАТЬ В ПИСЬМА?

— Строго говоря, в конверте должно быть только письмо. Но если в него будут вложены календарик, открытка или наклейка, все это дойдет по назначению. А вот значки вкладывать в конверт нельзя. Ведь письма на почте штемпелюются и значок может быть разбит. Значки и игрушки следует отправлять мелкими упаковками. Бандеролями пересылаются также детские рисунки и поделки на международные конкурсы, которые проводятся за рубежом. Письма и бандероли у ребят обязаны принимать в любом отделении связи Советского Союза.

Если у читателей «Пионера» возникнут какие-либо иные вопросы о правилах пересылки корреспонденции за границу, мы готовы ответить им. Но необходимую консультацию можно получить и на месте — на главном почтамте областного, краевого или республиканского центра.

— Спасибо, Вера Ивановна, за разъяснения.

Ну, а на вопрос, о чем можно писать за рубежом, ответим коротко: обо всем, что интересует и волнует вас и ваших друзей. И писать можно на любом языке, лишь бы вы понимали друг друга.

Тем же нашим читателям, кото-

рые хотели бы установить переписку с пионерами ГДР, напоминаем: вы можете попросить об этом редакцию журнала «Фрези», адрес которой напечатан в 8-м номере журнала «Пионер» за прошлый год.

БУДЬ ЗДОРОВ, НЕ КАШЛЯЙ!

мало вылечить. Ведь атомная бомба одинаково опасна и для больных, и для здоровых. Значит, не должно быть на Земле атомных бомб. Поэтому он всегда выступал за дружбу с нашей страной. И не случайно стал одним из первых «народных дипломатов», приехавших в СССР.

Два года назад в Москве на Красной площади десятилетняя девочка подарила Патчу Адамсу свою куклу. Теперь на всех его визитных карточках фотография девочки, куклы и самого Патча. В Америке не было случая, чтобы его не спросили: «Почему?» Нам Патч с хитрой улыбкой выдал тайну: «Чтобы почаще слышать такой вопрос и почаще рассказывать об этой девочке, об этой кукле и Советском Союзе!»

В этот раз Патч приехал к нам с надеждой устроить совместный советско-американский театрализованный поход. Например, по пионерским лагерям: В нем были бы и веселье представления, и клоунады, и серьезные разговоры о взаимоотношениях между детьми и взрослыми, и рассказы о наших странах, и многое-многое другое. Уж чего-чего, а выдумки высокому, усатому, в разных носках и с косичкой Патчу Адамсу не занимать. Так что готовьтесь. Будьте здоровы, не кашляйте!

Анна ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

Фотография Н. СТЕПАНЕНКОВА.

Шереметьевских таможенников мало чем удивишь. Они на своей службе всякого навиделись. Министры, члены королевских фамилий, кинозвезды... Однако тут таможенник удивился и... рассмеялся.

Удивился он потому, что в переходящую государственную границу группу врачей из Соединенных Штатов Америки затесалась странная личность, мало напоминающая солидного доктора. А рассмеялся потому, что личность эта была высокой, усатой, в разных носках, красно-желтых, ботинках 65-го размера и с накладным носом. Правда, при паспортном контроле нос пришлось снять, чтобы стопроцентно удостовериться: владелец паспорта на имя Патча Адамса и странная фигура — одно и то же лицо.

Так кто же он, Патч Адамс? Доктор или клоун?

Об этом шел разговор, но уже не на контрольно-пропускном пункте, а в редакции нашего журнала.

— Я профессиональный врач,— рассказывает Патч.— Вот уже 18 лет лечу корь, дифтерит, коклюш, свинку, краснуху, а также пап и мам обладателей этих болезней. Ведь я семейный доктор. Кстати, поэтому для многих я стал самым первым человеком на земле, которого они увидели собственными глазами. Методы лечения у меня свои. Я, как и многие мои пациенты, не люблю таблеток и уколов (слово «пациент» я, кстати, тоже не люблю: мы все друзья). А как лучше всего помогать друзьям? Помогать надо весело. А самый веселый человек кто? Правильно! Клоун. Поэтому я и хожу в таком наряде. И не только по земле, но и по проволоке. Жонглирую, показываю фокусы и пою песенки. Лучшее лекарство от всех болезней — это смех.

Клиника доктора Адамса «Будь здоров, не кашляй!» организована им 18 лет назад. Сразу после получения диплома Патч и три его друга основали коммуну и стали лечить всех бесплатно. Конечно, если говорить серьезно, лекарства они используют. Как и иглоукалывание, лечение травами...

Кроме таких сложных вещей, доктор Адамс может прописать почистить мула, покрасить забор, вылепить из глины кофейник и сыграть вместе с ним в театральном представлении. Для этого в «Будь здоров, не кашляй!» есть ферма, художественная мастерская и театр.

Доктор Адамс всегда думал: человека

На моем столе толстая пачка писем — двенадцать сантиметров в высоту! — и на первом листочке дата без малого тридцатилетней давности. Читаю: «Здравствуйте, дядя Толя! Меня зовут Вова. Я прочитал Вашу книгу «Вам — взлет!»... Я еще в третьем классе решил стать летчиком. Дела в школе идут хорошо, однако не отлично. Во второй четверти я решил учиться еще лучше, так как летчик должен быть образованным. — И после столь бодрого начала мой корреспондент сообщает нечто неожиданное: — Я знаю одного летчика, который говорит: летчиком быть плохо — и не советует идти в авиационное училище, потому что после каждого полета там дают укол в нос и во время полета адское напряжение...»

Странный летчик попался моему корреспонденту! Для чего бы, думаю, пугать мальчишку такой ерундой? Впрочем, Вова не больно струсил: «Его рассказы меня не напугали, и я буду летчиком. Но я часто задумываюсь о том, что, пока стану взрослым, авиации уже не будет... — Тут понимать надо так: как бы космические достижения, ракетная техника не уничтожили авиацию. — Дядя Толя, посоветуйте, как продолжить образование — учиться до десятого или поступить в техникум?»

Вот такое я получил когда-то письмо.

Хорошее письмо! Парнишка, его написавший, показался мне толковым, знающим, чего хочет, и я с удовольствием ответил Вове.

Ровно через месяц узнаю из новой весточки: «Письмо Ваше получил. Дела идут хорошо — в школе и дома. Пожалуйста, напишите: что читать об авиации, как подготовиться к поступлению в летнюю школу, как вы стали летчиком, какие нормы сдавали при поступлении, было трудно???»

Чувствуете хватку? Человек знает, чего он хочет, и старается, как говорят в таких случаях, сразу взять быка за рога: что читать, что сдавать?..

Читаю дальше: «Мы сделали у себя во дворе турник и каждый день занимаемся». Потом следует текущая информация о школьных успехах, новые чисто авиационные вопросы и несколько загадочная подпись БЛВИОсад. Расшифровать эти буквы мне удалось далеко не сразу — «Будущий летчик Владимир Ильич Осадчий».

Перебирая старые письма сегодня, стараюсь не умиляться, а просто точно вспомнить, как же развивались события дальше. «Извините, что долго не писал, не подумайте, что больше не мечтаю стать летчиком, наоборот, мечта окрепла. Во второй четверти отметки улучшились... — Смешно, верно? Как же это может быть, чтобы отметки сами собой улучшались? Но Володя писал именно так. Скромничал? Возможно... — Катаемся на лыжах и коньках, увлекаемся фотографией. Книги, названные Вами, прочел и теперь могу отличить некоторые самолеты друг от друга. Дядя Толя, а почему так получается, называют самолет, например, Ту-104, а через месяц появляется Ту-114?» И в завершение письма — рисунок самолета военного времени, штурмовика Ил-2, кстати сказать, очень похожее изображение.

Письмо следует за письмом.

Множатся вопросы: как устроен прибор, измеряющий скорость («про высотомер уже знаю»); может ли

Анатолий МАРКУША

ДОРОГА

В

МЕЧТУ

самолет, летящий вертикально, остановиться в какой-то точке, когда «сила двигателя станет равняться силе земного притяжения»? Володю интересует, повысили ли меня «в чине и звании»? Следом за вопросами — копия табеля: русский язык — 4,5, литература — 5,5, алгебра — 5,5, геометрия — 5,5, зоология — 5,5, немецкий язык — 4,5, география — 5,5, пение — 3,4, физкультура — 4,5... Обратите внимание, пожалуйста, отметки не просто отменные, во второй четверти они идут на повышение! А это значит — Вова слов на ветер не бросает: он человек дела. Правда, жизнь без огорчений не бывает: «Мой

турник потерпел «крах»: Алик переломил перекладину!» Дальше следуют новые вопросы: «Зачем, когда проходят медкомиссию, вращают на диске? Что этим проверяют?» Коротко — о спортивных успехах, сдержанно — о неудачах на фотографическом фронте, осторожно — какой предельный рост может быть у летчика? (Последний вопрос я пойму до конца, только когда встречу с Володей: он перерос все нормы, вымахал за сто восемьдесят пять сантиметров.)

В письме № 8 я прочту: «Дела в школе и дома идут хорошо. Каникулы кончились, теперь за дело: надо готовиться к выпускным экзаменам. — Основательный растет мужичок, не откладывает на последний день подготовку, думаю я. И эта основательность меня радует. — А теперь (как всегда) разрешите задать несколько вопросов: дядя Толя, почему не сделают планер-самолет, который мог бы долгое время планировать? Ведь когда мотор по каким-либо причинам откажет, летчик немедленно сажает самолет на первую попавшуюся площадку, а будь этот самолет хотя бы наполовину планер, он мог бы еще долгое время держаться в воздухе... И еще я хочу знать: как вертятся пропеллеры на самолете Ту-114?» (Схема вращения винтов изображает два возможных, на Вовин взгляд, варианта.)

Пропускаю многие листки.

Мой корреспондент подросток, окончил восемь классов и поступил в машиностроительный техникум. Потом он объяснит свой выбор так: в техникум зашел потому, что скорее хотелось ощутить себя взрослым, а машиностроительный был не в последнюю очередь выбран потому, что там была... парашютная секция.

Сперва парашют, немного позже планер. Небо не разочаровало Володю. Он шел к своей мечте не самым кратким и далеко не самым легким путем — жил в общежитии, поднимался затемно, чтобы успеть с рассветом на аэродром в надежде сделать еще один прыжок с парашютом, выключить лишний полетик на планере. А помимо того, надо было в срок сдавать чертежи, писать контрольные, готовиться к зачетам. Все? Как бы не так! Каждая медицинская комиссия — переживание. Пропустят ли, не ограничат ли, не отстранят ли от полетов? Он был здоров, нормально физически развит, не вел разгульного образа жизни, но так уж устроен этот мир: большинство преданных небу людей, отважных и решительных, медицины боятся как огня.

Из письма № 16: «Сегодня прошел две медицинские комиссии подряд, устал дьявольски. Заключение такие: 1) годен к летной работе без ограничений

(это для аэроклуба); 2) годен к летному обучению на реактивных самолетах. На второй комиссии вращали — 120 оборотов с покачиванием головой, да еще электрокардиограмма и рентген... Из тридцати человек прошли комиссию только четверо».

Забегая вперед, скажу: в летное училище он поступил, преодолев не только еще одну медкомиссию, но и множество экзаменов по разным дисциплинам. Подготовка, полученная в техникуме, очень помогла ему успешно учиться в училище. И, если бы не тяжелый грипп, перенесенный на ногах, все было бы куда проще, наверное, а так Володя угодил в госпиталь, медицина принялась его трясти, как грушу...

«Были минуты отчаяния,— пишет он после госпиталя,— лезли в голову худые мысли. Встретил в госпитале и майские торжества. Хорошо, что Галина приходила каждый день и поддерживала мой дух моральный».

Галина — жена. Они рано поженились. И, как водится в таких случаях, многие пророчили им: от поспешности добра не бывает. Но ничего плохого не случилось: они всю дальнейшую дорогу идут, что называется, и в ногу, и плечом к плечу. А тогда Володя вроде бы с хитровой улыбкой писал: «С супругой отношения на должном уровне. Она молодец! Настроена оптимистически».

И госпиталь остался позади. Медицину он одолел. И науки тоже одолел — догнал пропущенное, успешно сдал все зачеты.

А тут я не могу не поведать о малюсеньком эпизоде, вроде и не авиационном, как будто бы и не определяющем его дальнейшую судьбу, но все-таки, мне кажется, весьма важном. В училище был назначен новый начальник. Вступление в должность генерал ознаменовал довольно странным распоряжением — всем женатым курсантам предписывалось обручальные кольца снять!

Володя не снял. Во всяком случае, тогда — в училище — не снял. За что был, как положено в армии, наказан. Много лет спустя, перестав носить обручальное кольцо по собственной инициативе, он так объяснит свое курсантское неповиновение:

— Никто не должен унижать достоинство человека!

Это его железная жизненная позиция: не унижает других и не позволяет унижать себя.

Кажется, я уже рассказал главное.

Я не собирался предлагать читателям «жизнеописание» военного летчика первого класса В. И. Осадчего, перечислять все успехи, заслуги и награды подполковника, тем более комментировать его длинный послужной список.

Что мне представляется заслуживающим внимания в этой истории — без малого тридцать лет назад мальчик, влюбленный в небо, написал: «Хочу и буду летчиком». Вот пачка писем в двенадцать сантиметров высотой — свидетельство того, как человек шел к своей мечте. И дошел.

Не так давно мы встретились.

Было темно. Над горами вывездило. Метеоролог нервничал: неустойчивая воздушная масса грозила вот-вот прикрыть взлетно-посадочную полосу низовым коварным туманом.

Подполковник Осадчий, бывший мальчик Вова из Нижнего Оскола, легко поднялся в кабину МИГ-29 — скоростного, маневренного истребителя, так недавно демонстрировавшего в Великобритании свои выдающиеся возможности.

Он взглянул на меня с высоты кабины, улыбнулся своей редкостно располагающей широкой улыбкой и сразу будто отключился от всего земного. Летчик готовился к взлету...

И тут я подумал: надо рассказать всем новым Вовам, как это бывает в жизни, когда человек идет к своей мечте.

Что тут важнее всего: быть, а не казаться? Делать дело? Не отступать от цели? Любить небо?..

Пусть каждый решит для себя сам, что важнее всего. Я же повторю следом за одним из самых популярных авиаторов мира: летчика делают небо и самолет.

И добавлю: я счастлив был видеть, как мой Вова уходит в небо и возвращается из полета — основательный, спокойный, улыбающийся...

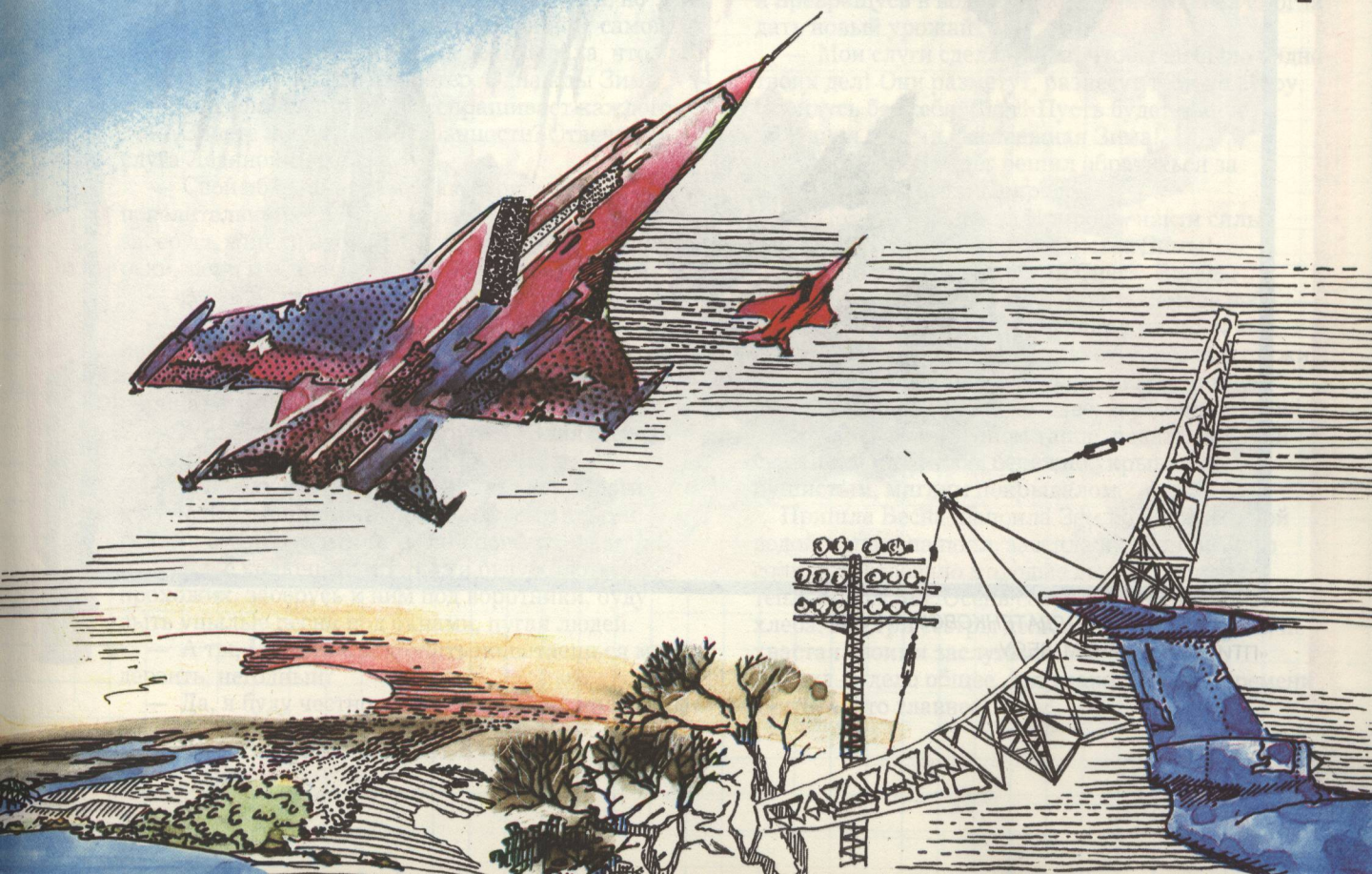

Рисунок Наташи СОЛДАТЕНКОВОЙ, 11 лет.
«ПТИЦЫ В ЗИМНЕМ ЛЕСУ».

Кто не радуется марту? Нет, наверное, такого человека! Март всем припас подарки — и весеннее солнышко, и весенние каникулы, и весенний праздник, 8 Марта. Девочки очень им дорожат: в некоторых школах, говорят, в ожидании Женского дня мальчишки целую неделю никого не дергают за косички и не дразнятся.

В марте в нашей стране, в городах и поселках спускают на вешнюю воду великое множество бумажных и деревянных лодочек с лоскутными парусами. Начинает готовиться к дальним походам и наш «Кораблик». В кают-компании Капитан изучает морские карты. Юнга под присмотром Боцмана красит в белый цвет мачту. В трюм грузят стихи о весне, о мамах и бабушках...

Ксения БЕЛОУСОВА стихи сочиняет давно, пробует писать и рассказы, любит рисовать. Живет она в Москве, занимается музыкой, учится в спецшколе № 1, в 6-м классе.

Весна идет

Весна шагает по дороге,
Сияет небо, льет в поля
Потоки света. Грач на стого
Кричит, неряшливо соря:
Площадку летнюю готовит.
Кристаллы снега солнце ловит.
Весна поет. Весна кричит.
И дятла стук, как гимн,
звучит.

Саша КЛЕМЕШОВ — москвич, семиклассник, ученик школы № 360. Он всерьез интересуется

ся поэзией, постоянно читает и пишет стихи.

Цветной мир

А весной дождик с грозой!
А весной мир цветной:
Зеленый, красный, лиловый.
Мир весной поразительно
новый.
А весной снег зимний тает,
А весной цветок расцветает,
А весной листва распускается,
А весной мама улыбается!

Мамина колыбельная

Вечер, вечер уж дымится,
Что тебе, сынок, не спится?
Сказка стучится в окно.

Закончилось в клубе кино.
Слышишь? Колокольчики
звенят,
В сон тебя забрать хотят...

Алена КИСЛЯК — сибирячка, живет в Иркутской области, в городе Братске, учится в школе № 3, в 5 «Д» классе. Стихи и сказки пишет с 7 лет.

Чудесный день

Сегодня воскресенье!
Сегодня день весенний!
Звенит капель, как песня
Прилетного скворца.
Проталинки чернеют,
Подснежники синеют,
И запахом весенним
Наполнилась земля.

Сказка о временах года

Жили-были четыре сестры. Старшей была Зима, средними — Весна и Лето, а самой младшей была Осень. Матерью у них была Природа, отцом — Год. У каждой из сестер были свои обязанности, но Зима считала себя самой величественной, самой сильной. Во все времена Зима доказывала, что она трудится больше других сестер. Однажды Зима созвала своих слуг и строго спрашивает каждого:

— Знаете ли вы свои обязанности? Отвечай, слуга Ледяной Ветер!

— Свои обязанности я знаю, моя повелительница! Я буду сбивать с ног путников, заберусь в щели окон и домов, я выстужу все реки, моря и озера!

— А ты, Задира Мороз, помнишь про свои дела?

— Я покрою реки, моря и озера толстой ледяной коркой, буду щипать нос и щеки всем встречным. Я буду верно и морозно служить тебе, царица Зима!

— А вы, неразлучные подружки — Злая Метель и Колочая Вьюга, что притихли?

— А я буду веять и веять, замету все дороги и пути, все тропинки и дорожки, всеми злыми силами буду служить тебе, моя повелительница!

— Я же колочими иголками буду колоть прохожих, заберусь к ним под воротники, буду выть унылые песни под окнами, пугая людей.

— А ты, Мягкий Снег, опять попытаешься мне дерзить, негодный?

— Да, я буду честно делать свое дело, но не злое

дело, а доброе. Я укурю всю Землю мягким пушистым одеялом, чтобы твои слуги не выстудили Землю, не дали ей погибнуть. Весной я превращусь в воду и напою ее, чтобы она смогла дать новый урожай.

— Мои слуги сделают так, чтобы не было видно твоих дел! Они разметут, разнесут тебя по ветру. Обойдусь без тебя, Снег! Пусть будет нынче холодная, лютая, бесснежная Зима!

Тогда Мягкий Снег решил обратиться за помощью к Матери Природе.

— Помогите мне, Мать Природа, найти силы, чтобы спасти Землю от коварства Зимы!

— Я помогу тебе, Мягкий Снег!.. Звезды небесные! Смогли бы вы оставить темное небо и превратиться в белый снег? Вас много, и вы своим теплом согреете Землю от морозов и стужи. Спускайтесь на Землю белыми искрящимися снежинками! Веселее, веселее, звездочки ясные!

Кружась в медленном танце, падали искорки-снежинки на Землю, бережно укрывая ее пушистым, мягким покрывалом.

Пришла Весна, напоила Землю живительной водой, вспахала поля, засеяла их зерном. Лето солнцем согревало молодые всходы, поило их теплым дождем. Осень собрала богатый урожай хлеба. Все три сестры делали свое дело молча, не хвастая своими заслугами.

Труд — дело общее, дело важное, и нет времени считать, кто главнее.

СВАДЬБА

В ВЕРСАЛЕ

Николай ГОЛЬ

еликая вещь — воображение! С его помощью можно превратиться в кого угодно — в принца, короля, скорохода. С его помощью можно оказаться где угодно — в прошлом, будущем, и в любом краю света. Давайте попробуем все вместе что-нибудь вообразить.

Каждый из нас — скороход. Сколько дел на веку! Время бежит вперед. Следом за ним бегу. Порою не различишь, куда завел тебя бег...

Какой это город? Париж? А век? Семнадцатый век!

Королевский двор

Париж... Семнадцатый век... «Век Людовика XIV», — именovali его с легкой руки известного поэта, назвавшего так свою знаменитую тогда поэму.

Век Людовика, век галантности, век просвещения, жестокости и блеска.

Людовик XIV, Король-Солнце, любил пышность. Двор жил в роскоши. Перестраивался Лувр. На месте охотничьих угодий королей, украшаясь павильонами, замками, парками, выросла новая резиденция Людовика — Версаль.

Множество разных людей собирал двор: иностранных послов и дворян разных рангов и чинов, художников и поэтов, священников, военных и некоторых давних наших знакомых... Помните: «Д'Артаньян склонил свою седую голову, на которую Людовик, улыбаясь, положил белую руку...» Это из «Виконта де Бражелона».

А вокруг королевского дворца в роскоши и блеске жили и веселились дворы королевских родственников. Правда, принцы крови не очень-то считали нужным, как, впрочем, и король, мыть руки, частенько чистили ногти ножом и ели руками. Но как зато шумели балы! А карнавалы! А свадьбы!

В 1697 году задумал жениться герцог Бургундский, внук короля.

Луи Бургундский пожелал вступить в законный брак. Ах, сколько явится на бал го-

стей, послов, зевак! Хотел собрать он весь Париж — министры отказали: ведь весь Париж не уместить ни в Лувре, ни в Версале!

Получится не торжество, получится толкучка — ведь это ж нужно колдовство, чтоб влезли в волка одного и бабушка, и внучка! А нам не нужно колдовства, нам нужно для начала, чтоб проходили торжества согласно ритуалу!

Свадебный ритуал

Свадебный ритуал — дело, что и говорить, серьезное. Тем более, что для такого праздника хотелось придумать что-нибудь новое, а это непросто. Ведь даже простые, «обыкновенные» балы во дворце были, по словам очевидца, такими: «В большой галерее Версальского дворца зажгли тысячи огней. Они отражались в зеркалах, покрывавших стены, в бриллиантах кавалеров и дам. Было светлее, чем днем. Было точно во сне, точно в заколдованном царстве».

А свадьба — это вам не рядовой бал.

Сначала за это сложное дело взялся брат короля, но потом поручил его придворному чиновнику, семидесятилетнему Шарлю Перро. И в самом деле — чем не кандидатура? Человек, всем известный, — служит в ведомстве королевских построек. По его рисункам возведены в парке беседки и павильоны.

Архитектор из самых изящных. А по образованию — юрист, адвокат. Значит, никакой оплошности не допустит. Кроме того, писатель, притом знаменитый, член Французской Академии. Кстати, автор той самой поэмы «Век Людовика XIV» — поэмы, при дворе понравившейся. Ходят слухи, что сочиняет он нравоучительные сказки — но, во-первых, слухи, а, во-вторых, ничего в этом нет предосудительного. Такому человеку, как говорится, и перо в руки!

Заходите, Перро! Очините перо! Для того я вас нынче позвал, что решил приказать сей час написать вам для брачных торжеств ритуал. Чтобы был карнавал, чтоб народ ликовал, чтоб рыдал, на колени упав, чтоб цветной фейерверк в пыль земную поверг всех послов иностранных держав. Как начнется гавот — пусть на праздник придет та, что солнца прекрасней на вид!

Отвечает Перро, усмехнувшись хитро: — Но в двенадцать часов убержит!»

Правила хорошего тона

Итак, Шарль Перро приступил к новой работе. Легла на него и еще одна обязанность. Мария Аделаида Савойская, совсем юная невеста Луи Бургундского, приехавшая из захолустного герцогства, оказалась не совсем подготовлена к тонкостям версальского этикета. Наставить ее в этих вопросах тоже должен был Шарль Перро. Кто и в каком порядке стоит по правую и по левую руку от королевы во время утреннего высочайшего туалета? А во время дневного? Кто и когда может войти к королю? А еще сколько разных правил!

Особенно тяжело давалось Марии Аделаиде понятие о придворном ранге, который именовался «дама с табуреткой» или попросту — «табуретка».

— Скорей ответьте мне, мадам, сверяясь с нашими заметками: каких особ меж прочих дам зовут в Версале табуретками?

— Для них, месье, сейчас и впредь есть привилегия особая: им разрешается сидеть пред королевскою особою!

— Теперь скажите поскорей, отличницы дорожа отметкою: какая дама при дворе зовется полутабуреткою?

— Ей право важное дано, оно не каждому вручается: ей днем сидеть разрешено, а вечером — не полагается!

— Мой юный друг! Удастся вам увидеть в браке счастье редкое, став герцогинею, мадам, а также полной табуреткою!

Литературный спор

Мария Аделаида была счастлива. Еще большее счастье ждало ее впереди. А Шарль Перро, ее учитель, закончив занятия, спешил на заседания Французской Академии, основанной для развития искусств и литературы за полвека до того кардиналом Ришелье, который, кстати сказать, занимался не только интригами против тогдашней королевы и капитана мушкетеров, но был замечательным политиком и известным писателем.

Перро спешил. В Академии шли жаркие споры. «Бесмертные» — так назывались члены Академии — разделились на две партии: «древних» и «новых». «Древние» утверждали, что литература должна основываться на античных образцах и старинных сюжетах; «новые» призывали ввести современные и даже народные мотивы, оживить искусство. Больше того — они даже сказку считали серьезным жанром! И, к ужасу «древних»,

«новые» побеждали. Главой «новых» был академик Шарль Перро. Кое-кто говорил, что он и сам сказки пописывает.

День свадьбы

Между тем день свадьбы герцога Бургундского и Марии Аделаиды Савойской приближался. И вот — настал.

Минута, которую все ожидали, пришла, наступило мгновение: чудесная свадьба, веселье в Версале, движение, скольжение, кружение.

Здесь Золушка пляшет в серебряном платье, все феи собрались к обеду, пришли Мальчик-с-пальчик и все его братья, и нет за столом Людоода. И Красная Шапочка с бабушкой вместе (конечно, без серого Волка) пришли, принеся расчудесные вести с дороги лесистой и долгой. Жених проезжает по кругу почета, взлетают цветные ракеты — и вот под веселые звуки гавота въезжает в ворота карета.

Выходит невеста. Идет к жениху — мила, и стройна, и румяна. Огни фейерверка пылают вверху, бьют струями снизу фонтаны. Сверкает на шляпе павлинье перо, в оркестре играют фанфары, и Кот улыбается Шарлю Перро: «Какая красивая пара!»

Но пробило полночь. Сгущается ночь. Дрожат карнавальные маски: а что как красавица бросится прочь, как в кем-то рассказанной сказке? А может, дремучий невиданный лес на этом поднимется месте? Спокойней! Не бойтесь! Никто не исчез! Привет жениху и невесте!

После свадьбы

Не исчез никто из героев этого рассказа. Герцог и герцогиня Бургундские жили счастливо и всегда сидели при королевских особах. Король-Солнце царствовал еще двадцать лет — всего он провел на престоле 74 года, больше всех королей на свете. А Шарль Перро в том же, 1697 году издал сборник своих сказок, прославившихся на весь мир, в которых навсегда поселились Спящая Красавица, Кот в сапогах и многие, многие другие. Правда, опубликовал он книгу под именем своего сына, Перро д'Арманкура — все-таки неудобно было в те годы серьезному писателю сочинять нравоучительные сказки, даже если он глава «новых». Теперь-то — совсем другое дело!

*Если жизнь идет невпопад,
если дыхания нет от бед,
господин Перро, адвокат,
сможет дать вам дельный совет.
Если все не вместить добро
в дом, что вам завещал отец,
архитектор мессир Перро
может выстроить вам дворец.
Если надо создать сонет,
а рифмовка вгоняет в пот,
академик Перро, поэт
сотню рифм для вас подберет.
Если дружите вы с игрой,
если ждете чудес подчас —
добрый сказочник Шарль Перро
приготовил сказку для вас.*

В ТРЕУГОЛЬНИКЕ НЛО

ДРУЗЬЯ!

Сегодня мы впервые в новом году встретились на борту НЛО, чтобы вновь совершить рейс в треугольнике Невероятных Литературных Открытий. На этот раз пилотом вызвался быть писатель-фантаст Владимир МАЛОВ. Ему предстоит долгий путь вместе с нами: и в этом номере, и в следующем он будет держать в руках управление НЛО. Пора в полет, но сначала, согласно традиции, давайте заглянем в календарь НЛО. Что там появилось новенького?

Владимир МАЛОВ

Зачет

1. «Крокодилиус сапиенс»

Все началось в тот момент, когда Бренк и Златко, люди из двадцать третьего века, делали запись урока ботаники в шестом классе «А». Разладилась аппаратура, обеспечивающая стабильность хронопереноса: такое иногда случается, хоть и крайне редко, но сначала ни тот, ни другой ничего не заметили. И эта оплошность, конечно, была совершенно непростительной.

Ну ладно еще, если бы они увлеклись всем происходящим настолько, что позабыли обо всем на свете. Однако ничуть не бывало: записывая урок ботаники, Бренк и Златко откровенно скучали. Им досталось совсем не то, что хотелось бы, и вот теперь они отбывали скучную, но неизбежную обязанность. Подумаешь, учеба и быт школьников восьмидесятых годов двадцатого века! Вот если бы битва при Грюнвальде, вот если бы поиски Эльдрода! Но как бы то ни было, когда Бренк заметил наконец признаки неисправности, было поздно...

В шестом «А» школы № 1441 в двадцатом веке поначалу тоже ничего не замечали, но здесь-то как раз так и должно было быть. Марина Букина, долговязая отличница, выступала с докладом об антропологических находках в Африке, которые изменили прежние представления о происхождении человечества. Речь Марины как всегда текла плавно, без запинок, аргументы были основательны и убедительны. И Аркадия Львовна, преподаватель ботаники и всех других биологических дисциплин, а также классный руководитель шестого «А», была довольна. Однако лицо учительницы иногда слегка мрачнело, когда взгляд ее невзначай падал на шестиклассника Петра Трофименко, чья вихрастая голова заметно возвышалась над головами всех остальных.

182

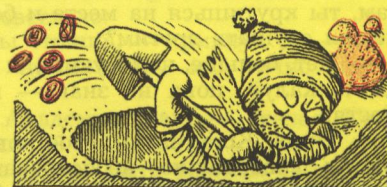
года назад бригадир Этьен Жерар попал в Черный замок, где и совершил один из своих замечательных подвигов.

117

лет прошло с того момента, как Филеас Фогг, эсквайр, замыслил совершить путешествие вокруг света за восемьдесят дней.

92

года назад, осенью, было найдено первое золото на Клондайке, что привлекло на холодный север США искателей счастья со всех концов света. Описанию жизни и нравов этих людей посвятил несколько своих знаменитых произведений Джек Лондон.

ПО НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ПОВЕСТЬ О НЕОБЫКНОВЕННЫХ СОБЫТИЯХ И О НЕОБЫКНОВЕННОЙ ДРУЖБЕ В САМЫЕ ОБЫЧНЫЕ

ВРЕМЕНА: ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА И ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕГО ВЕКА

— А теперь я предлагаю собравшейся аудитории вновь вернуться почти на три десятка лет назад,— сказала Марина.— В первой части своего выступления я сделала краткий обзор всех совершенных в Африке в обозреваемый период антропологических открытий, которые поистине должны быть названы великими. Теперь я обстоятельно задержусь на самых ярких из них.

Аркадия Львовна довольно кивнула.

— Итак,— продолжала Марина,— в 1959—1960 годах известный английский антрополог, палеонтолог и археолог Луис Лики проводил раскопки в нижнем, самом древнем слое Олдувайского ущелья, расположенного на севере африканской страны Танзании. Здесь ученые обнаружили множество примитивных каменных орудий с явными следами искусственной обработки. А вблизи были найдены многочисленные кости существа, получившего тогда название «хомо хабилис». Перевод этих латинских слов означает «человек умелый». Как понимает собравшаяся аудитория (Аркадия Львовна довольно кивнула), столь близкое соседство костей этого существа и каменных орудий не оставляло сомнений в том, что творцом этих орудий и был «хомо хабилис».

Собравшаяся аудитория притихла. Как отметила Аркадия Львовна, Лена Прудникова и Франческа Канарейкина, две неразлучные подружки, очень похожие друг на друга, прилежно конспектировали услышанное в толстых тетрадах. Аркадия Львовна поощряюще улыбнулась. И вот в этот самый момент в биологическом кабинете отчетливо раздался незнакомый голос, произнесший не очень понятные слова. Голос тоже исходил непонятно откуда, из воздуха.

— Ты уровни поправь,— сказал голос,— качество записи окажется неприемлемым.

И другой голос ворчливо ответил:

— Качество! Качество! Да смотреть на это у нас никто не станет, а послушаешь их... Ну кто же не знает, что на самом-то деле...

Аркадия Львовна вскочила с места. Стекла ее очков прощлись по классу, подобно поворотным антеннам радаров.

— Как понимает аудитория, это была настоящая сенсация,— сказала Марина невпопад.

Аркадия Львовна постучала ручкой по столу. На ее лице возникло непривычное выражение изумления, потому что было уже ясно: голоса не могли принадлежать ни одному из учеников. Но Аркадия Львовна взяла себя в руки и села.

— Это явление мы обсудим позже,— сказала она и снова постучала ручкой по столу.— Возможно, это какой-то акустический эффект. Марина, продолжай!

— С помощью радиоизотопных методов,— заговорила Марина, понемногу снова воодушевляясь,— ученые установили, что «хомо хабилис» жил около двух миллионов лет назад. Позволю себе напомнить: прежде считалось, что древнейшими людьми на Земле были питекантропы и синантропы, жившие восемьсот — четыреста тысяч лет назад. Таким образом, сенсационное открытие Лики заставило ученых пересмотреть свои ошибочные позиции.

Аркадия Львовна помрачнела: ее привлек правый угол кабинета биологии. Поперек лба учительницы легли морщины. Наконец она резко постучала по столу, и Марина Букина, как ученица лошадь в цирке, сейчас же остановилась.

— Может быть, не всем интересен столь содержательный доклад? — спросила учительница с горечью.— Может быть, Константин Костиков знает больше, чем Марина Букина, о великих открытиях Луиса Лики? Встань, Константин, и скажи, так это или не так?

Костя Костиков встал. Всем сразу стала видна привычная картина: веснушки, желто-медные волосы, смышенное лицо и сильно оттопыривающиеся карманы синей форменной курточки, которые всегда были забиты научно-популярными книгами на самые разные темы, потому что отличительными чертами Кости были любознательность и стремление разобраться во всем самому.

— Так что же, Константин,— слегка возвысив голос, повторила Аркадия Львовна.— Так это или не так? Если так, поделись своими знаниями с товарищами? А если не так, почему же, объясни нам, ты крутишься на месте и бормочешь что-то, мешая слушать другим?

— Нет, больше, чем Букина, я об этих открытиях, пожалуй, пока не знаю,— выдавил из себя Костя.

— Тогда, Константин, твое поведение представляется совершенно необоснованным,— сказала учительница.— Может быть, тебе все это неинтересно? А ведь родители твои — научные работники...

— Нет, очень интересно,— ответил Костя,— об этом я еще не знаю всех подробностей. Но открытия Лики лишней раз заставляют задуматься о другом. Вот я и думаю, правда, не про себя, а вполголоса...

— О чем же ты думаешь? — полюбопытствовала учительница.

Костя помолчал. Потом, остановив взгляд на человеческом скелете, наглядном пособии кабинета биологии, он выпалил:

— Вот о чем надо задуматься! Несмотря на все эти открытия, главное все-таки так и остается неизвестным.

— Главное? — спросила учительница с легкой растерянностью.

— Главное — как же все-таки произошел человек? — объяснил Костя.— Ведь как у человека появился разум — до сих пор загадка, так? Недостающего звена до сих пор нет, правда? Была обезьяна, и вдруг сразу стал разумный человек! Как, почему? Никто из ученых не знает. Вот я подумал, что находки Лики на историю происхождения человека, то есть на главное, нового света не проливают. Вот если бы нашли это недостающее звено! Что, нашли его в Африке?

— Может быть, у тебя, Константин, есть точные сведения на этот счет? — устало спросила учительница.— Или хотя бы гипотеза?

— Гипотезы у меня, к сожалению, нет,— признался Костя.— Но я вполне разделяю чужую гипотезу, о которой недавно прочитал в научно-популярном журнале. Разум у обезьян появился в результате мутаций. Какие-то неразумные еще обезьяны попали случайно к залежам урана, облучились, и из-за этого у них стало быстро развиваться разумное мышление. И тогда я стал думать о том, что на Земле могли бы быть совсем другие разумные существа. Представьте, что облучились бы не обезьяны, а, например, крокодилы, которые тоже живут в Африке. Тогда разумным существом был бы сейчас не «хomo сапиенс», а...— Костя поискал нужное слово,— а был бы сейчас «крокодилиус сапиенс».

Класс взорвался дружным смехом. Улыбнулась и Аркадия Львовна.

— Значит, вместо вас здесь сидели бы зелененькие разумные крокодилы-шестиклассники?

Костя утвердительно кивнул.

— Так и было бы! И вместо Марины у доски

был бы крокодил, и вместо вас за столом тоже сидела бы сейчас...

У Аркадии Львовны погасла улыбка.

— Странные фантазии, Константин! И это во время такого содержательного доклада. Продолжай, Марина!

Как раз в это время в классе вновь прозвучал чужой голос:

— Я тебе про уровни говорю не зря! Зрительный ряд будет хорошим, а звук никудышным.

Марина уронила указку. Другой голос удивленно произнес:

— Что это с ней?

Аркадия Львовна встала, снова сверкнули ее очки-локаторы.

— Слушай, похоже... пробой,— сказал голос.— Нас слышат!

— Этого только не хватало! — отозвался другой.

— Ребята, кто-то принес в класс магнитофон? — растерянно спросила Аркадия Львовна.— Этот, как его... плейер?

На самом деле происходило что-то таинственное, и Аркадия Львовна это поняла. Но отступить перед необъяснимым и уронить авторитет учителя она, конечно, не могла.

— Скоро звонок,— пролепетала учительница.— Доклад Марины переносится на следующий раз. Ребята, все по домам, но тихо, в соседних классах еще идут занятия.

— Зашкаливает! — испуганно сказал голос из пустоты.— Пробой, нет никаких сомнений! Нас слышат, а может, уже и видят. Ты взгляни на учительницу, она рот разевает, как старая рыба!

— Да помолчи ты! — отозвался другой.— Может, сейчас все снова войдет в режим.

2. С ДВУМА НЕИЗВЕСТНЫМИ

Аркадия Львовна выскочила в коридор и помчалась к учительской, громко стуча каблучками, несмотря на собственное требование соблюдать тишину. Марина Букина крадучись тоже двинулась к двери. Костя Костиков наконец сел и с напряжением стал смотреть в ту сторону, откуда слышались голоса, стараясь подобрать феномену разумное объяснение. Прудникова и Канарейкина тесно прижались друг к другу и замерли от испуга. Так же, без движения, не зная, что подумают, сидели все остальные. И в этом общем замешательстве как всегда ярко проявились решительность и присутствие духа Петра Трофименко.

— Тихо! Сохраняйте спокойствие! — выкрикнул он, вспрыгивая на стол.— Ничего страшного, наоборот! Это же пришельцы из космоса, ясно?! Рано или поздно это должно было случиться!

— Уходим! — отчаянно произнес голос в пустоте.

Марина Букина добралась наконец до двери, наткнулась на какое-то невидимое препятствие, завизжала и вылетела из класса, захлопнув за собой дверь. Моментально визг подняли остальные девчонки, и Петр топнул ногой, требуя тишины.

— Если это пришельцы,— задумчиво самому себе сказал Костя,— то почему же они говорят по-русски? И почему мы их не видим?

— Ну ты даешь, Косыка! — удивился Петр.— А вроде книги читаешь! И фантастику, наверное, тоже. Не видим мы их потому, что они в самом

деле невидимы! С их техническим уровнем это ничего не стоит. Ясно, что они считают, что им еще рано вступать в контакт с Землей, и только наблюдают. Но у них что-то случилось, и мы их услышали.

— А почему по-русски? — спросил Костя, но Петр только отмахнулся.

— Ну кто тебе сказал, что по-русски? Да мы не голоса их слышим, а мысли, которые они передают. А мыслят все одинаково, а?

Стоя на столе, Петр топнул ногой. На одноклассников он больше не обращал внимания. Настал исторический момент, пора было приступить к контакту.

— Внимание! — громко сказал Петр в пустоту. — Внимание! Раз уж вы себя обнаружили, давайте вступим в контакт! Мы — земляне, шестой класс «А», а я его представитель Петр Трофименко. Отзовитесь, мы готовы к контакту! Мы вас уже слышали! Мы ждем ответа!

В мертвой тишине послышался неясный шорох.

— Отзовитесь, мы готовы! — повторил Петр и торжественно поднял руку, как бы призывая в свидетели исторического момента великих людей Земли, чьи лица смотрели в кабинет биологии с портретов на стенах, — Чарльза Дарвина, Жоржа Кювье, Карла Линнея и Климента Аркадьевича Тимирязева.

Но ответом была только тишина. В коридоре оглушительно загремел звонок.

— Эх, не успели, ничего не получилось! — с досадой вымолвил представитель шестого «А» и всех землян Петр Трофименко. — Если они не хотели вступать с нами в контакт раньше, когда мы были одни, теперь тем более не захотят.

Костя Костиков поднялся. Он понял, что надо делать.

— Что бы ни было, — сказал он, — явление непонятное, аномальное. О нем совершенно необходимо поставить в известность ученых.

Лицо Петра просветлело.

— Так что же ты стоишь! — крикнул он. — Бежим! Только это не явление, это точно пришельцы!

— Позвоним в Академию наук, — сказал Костя. — Телефон — по 09.

Схватив Костю за руку, Петр рывком вытащил его из класса.

В школьных коридорах, на оживленных лестницах, в школьном дворе никто, конечно, не подозревал о том, что в одном из классов только что происходили необъяснимые события.

— Играют! — возмущенно пробурчал Петр, покосившись на мальчишек, играющих теннисным мячом в футбол. — А тут, может, рядом космический корабль стоит!

— Его бы давно увидели, — возразил Костя, но Петр ответил:

— Да он тоже вполне может быть невидимым! Я читал в одном романе... Стоит себе невидимый корабль где-нибудь возле школы, может, на метеоплощадке, там все равно никого не бывает.

Увлеченный этой идеей, Петр остановился, раздвинул густые и высокие кусты жасмина и на всякий случай окинул метеоплощадку взглядом.

Обычно площадка с метеоприборами и в самом деле была пуста, потому что учитель физики Лаэрт Анатольевич, в ведении которого она находилась, опасаясь за метеоприборы, принял меры. Учитель был одержим изобретательством; кабинет физики наполняли технические чудеса, и за глаза учителя так и звали — Изобретатель. На метеоплощадке тоже было свое техническое чудо — система лазерной охраны. Для нарушителей границ она была совершенно безопасна, но мгновенно давала предупредительный сигнал в кабинет. Сразу же автоматически включалась скрытая видеокамера, чтобы Изобретатель мог увидеть, кто посягнул на запретную зону, и принять меры.

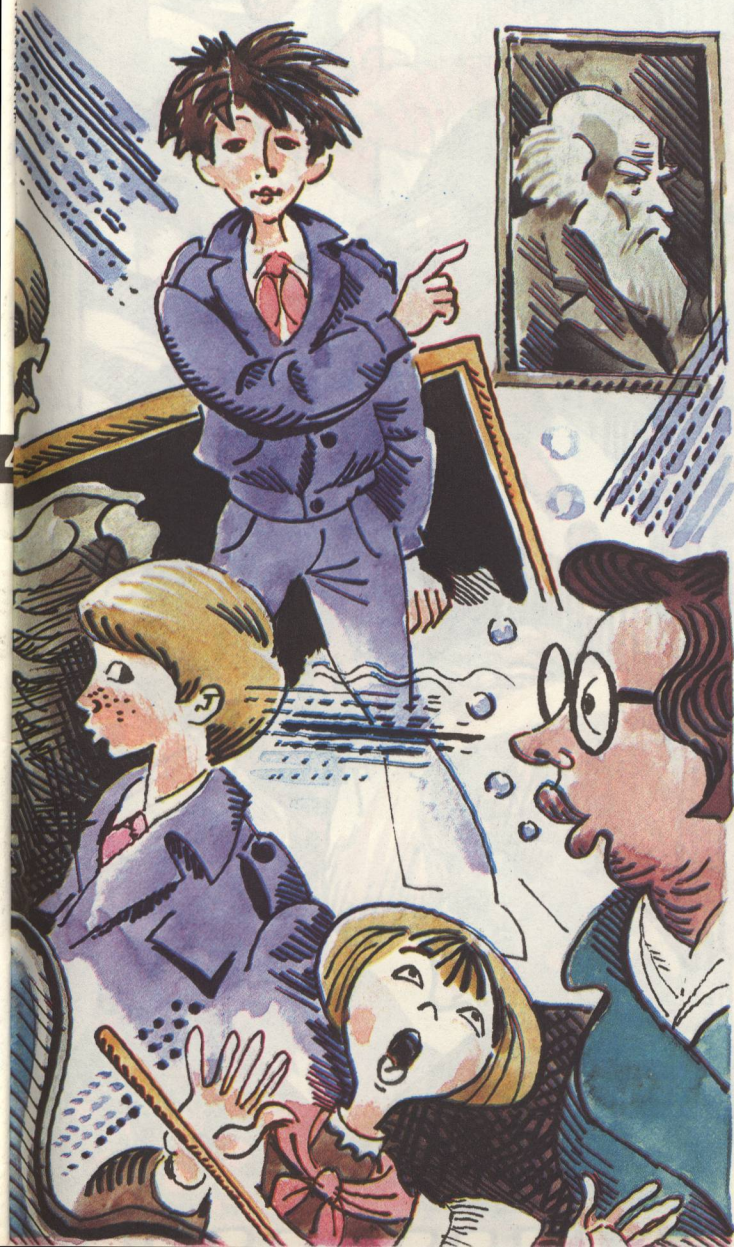
Однако как ни в чем не бывало на метеоплощадке в данный момент прямо на траве сидели двое мальчишек тоже примерно шестиклассного возраста. Оба были одеты в одинаковые голубые штаны и зеленые куртки с оранжевыми горошинами. Лицо одного было обыкновенного цвета, а другого — шоколадного. Шоколадный мальчишка держал на коленях какой-то аппарат, другой, обыкновенный тихо говорил что-то. На траве лежал еще какой-то аппарат — причудливая комбинация из бинокля и транзисторного приемника.

— Слушай, да ведь это они и есть, — пробормотал Петр и, не выпуская Костиной руки, полез сквозь кусты.

С минуту все четверо молча разглядывали друг друга, причем на лицах незнакомцев все яснее проступало недоумение.

— Эй, — вымолвил наконец Петр, — это вы там у нас в классе?

— Неужели так и есть? — с отчаянием сказал

пришелец с обыкновенным лицом.— Значит, сначала слышимость, теперь и видимость? Златко, ты знаешь, что нам за это будет?

Златко отложил аппарат и встал.

— Так вы правда нас видите? — спросил он.

Костя тяжело опустился на его место.

— Конечно, видим! — с энтузиазмом сказал Петр.— А мы земляне.

Незнакомцы переглянулись и опустили головы. Потом шоколадный пришелец обреченно махнул рукой.

— Ладно, — сказал он, — теперь уже все равно. Давайте хоть познакомимся. Я Златко, а его зовут Бренк.

— Костя Костиков, — представился Костя, не в силах встать.

Но Петр Трофименко, у которого были зоркие глаза и отличная реакция, опять схватил его за руку и рывком поднял с места.

— А ну бежим! — приказал он вполголоса.— Изобретатель идет!

В общем-то происходили события исключительные, и необходимости в бегстве не было. Более того, контакту двух цивилизаций учитель физики, который как-никак имел отношение к науке, мог только помочь, но в Петре сработал тренированный рефлекс самосохранения. Мгновение спустя он с Костей оказался уже за школьными воротами. Здесь они обнаружили, что от них не отстают и незнакомцы. Вскоре все четверо стояли в густых кустах, разросшихся рядом с домом-гигантом, где жили Петр и Костя.

— Послушайте, — неожиданно сказал Бренк, — если вы нас видите, значит, и другие тоже?

— Ну еще бы! — отозвался Петр.— Так что ж из этого? Это же грандиозное событие! У нас на Земле это впервые!

— А нас как раз никто не должен видеть, — сказал Бренк.— Если увидят, просто трудно представить, какие будут неприятности.

— Это еще почему? — поинтересовался Петр.

— Да потому что мы из двадцать третьего века, из вашего будущего, — мрачно ответил Бренк.— Общение с вами, представителями двадцатого века, может привести к изменению в ходе истории.

3. Доктор педагогических наук

Петр нажал кнопку звонка, и дверь в квартиру открыла маленькая старушка в очках и с такой аккуратной прической, словно она сию минуту уходила в филармонию на скрипичный концерт, хотя была в домашнем халате. Она не удивилась.

— Заходите, — сказала она, — только ноги вытрите.

Бренк и Златко, нерешительно переглянувшись, перешагнули порог и поставили свою аппаратуру в угол прихожей. Старушка окинула их взглядом и задумчиво сказала:

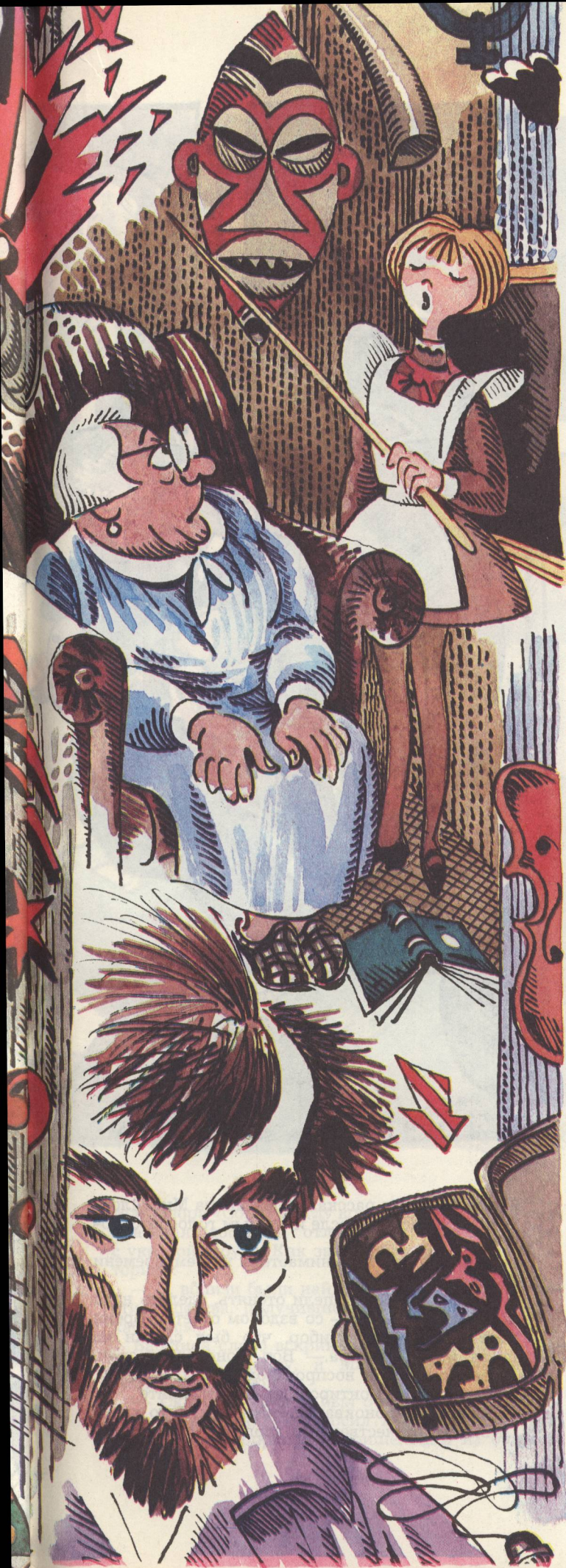
— Таких я еще не видала! Это по культурному обмену, что ли? По-русски говорите? Если нет, то я свободно владею французским, английским, немецким и итальянским.

— По-русски говорим, — выдавил из себя Бренк.

— Молодцы! Международный язык! — Старушка кивнула и остановила взгляд на Косте.— А вы, конечно, Петечкин одноклассник?

— Бабушка, он — да, а они не по международному обмену, — промямлил Петр.

— Меня зовут Александра Михайловна,— сказала старушка и поправила очки.

— Бабушка,— робко повторил Петр,— они не по культурному обмену. Они из двадцать третьего века и пока побудут у нас. Если их кто-нибудь увидит, произойдет изменение в ходе истории.

— Вы в гостиную пока проходите,— сказала Петина бабушка и исчезла в другой комнате. Петр вытер рукой лоб.

— Ну, все в порядке! — произнес он с явным облегчением.— Бабка у меня что надо, хоть и доктор педагогических наук. Правда, теперь она на пенсии. Она никому не скажет. Проходите!

Нерешительно оглядываясь, Бренк и Златко вошли в комнату, украшенную, помимо обычной мебели, индейскими луками и стрелами, африканскими масками и барабанами, бивнями слонов и шкурами леопардов. Костя последовал за ними. И тут же в комнате появилась бабушка, успешная сменить домашний халат на платье строгого покроя.

— Ну-с, молодые люди,— сказала она,— присаживайтесь, и я готова вас выслушать. Я, знаете ли, давно ничему не удивляюсь, потому что внук у меня столь общительный человек, что прямо...

— Бабушка,— начал было Петя, но Александра Михайловна подняла палец, и общительный внук послушно замолк.

— Ничего плохого в общительности нет,— сказала Александра Михайловна.— Наоборот! Я поощряю общительность. Без нее трудно жить. Я, Петр, отлично знаю все твои и сильные, и слабые стороны.

Бренк, Златко и Костя робко уселись на большой диван, бабушка расположилась в кресле напротив. А Петр остался стоять.

— Плохо то, что он отстал на год от своих сверстников,— продолжала бабушка, разглядывая гостей,— но большой его вины тут нет. Он болел долго да еще без постоянного внимания родителей. Родители у него ведь совсем от рук отбились, из-за границы не вылезают. Только открытки присылают с аборигенами, а как они сами выглядят, внук, наверное, уже забыл. Ничего удивительного, что Петру пришлось отстать! И потом, что могут ему дать некоторые из педагогов? На родительских собраниях я встречаюсь с классным руководителем Аркадией Львовной Турчаниновой и постоянно внушаю ей, что у нее отсталые педагогические взгляды. В последнее время она меня даже избегает, хотя я могу принести ей только пользу. Но Петр и без нее на правильном пути. Другой бы без родителей, которые от рук отбились, и сам бы от рук отбился, а он, представьте, научился играть на скрипке.

Петя покраснел, как поспевающая вишенка.

— Бабушка,— начал он умоляюще.

— Гордиться надо, а не краснеть,— отрезала бабушка.— Иных в музыку тянут на веревке, и, конечно, не получается ничего хорошего. А он научился совершенно самостоятельно, без всяких учителей. Сейчас уже свободно играет партию скрипки из «Интродукции и Рондо каприччиозо» Сен-Санса. Представляете, кто из него может вырасти?

Петр покраснел еще больше. Костя бросил на одноклассника оторопелый взгляд. Бабушка между тем без всякого перехода спросила:

— Так что же у вас случилось? Пока я еще ничего не поняла.

Она смотрела на гостей пытливым взором.

Бренк покосился на Златко, встал перед бабушкой, как школьник на уроке, и виновато сказал: — Другого выхода у нас нет, Александра Михайловна, потому что нам нужно убежище. Ребята мы уже объяснили в самых общих чертах и вам тоже должны довериться. Но об этом действительно никто не должен знать.

— На мою скромность вы можете положитьсь, — сказала бабушка.

— Мы, конечно, сами виноваты, — сказал Бренк. — Стабильность хронопереноса разладилась, и мы не заметили отклонения. Потом было поздно: исчез эффект кажущегося неприсутствия, а блок аварийного возвращения вышел из строя. Запчастей нет. В общем, в двадцать третий век сами мы теперь не можем вернуться, надо ждать, пока там спохватятся и вытащат нас с помощью страховочных методов.

— М-да, — участливо сказала бабушка. — А что же понадобилось вам в нашем веке?

— Мы зачет должны сдавать, — сказал Бренк, — по натуральной истории. Ах да, вам, наверное, непонятно. Натуральная история — это когда наблюдаешь какой-то момент прошлого наяву, своими глазами.

— Вполне понятно, — сказала бабушка.

— Вы все-таки, наверное, не верите! — воскликнул Бренк с досадой. — Да я сейчас аппаратуру принесу. Блок индивидуального хронопереноса и фонокварелескоп. На них год выпуска указан.

На столе мигом появилась аппаратура — устройство, похожее на комбинацию транзистора с биноклем и полупрозрачный ящичек с ручкой для переноски. Бренк откинул верхнюю крышку ящичка, и Александра Михайловна, поправив очки, нараспев прочитала:

— «Юпитерогорск. Маломерные хроноаппараты. 2261 г.».

— Рассказывайте, молодой человек, — кашлянув, не очень уверенным голосом попросила Александра Михайловна.

— В общем, начать надо с того, — сказал Бренк, — что мы живем в 2267 году, в феврале, и вот сейчас мы должны сдавать зачет по натуральной истории, и поэтому...

Он начал рассказывать, и истина, невероятная истина, краешек которой уже был приоткрыт перед Петром Трофименко и Костей Костиковым, понемногу становилась все более четкой, определенной и, удивительное дело, менее невероятной.

Ну, в конце концов, что уж такого сверхъестественного в том, что школьники двадцать третьего века Бренк и Златко, изучавшие среди прочих дисциплин и натуральную историю, получили задание к зачету снять фильм о жизни, учебе и быте школьников двадцатого века?

И что же такого сверхнебывального в том, что из-за неполадки в блоке исчез эффект кажущегося неприсутствия, то есть, иными словами, гости из двадцать третьего века в самый неподходящий момент перестали быть невидимыми и неслышимыми?

Что уж столь удивительного в том, что, став видимыми и слышимыми, люди из двадцать третьего века стремились всячески избегать контакта с людьми двадцатого века, потому что такое общение могло привести к повороту в ходе истории, совершенно непредставимым последствиям? Если хоть немного подумать, каждому станет ясно, что такой контакт и в самом деле совершенно нежелателен...

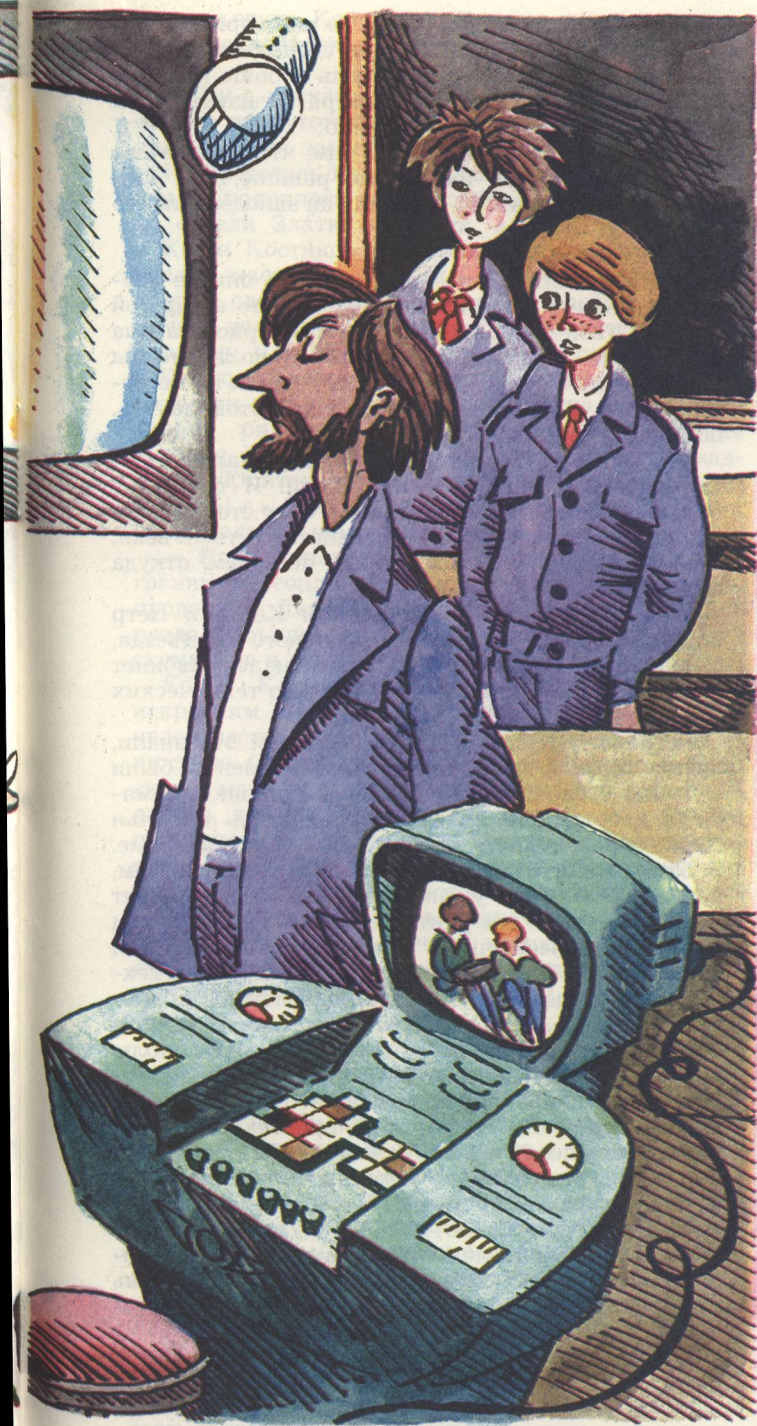

Бренк закончил рассказ. Александра Михайловна пошевелилась в кресле и слабым голосом спросила:

— Так, значит, вы снимаете в нашем времени фильм?

— Только кое-что успели отснять, сделать надо было гораздо больше, — со вздохом ответил Бренк и взял в руки тот прибор, что был сделан из бинокля и транзистора. — Вот фонокварелескоп. Он и записывает, и воспроизводит. Мы, конечно, материал еще не монтировали, но взгляните...

Он нажал на фонокварелескопе какую-то кнопку, и вместо отечественного торшера и японского

телевизора «Сони» в углу комнаты тотчас возникли классная доска и отличница Марина Букина с указкой в руке. Как заведенная, Марина затараторила:

— А вблизи были найдены многочисленные кости существа, получившего тогда название «хомо хабилис»...

Бабушка слабо вскрикнула. Бренк понял ее испуг, нажал кнопку, и Марина исчезла вместе с классной доской.

— Скажите, а когда был открыт принцип переноса во времени? — спросил Костя. У него было очень много вопросов к пришельцам из будущего.

го. — И если можно, вкратце саму суть принципа, потому что...

— Нет, этого мы вам не можем сказать, — виновато ответил Златко. — Мы уже и так сказали больше, чем следовало.

Петр обиделся.

— Эх вы! А мы вас укрыли, помогли!

— Не обижайся, — примирительно сказал Бренк. — Позже вы сами поймете, что мы правы. Того, что вы уже знаете о будущем, совершенно достаточно. Даже эти знания, кстати, тоже поворот в ходе истории. Правда, если все останется между нами, должно обойтись.

— И все-таки, — рассудительно произнес Костя, — неужели вы даже на простейшие вопросы не ответите?

Бренк и Златко переглянулись.

— Давайте попробуем, — сказал Златко. — Вы спрашивайте, а мы будем отвечать, если на вопрос можно ответить.

— Вы в Москве живете? — сразу же выпалил Петр. — У нас?

— Нет, — ответил Бренк, — в одном из поселений на Венере. Там работают наши родители.

— Так что же, значит, вы с помощью хроноблока прямо с Венеры переноситесь в прошлое Земли?

— На это ответить нельзя! — отрезал Златко.

— А почему вы именно в нашей школе снимаете? — спросил Костя.

— Совершенно произвольный выбор, — сказал Златко, — нам было абсолютно все равно, где снимать.

— А двойки у вас есть? — с очень большим интересом спросил Петр, и Бренк и Златко опять переглянулись.

После некоторого молчания Бренк ответил:

— Мы понимаем, о чем идет речь, потому что в вашем времени... Именно двоек у нас нет, у нас все несколько по-другому, но то, что вы подразумеваете, у нас есть, и вот совсем недавно...

Он не договорил, и лицо его помрачнело.

— Еще вопрос, — сказал Костя. — Вы ведь могли бы поступить и проще, без этого эффекта кажущегося отсутствия. Переодеться и ходить себе. Никто бы на вас внимания не обратил!

— Могли бы, — ответил Златко, — но надо долго вживаться в обстановку, чтобы не совершить ошибок. У нас так и делают, когда ученые ведут глобальные хроноисследования... — Он осекся и быстро закончил: — А как, например, мы проникли бы в класс, чтобы произвести съемку? Незаметно никак не получилось бы.

Александра Михайловна пошевелилась в кресле.

— У меня к вам, молодые люди, тоже очень много вопросов. Но прежде надо вас накормить... с дороги. Вообще-то я ничего такого не готовила, потому что просматривала научную литературу, но в холодильнике есть несколько пачек пельменей.

— Пачки пельменей? — удивился Златко. — Что за блюдо?

— Сейчас узнаешь, — усмехнулся Петр. — Вы есть хотите?

Бренк и Златко опять переглянулись.

— Как ты думаешь, Бренк, сколько еще времени пройдет, — задумчиво молвил Златко, — прежде чем там, у нас...

— Сам знаешь, — ответил Бренк, — часов через двадцать...

— Пойдите, — с интересом спросил Костя, — вы

же сказали, что вам снимать еще много надо было бы. Так что же вы с собой из двадцать третьего века поесть ничего не взяли?

Бренк снисходительно улыбнулся.

— Ничего ты не понимаешь! Мы, может, вашему даже неделю провели бы здесь, а для нас это были бы минуты. Мы с помощью блока можем, вернее, могли бы двигаться внутри вашего времени с любой скоростью. К тому же хоть вперед, хоть назад. А теперь, раз все разладилось, поесть, конечно, надо!

— А как вас вернут в ваше время? — спросил Костя.

— Да очень просто, — сказал Бренк, поглядывая в сторону кухни, куда ушла Александра Михайловна. — Обнаружат, что нас долго нет, включат страховочные каналы переброски и по ним вытянут. Энергии на это потребуется уйма.

— А как это произойдет? И долго ли длится хроноперенос?

С минуту Бренк смотрел на любознательного Костю Костикова, как бы размышляя, отвечать или нет. Потом ответил:

— Мгновенно. Только что, скажем, мы были в двадцать третьем веке, а через долю секунды в двадцатом, и наоборот. Легко и незаметно, словно переходишь из одной комнаты в другую.

— Мальчики, мойте руки! — донеслось из кухни.

Над столом поднимался пар от четырех наполненных с горой тарелок. Златко, поковырявшись вилкой в своей порции, подцепил одну изпельмени и долго рассматривал ее на свет, поворачивая так и этак. В тарелку капала сметана.

— Как ты думаешь, — нерешительно обратился Златко к товарищу, — нам это можно?

— Чудак! — глухо отозвался Бренк. — Это просто замечательное блюдо — пельмени в пачках!

— Еще? — спросила Александра Михайловна через некоторое время, Бренк кивнул.

Златко, успокоенный его примером, тоже уплеп свою порцию.

— Еще? — участливо поинтересовалась Александра Михайловна, и в этот момент в прихожей раздался звонок. Пришельцы из будущего вздрогнули и съезжились. Плотнo закрыв за собой двери на кухню, бабушка ушла. Минуты через две, которые всем показались бесконечными, она вернулась.

— Приходил молодой человек с бородой, — сказала Александра Михайловна, — назвался преподавателем физики Лаэртом Анатольевичем. Он, правда, мало похож на преподавателя, но раз говорит, значит, так и есть. Хотя это и непедагогично, но в интересах наших гостей я сказала ему, что ты, Петр, ушел заниматься в библиотеку. А он попросил передать, чтобы ты немедленно явился в кабинет физики, как только придешь домой, и хорошо бы не один, а вместе с одноклассником Костиковым. Что-нибудь случилось?

4. Изобретатель преподносит сюрпризы

Бренк и Златко остались с бабушкой, а Петр с Костей отправились в школу. Ничего хорошего визит Изобретателя не сулил. По всей вероятности, обоим ждал нагоняй за нарушение границ метеоплощадки. Но удивляло то, что Изобрета-

тель, имея полную возможность поговорить о поведении Петра с бабушкой, не сделал этого. Еще больше удивляло то, что учитель вообще пришел, а не отложил разговор до завтра. И наконец, на полпути к школе Петра осенило:

— Да все дело, наверное, в том, что их он тоже видел! Телекамера их-то еще раньше, чем нас, начала показывать! И, конечно, он заподозрил, что тут что-то не так.

Костя возразил:

— Но на них же не написано, что они из двадцать третьего века. Может, они просто из другой страны. Твоя бабушка ведь так примерно сначала и подумала. А мы их не выдадим! Мало ли что мы были вместе с ними. Мы случайно зашли на метеоплощадку, а кто они такие и куда потом делись, понятия не имеем. Правильно?

— Правильно! — энергично поддержал Петр. — Поговорить с ними мы не успели. И потом их больше не видели. Они убежали в одну сторону, мы в другую. О том, что они из двадцать третьего века, мы понятия не имеем и вообще не знаем, откуда они взялись.

И все-таки без особой радости Костя и Петр поднялись по ступеням школьного подъезда, свернули в то крыло, где размещался кабинет физики. И, конечно, окунулись в мир технических чудес.

Встретили Костю и Петра, как они это знали, чуткие лучи фотоэлементов. Фотоэлементы были связаны с блоком электронной визуальной памяти, и двери кабинета пропускали лишь тех, чьи лица определялись устройством как знакомые. В блоке памяти содержалась информация о том, как выглядели все ученики классов, где проходит физику, а также все учителя школы. О необычном кабинете и необычном учителе физики писали даже газета «Пионерская правда» и журнал «Техника — молодежи», но в интересах истины приходится сказать, что однажды хитроумное устройство разладилось и не узнало директора школы Степана Алексеевича, который с тремя инспекторами роно направлялся в кабинет физики на открытый урок. По неизвестной причине двери захлопнулись перед носом уважаемой комиссии с такой силой, что сломался замок, который тоже был не простым, а электронным. Дверь вскрывали с помощью слесаря ровно половину урока. И после этого, а вернее, после длительного разговора с директором, Изобретатель включал устройство лишь тогда, когда все уроки заканчивались, и он оставался в кабинете один, вот как сейчас.

Петр и Костя перешагнули порог, и дверь за ними закрылась. Первое, что они увидели, это свои лица на большом экране дисплея. Внизу бегущей строкой пошла информация о них: имена и фамилии, число, месяц и год рождения, класс и успеваемость на текущий момент. Это означало, что Лаэрт Анатольевич подключил к блоку визуальной памяти компьютер.

Рядом с классной доской загорелся еще один экран, гораздо большего размера, чем дисплейный. Здесь Изобретатель демонстрировал во время уроков записанные на видео физические опыты.

Однако в данный момент на экране возник какой-то очень сложный прибор. Приглядевшись, Петр и Костя узнали... внутренности блока индивидуального хронопереноса, которые были слегка закрыты пальцами шоколадного цвета. И тут же рядом с экраном возникло бородатое, но все равно очень молодое лицо преподавателя физики Лаэрта

Анатолевича Ковригина. Волосы его, как всегда, были всклокочены, а глаза горели нетерпеливым огнем.

— Ну-с,— сказал учитель,— буду краток. Факт вашего присутствия на метеоплощадке в неподходящее время зарегистрирован.

Изобретатель поиграл клавишами дисплея, и на экране появилось новое изображение: на площадке сидели Златко и Бренк, а Петр Трофименко и Костя Костилов продирались к ним сквозь заросли жасмина. Тут же возник увеличенный кадр — сложное переплетение деталей, в котором ничего нельзя было понять. Изобретатель нажал клавишу, и изображение исчезло. Теперь на Петра и Костю смотрели две одинаковые схемы с шоколадными пальцами над ними — одна с большого экрана рядом с доской, другая — с экрана дисплея. На обоих можно было рассмотреть и надпись: «Юпитерогорск. Маломерные хроноаппараты. 2261 г.». Петр и Костя опустили головы: улик было больше, чем они ожидали.

— Но в данном случае факт вашего нарушения границ метеоплощадки меня мало интересует,— продолжил Лаэрт Анатолевич нетерпеливо.— Гораздо больший интерес у меня вызывает... эта схема. Где я могу ознакомиться с этим аппаратом?

Костя Костилов по натуре был человеком искренним. Но в данном случае в интересах всего человечества истину надо было утаить во что бы то ни стало. Собственно, обманом это не было, а было скорее маленьким подвигом, потому что такого человека, как Изобретатель, нельзя было и близко подпускать к техническим чудесам двадцать третьего века. Ухватив даже намек, он вполне мог докопаться до сути, самостоятельно построить машину времени, опередив назначенный для этого прогрессом срок, и начать носиться по истории взад или вперед, своей увлеченностью и любознательностью принося человечеству непоправимые беды.

— Да,— выдавил из себя Костя,— нас это, конечно, все тоже удивило. Особенно после того, что происходило на уроке ботаники.— Костина мысль лихорадочно билась в поисках выхода.— Вы, конечно, Лаэрт Анатолевич, знаете о том, что происходило у нас на уроке ботаники?

— Знаю,— ответил Изобретатель нетерпеливо.— Думаю, что к нашему вопросу это не имеет никакого отношения. При всем моем уважении к Аркадии Львовне, ей просто пора отдохнуть.

— У нее нервы действительно совсем расстроились,— не очень кстати вставил Петр Трофименко.

Костя толкнул локтем Петра в бок и продолжал:

— Мы знаем, что на метеоплощадку можно ходить только с вами, и заглянули туда лишь потому, что услышали голоса... Увидели вас, вспомнили, что нельзя на метеоплощадку, и сразу убежали.

— И сразу побежали в библиотеку,— добавил Петр.— Нет, сначала домой,— поправился он,— чтобы сказать бабушке, что бежим в библиотеку.

— То есть куда делись эти неизвестные ребята, которые нас тоже удивили своим внешним видом, мы не знаем,— торопливо вмешался Костя и снова толкнул локтем Петра.

Изобретатель задумчиво прошелся по кабинету. Костя смотрел на схему маломерного хроноаппарата и думал: «2261 г.» это совсем не обязательно 2261 год. Это может быть 2261 грамм. Или 2261 градус. А Юпитерогорск? А хроноаппарат?»

И в этот момент Изобретатель, строгий учитель физики Лаэрт Анатолевич, чуть ли не умоляющим голосом произнес:

— Ребята! Ведь вы же взрослые люди и должны понимать, до чего меня интересует эта схема! Мне необходимо разобраться, я просто ничего не могу понять, эта схема словно из другого мира!.. Вы говорите, что ничего не знаете, а аппарат, который меня так интересует, сейчас находится, Трофименко, в твоей квартире, и твоя бабушка, которая тоже, кстати, сказала мне неправду, угощает его владельцев на кухне пельменями.

— Вы же в квартире не заходили! — воскликнул потрясенный Петр.

Изобретатель полез в карман и извлек маленькую плоскую коробочку, похожую на портсигар, приложил ее к стене. Поверхность прибора осветилась, превратившись в сплошной экран, и на нем как бы сквозь какую-то дымку стало видно то, что происходило в соседнем классе. Лаэрт Анатолевич выключил прибор.

— Это карманный интроскоп,— сказал он не без гордости,— я его только закончил. Стены кухни квартиры выходят на лестничную площадку... Вы понимаете? Конечно, мне неудобно было возвращаться и уличать пожилого человека во... в неправде.

— Подслушивать и подглядывать некрасиво! — растерянно произнес Костя.

— Я не подслушивал, звуки прибор не фиксирует, и не подглядывал, а еще раз провел испытания,— смущенно возразил Лаэрт Анатолевич, но при слове «испытания» сразу снова стал похож на прежнего Изобретателя.— Так что же вы теперь скажете? Для чего аппарат предназначен? Откуда он? С Международной выставки?

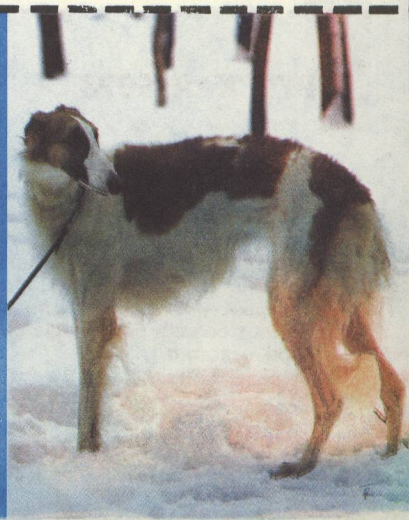
Костя не поверил ушам: Изобретатель ничего не понял! Петя даже растерялся. Вот, подумал он, до чего же легко люди упускают главное. Все, что интересует Изобретателя, так это аппарат, потому что он не может постигнуть его схему, и это мешает ему жить. И от него ускользает необычность и невероятность ситуации.

Петр угрюмо смотрел в пол. Костя лихорадочно соображал, что делать. Можно было бы выскочить в дверь, броситься в квартиру Трофименко и предупредить Бренка и Златко, чтобы искали новое убежище, если не хотят неприятностей с ходом истории, но дверь была закрыта электронным замком. Отпираться тоже не имело смысла, потому что Бренк и Златко через какое-то время исчезнут, а неприятности останутся. Получалось, что

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

МАРТ

ПН	6 13 20 27
ВТ	7 14 21 28
СР	1 8 15 22 29
ЧТ	2 9 16 23 30
ПТ	3 10 17 24 31
СБ	4 11 18 25
ВС	5 12 19 26

теперь выход был только один — чистосердечное признание. В конце концов, подумал Костя, может быть, даже и Изобретателя удастся убедить, что с ходом истории шутки плохи.

Костя набрал в грудь воздуха.

— Лаэрт Анатольевич,— начал он,— послушайте, пожалуйста! Как вы думаете, что означает «2261 г.»?

— Я думал об этом. По-моему, это марка.

— Вы, Лаэрт Анатольевич, ошибаетесь,— серьезно сказал Костя.— Это означает 2261 год. Интересовавший вас маломерный блок индивидуального хронопереноса пока не выпущен, он будет сделан только в 2261 году. И ребята, которых вы видели с нами, тоже из двадцать третьего века. И вы напрасно не поверили Аркадии Львовне. У нас на уроке ботаники действительно были слышны их голоса, у них стабильность хронопереноса нарушилась, а потом исчез эффект кажущегося отсутствия. А неправду мы вам сначала вынуждены были сказать, потому что нельзя, чтобы все узнали, что среди нас есть люди из двадцать третьего века. Это может привести к изменению в ходе истории, так что мы надеемся, что все останется между нами.

Изобретатель покрутил всклокоченной головой.

— Это надо на педсовет,— пробормотал он.

— Да вы послушайте,— продолжал Костя терпеливо.— Все это очень просто и только на первый взгляд кажется невероятным...

И он отмахнулся от Петра Трофименко, который, недоуменно глядя на него, пытался вставить что-то свое.

Минут через двадцать Изобретатель ударил себя кулаком по лбу и подскочил к экрану.

— Теперь вы сами понимаете, об этом никто не должен знать,— закончил Костя.

— Конечно! Конечно! — воскликнул Изобретатель, блуждая взглядом по схеме.— Теперь я, пожалуй, могу предположить назначение вот этого блока... Это, наверное... м-да... Впрочем, при аппарате должна быть инструкция... не может быть, чтобы ребятам доверили его так, пусть даже они из двадцать третьего века...

— Лаэрт Анатольевич, вы же не должны! — взмолился Костя.

— Конечно! Конечно! — Изобретатель спохватился, взгляд его стал более осмысленным.— Послушайте,— сказал он жадно,— ведь у них, ты говорил, есть и другой аппарат! Снимает и тут же воспроизводит все, как наяву... Потрясающе! Схему вы видели?

— Лаэрт Анатольевич,— повторил Костя с укоризной.

— Да, да.— Учитель снова спохватился.— Они снимали фильм о нашей школе, об этом никто не должен знать. Поворот в ходе истории... Фильм о нашей школе будут показывать в двадцать третьем веке... но ведь это значит... нашу школу...

Пораженный какой-то новой мыслью, Изобретатель сначала замолчал, потом обвел взглядом свой кабинет физики, и взгляд был таким, как будто здесь он все видит впервые.

— И кабинет физики! — воскликнул Изобретатель.

Еще некоторое время он стоял, прикрыв глаза, а потом бросился к двери с криком:

— Это все равно надо на педсовет! На экстренный педсовет! Они же все сейчас в учительской, потому что ждут страхового агента! А вы меня ждите здесь!

Дверь за ним захлопнулась.

Петр Трофименко дернул за ручку, но дверь, конечно, держал электронный замок. Петр уселся за один из столов и мрачно уставился в окно. Костя было устроился рядом с ним, но Петр пересел за другой стол и с ненавистью произнес:

— Эх ты! Они же нас просили, доверились, а ты!

— Но ведь иначе было нельзя,— не очень уверенно ответил Костя.— Я же не знал; что он побежит на педсовет.

— Замолчи! — угрюмо посоветовал Петр.— Я тебя больше не знаю!

В тишине и молчании потянулись минуты. Наконец дверь с треском распахнулась, и в кабинет, мешая друг другу, ворвались директор Степан Алексеевич, Лаэрт Анатольевич с Аркадией Львовной, которая тащила за руку Марину Букину, и все остальные педагоги. На Петра и Костю никто не обратил никакого внимания, потому что Изобретатель сразу же бросился к пульта дисплея, и раз за разом на его экране стала повторяться сцена на метеоплощадке. Затем Лаэрт Анатольевич выключил дисплей, и вся компания, сыпя односложными восклицаниями, исчезла столь же стремительно, как и появилась.

Петр с Костей опять остались одни.

И прошло, как им показалось, очень много времени, прежде чем дверь отворилась опять. На этот раз в кабинет физики вошли только директор школы Степан Алексеевич и Изобретатель. У обоих были очень усталые лица. Костя и Петр встали.

— Вы, ребята, идите домой,— сказал Степан Алексеевич и, развернув клетчатый платок, вытер лоб.— А вашим приятелям из двадцать третьего века вы скажите, что завтра прямо к первому уроку они совершенно открыто могут прийти к нам в школу и снимать все что им надо. Должны же они сдать свой зачет по натуральной истории!

Петр и Костя, ничего не понимая, уставились на директора.

— Ах да, поворот в ходе истории,— Степан Алексеевич усмехнулся,— нежелательные последствия! Экстренный педсовет принял решение — никто, кроме учителей и вас, не будет знать, кто они. По школе будет объявлено — работают корреспонденты из... из-за какого-нибудь рубежа. Так бывает иногда. Вот вы им и объясните, что опасаться нечего, потому что, раз педсовет принял такое решение, поворота в ходе истории не будет!

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

РУССКАЯ БОРЗАЯ

Пожалуй, наиболее интересным охотником из всех гончих собак является русская борзая. С борзыми охотятся и на зайца, и на волка. Собаки работают не поодиночке, как минимум по две. Их цель — догнать животное и удерживать его до прихода охотника.

Шерсть у борзых длинная и мягкая, прямая или волнистая. Цвет белый, белый с желто-коричневым, пестрый — с рыжими или серыми отметинами.

Рост собаки не меньше семидесяти четырех сантиметров в холке.

В ответ на предложение создать книгу рекордов «Пионера» (по типу книги Гиннеса) к нам начали приходить письма. Одно из них необходимо процитировать:

«Когда я прочитал статью о рекордах («Пионер» № 11 за 1988 год.— Ред.), я сам попробовал сделать рекорд. Мне 11 лет. Вчера я съел 52 с половиной яблока, причем за 1 час 13 минут 29 секунд. Когда я съел яблоки, я чуть не упал в обморок, после чего не мог читать и есть. Так я пролежал без движения пять часов. Вы, конечно, этому не поверите, но это правда. Можете не записывать в книгу рекордов «Пионера». Этот рекорд я сделал для себя.»

Постоянный читатель из города Краматорска Андрей Р.»

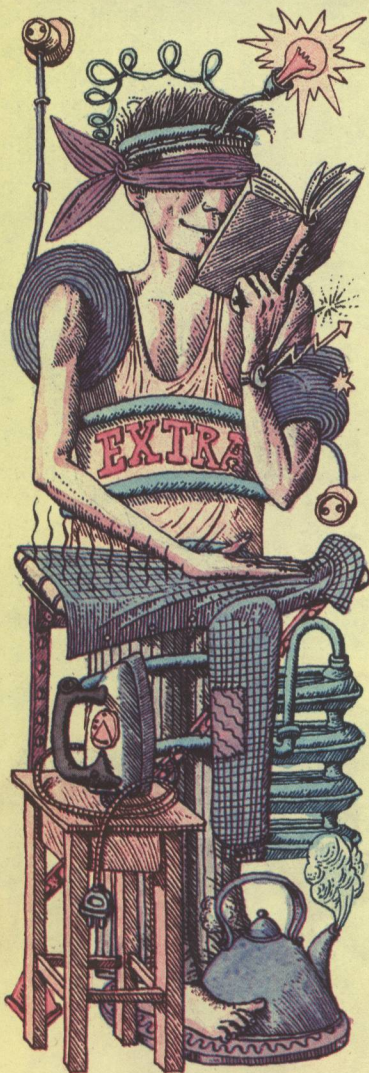
Печальное письмо, не правда ли? Мы даже фамилию не стали называть, хотя Андрей подписался полностью и даже номер школы указал. Комментарии тут, как говорится, излишни. Но все-таки хочется сказать:

Дорогие друзья,

пожалуйста, не надо таких рекордов. Рекорды рекордами, а здоровье-то дороже!

ТЕПЕРЬ

посмотрим, какую информацию для нас накопили бортовые компьютеры — Белый и Черный ящики. Так... экран Белого ящика погашен, а на экране Черного...

Сел однажды Архимед в ванну и... Помните, что было дальше? Он сделал открытие: объем вытесненной телом воды равен объему самого тела. А Ньютон? Яблоко ему на голову упало, и вот, пожалуйста, закон всемирного тяготения готов... Конечно, не каждый так сможет: произошло с ним что-нибудь, казалось бы, совсем обычное, а он уже кричит: «Эврика!» — и открытие делает. Такое доступно лишь людям одаренным, имеющим необыкновенные способности. Но настолько ли редкое дело — талант? Оказывается, нет! Просто многие его в себе не замечают, и всю жизнь горюют о бесталанности. Значит, надо постараться открыть самого себя. Человек умеет очень многое. Существуют же люди с необыкновенной памятью или те, кто может спокойно прогуливаться по раскаленным углям или лежать на битых стеклах, выдерживая на груди целый автомобиль с пассажирами. А вот факты из истории... Александр Македонский и Суворов знали в лицо тысячи солдат. Великий русский художник Левитан мог написать по памяти картину, с фотографической точностью расположив на ней объекты — дома, деревья, стога... Наша современница Л. А. Корабельникова с завязанными глазами читала запечатанное письмо. Ю. А. Новиков за три секунды пересчитал бесчисленное количество полей, нарисованных на доске...

В книге одного американского врача рассказано о людях, обладающих подобными способностями. Удивительнейшая из них — видеть свечение вокруг человека, его «энергетические поля». «Экстрасенсы» — так называют всевидящих. Многие верят, что всевидящие способны лечить человеческие недуги. Те, кто был пациентом экстрасенсов или очевидцем их врачеваний, рассказывали, что при приближении рук лекаря кожей больной ощущает тепло или холод и легкое покалывание, как от слабого электрического тока. Экстрасенсы считают человеческий организм большой электростанцией, «энергетической фабрикой» с проводящими электроэнергию руками-электродами: достаточно приложить их к «холодному» (больному) участку тела, и забарахлившая энергетическая система человека восстановится. Так это или нет, существуют ли загадочные явления в человеческом организме, есть ли биополя или телекинез (перемещение предметов человеческой волей), или все сплошной обман, мы сейчас выяснять не будем — разговор об этом впереди. **СЛЕДИТЕ ЗА НАШЕЙ РУБРИКОЙ!**

Но все-таки, можно ли открыть самого себя? Конечно же, можно! И в малом, и в большом. Вот пример, достойный рубрики «В треугольнике НЛО». Тот же Ю. А. Новиков подметил однажды, что игроки в домино могут сразу же, при одном взгляде, называть количество очков на костяшках. Он поставил перед собой цель научиться этому, сосредоточился на ней... и вскоре, лишь мельком взглянув на ряды костяшек, определял точное количество очков. Кроме того, он научился возводить четырехзначные числа в седьмую степень и извлекать из получившихся огромных чисел корни!

Чего только не бывает на свете!

Бортпроводники НЛО
Сергей ГРАЧЕВ и Владимир КОЖЕМЯКИН.

Музафар АЛИМБАЕВ

Один и один

С единицей
Сложишь единицу —
Два крыла
Поднимут в небо птицу,
Две руки
Простерты для объятия —
Ты и я
Обнимемся, как братья!

Вот и стало
Нас на свете двое,
Стали вдвое
Мы сильнее с тобою.

...Чтоб от одиночества
Избавить,
Надо к одному
Один прибавить.

Перевел с казахского
Юрий КУШАК.

Везет же некоторым!
В этом году Всесоюзная неделя детской книги будет проходить в Казахстане. В дни школьных каникул ребята встретятся с лучшими детскими писателями страны. Конечно же, это будет настоящий праздник книги!
А мы знакомим тебя сегодня со стихами известных казахских поэтов.

Кадыр МУРЗАЛИЕВ

Буква «А»

Деда спрашивает внука,
Глядя в алфавит:
— Почему
Тут буква «А»
Первою стоит?
— Потому что, дорогой,
С этой буквы «А»
Начинаются у нас
Главные слова:
По-казахски ты — апа! —
Называешь мать,
А меня зовешь — ата! —
С буквы «А» опять!
По-казахски слово «ар» —
Совесть, и вовек
Только с ним звучит «адам»,
То есть Человек!
— А еще Алма-Ата! —
Продолжает внук. —
А еще Анүарбек —
Мой хороший друг.
Улыбнулся и сказал,
Глядя в алфавит:
— Хорошо, что буква «А»
Первою стоит!

Кастек БАЯНБАЕВ

Последний снег

Весна.
Пасется скот на склонах.
И вдруг внезапно, как набег,
Промчит среди холмов зеленых
За тучи прятавшийся снег.

Но не вернуть морозов прежних,
Хотя опять бело кругом:
К утру
Разбуженный подснежник
Слизнет снежинки лепестком.

Рисунок А. ГРИШИНА.

Ескен ЕЛУБАЕВ

Фантазия

Ночь наступит скоро-скоро
И увидишь ты тогда
Удивительнейший город
Или даже города.

Над землей
И над нами
В небе черном и большом
Разноцветными огнями
Засверкает каждый дом.

У проспектов между ними
Нет пока еще имен.
Только главный носит имя.
Млечный Путь зовется он.

Там хвостатые кометы
По домам везут народ.
Там все жители — поэты.
Все как есть — наперечет.

И хотя поэты знают
То, что ночью спать пора,
Сочиняют, сочиняют
Сочиняют до утра!

Жаль, что я пока там не был...
Если ж ты не веришь мне,
Повнимательней на небо
Посмотри скорей
Во сне.

Ануарбек ДУЙСЕНБИЕВ

Телеграмма

Уехал в город старший брат...
Как плохо мне без брата...
Вернулся б он скорей назад,
Приехал бы обратно!

Прошу вас,
Телеграфный столб,
Примите телеграмму,
Чтоб возвращался брат
И чтоб
Любил меня и маму.

Я телеграмму отстучал.
Я камнем сделал это.
И столб гудел.
Но брат молчал...
А я скучал.
Скучал,
Скучал
И долго ждал ответа.

Байбота СЕРИКБАЕВ

Дом

Я
дом
нарисую
многоэтажный.
Конечно, он будет
Не очень бумажный,
Конечно, он будет
Не очень кирпичный.
Зато белостенный,
Зато симпатичный.

Из дома такого наверняка
Никто никогда не прогонит щенка.

Молоток

Вот карандаш.
А вот листок.
Я нарисую молоток.
И молотком тебе, мой друг,
Прибью оторванный каблук.

Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук!

Перевел с казахского
Николай ЛАММ.

САТИРИКОНЧИК

РАССКАЗИК

А. КАРЦЕВ, Л. ПЕРСКИЙ

ПОДАРОК

Мария Васильевна очень любила свою работу. Она даже так ее любила, что могла забыть про свой день рождения.

Однажды, когда Мария Васильевна вошла в класс, как всегда за несколько минут до урока, наш 4 «Б» хором завопил:

— Поздравляем! По-здрав-ля-ем!!

Он неожиданности Мария Васильевна шарахнулась к доске. Тут мы мигом окружили ее. Вперед вышел Гавриков, неформальный лидер нашего класса. Он прокашлялся, задушевно произнес:

— Дорогая Мария Васильевна! Поздравляем Вас с днем рождения! Живите сто лет. Расцветайте с каждым годом все краше. Желаем потрясающих успехов в Вашем нелегком, но героическом труде!

Гавриков взмахнул рукой, как дирижер футбольных болельщиков. Мы наперебой закричали:

— Вы такая добрая! Мы Вас очень любим! Мы так любим Ваш предмет!

Гавриков протянул Марии Васильевне конверт. В этот миг мы снова гаркнули:

— По-здра-вля-ем!

Мария Васильевна достала из конверта теат-

ральный билет. Она растроганно обняла Гаврикова:

— Ой, спасибо, мои родные. Наконец-то выберусь в театр. Сто лет мечтала.— Она стала разглядывать билет.

Гавриков угодливо подсказал:

— На завтра. На дневной спектакль.

— Но у нас же будет в это время урок?! — спохватилась Мария Васильевна.— Я ж назначила контрольный диктант.

Гавриков загундел:

— А я три часа стоял за билетами. Под дождем. Самые лучшие места...— Гавриков потупился, выжимая слезу.

Все заголосили:

— Мы Вас очень любим! Вы — наш идеал! Вы — такая добрая!

— Ладно уж, уговорили,— Мария Васильевна энергично хлопнула в ладоши.— Быстро сели по местам. Приготовили тетради. Будь по-вашему — проведем диктант сейчас.

И тут Гавриков заплакал по-настоящему. И мы — за ним следом.

Сергей СЕДОВ

Однажды в Лёшину школу пришла Иностранная Делегация. Хотела посмотреть, как у нас дети учатся. И, конечно, директор первым делом показал им Лешу и попросил его продемонстрировать все свои способности. И Леша им показал! Сначала он превратился в муху и заполз одному иностранцу за шиворот. Потом он превратился в такой большой и вкусный торт, что все иностранцы захотели его съесть, но не успели, потому что Леша уже превратился в крокодила и чуть их сам не съел — в шутку, конечно! А потом он стал Английской Королевой, и тогда вся делегация зааплодировала и сказала, что такого мальчика больше нигде нет, ни в какой школе, даже Заграницей, хотя у них там ВСЁ есть!

Директор был очень доволен — он даже отпустил Лешу пораньше с уроков — ОТДОХНУТЬ!

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИЕМЧИК

Григорий ОСТЕР

Если вас поймала мама
За любимым делом вашим,
Например, за рисованьем
В коридоре на обоях,
Объясните ей, что это
Ваш сюрприз к Восьмому марта.
Называется картина:
«Милой мамочки портрет».

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ ИЗ БУКЛАВКИ

Все привыкли, что «ходячий анекдот» — это тот, который «ходит» сейчас. А мы вам хотим предложить анекдоты, которые «ходили» давно, в прошлом веке. Был тогда такой журнал — «Искра». Очень в нем любили посмеяться. И над правительством, и над чиновниками, и над самими собой. Смеялись они и над порядками в школах той поры. И так смеялись, что, как нам кажется, до сих пор смешно...

БИБЛИОТЕКА В УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

— Отчего у вас в шкафах пустые места между книгами?
— Воспитанники берут читать.
— А вы кто?
— Библиотекарь.
— Значит, вы должны смотреть за порядком?
— Точно так.
— А это разве порядок? Книги следует выдавать для чтения последовательно, одну за другой, а не позволять выхватывать откуда попало: сверху, снизу, с боков, из середины — понимаете?

В ЧАСТНОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Воспитатель. Отчего вы не сняли передо мной фуражку?

Воспитанник. Да я, Иван Александрович, без фуражки.

Воспитатель. Все равно, вы должны сделать вид, что снимаете!

* * *

Учитель. Ты опять ничего не знаешь. Надо рассуждать.

Ученик. Я не смею-с.

Учитель. Отчего?

Ученик. Оттого, что вы велели слушать и не рассуждать.

Учитель. Ну-ну! Не рассуждать!

СТИШОК

Александр СТЕПАНОВ
ДОБРЫЙ ТРЕНЕР

На хоккее
«Шай-бу!
Шай-бу!» —
Зал кричал что было сил...
В перерыве попрошайкам
Тренер шайбы разносил.

О ТОМ, КАК РАСТУТ МАЛЬЧИКИ, И ЕЩЕ ОБ ОДНОЙ ДЕЛИКАТНОЙ ТЕМЕ

В прошлый раз мы говорили, какие изменения происходят в организме девочек, когда они вступают в переходный возраст. А сегодня мы расскажем об интимных проблемах мальчиков.

Мальчики взрослеют позже своих сверстниц. Зачастую двенадцатилетний мальчишка смотрится рядом с девочкой своего возраста младшим братом. Но проходит два-три года, и он начинает так быстро расти, что порой вытягивается на 6—8, а то и на 10 сантиметров в год! Такой длиннющий подросток выглядит худым и неуклюжим: ведь с непривычными размерами тела надо еще научиться справляться.

В это время у мальчиков «ломается» голос, на лице появляется первый пушок, а иногда и высыпают прыщи, что огорчает их не меньше, чем девочек. Кстати, бывает и у мальчиков уплотнение грудных желез или одной из них, и при этом ощущение

неудобства и боли. И сами ребята и их родители беспокоятся: «Не опухоль ли?» Не волнуйтесь, все пройдет.

Тогда же у мальчиков заметно увеличиваются наружные половые органы. Половые железы, созревая, начинают производить и выделять семя. Это так называемые поллюции. Они чаще всего происходят ночью, во сне. Некоторые мальчики на первых порах пугаются, считают случившееся стыдным, «греховным». Это совсем не так. Самопроизвольное извержение семени — нормальное явление: извергается лишняя накопившаяся сперма.

А теперь мы хотим затронуть еще одну деликатную тему. Она касается как мальчиков, так и девочек. Вы, наверное, заметили, что случайные прикосновения вашей руки к «запретным» местам вызывают смешанное чувство и возбуждения, и удовольствия, и стыда. Многие подростки, сделав такое «от-

крытие», осуждают себя, переживают, но не могут этого занятия бросить. Возникает своего рода привычка. Что в таком случае делать? И как к этому относиться?

Еще не так давно врачи и педагоги считали, что подобные действия подростков недопустимы и с моральной, и с медицинской точек зрения. Заподозрив ребят в таких занятиях, взрослых их осуждали, стыдили, запугивали тяжелыми последствиями в будущей семейной жизни.

И сами ребята от этого очень страдали, считали себя «грязными», падшими.

Теперь точка зрения медицины другая. О «физиологическом онанизме» говорят как о нормальном явлении в жизни подростка. Он с возрастом проходит. А чтобы быстрее с ним справиться, надо тело нагружать спортивными упражнениями, а голову — умственной работой.

На этом мы пока закончим разговор о физиологических проблемах. Они фон и даже причина многих ваших черт поведения. Во многом от физиологии зависит ваша ранимость и грубость, застенчивость и самоуверенность... Но обо всем этом мы поговорим в следующих выпусках.

Если есть вопросы, желание посоветоваться, буду рада помочь вам.

Пишите на адрес журнала в нашу рубрику «**Переходный возраст**».

За зиму со мной, несомненно, что-то случилось,— в смысле прежде всего телесного развития,— как неожиданно случается это со всеми подростками, у которых вдруг начинает пробиваться пушок на щеках, грубо начинают расти руки и ноги. Грубости у меня, слава богу, ни в чем не проявилось даже и в ту пору, но пушок уже золотился, глаза синели ярче и гуще, и лицо, черты которого стали определенной, точно покрылось легким и здоровым загаром. Экзамены я поэтому держал совсем не так, как прежде. Я зубрил по целым дням, сам наслаждаясь своей неутомимостью, подтянутостью, с радостью чувствуя все то молодое, здоровое, чистое, что делает иногда экзамены похожими на Страстную неделю, на говенье, на приготовление к исповеди и причастию. Я спал по три, по четыре часа, по утрам вскакивал с постели легко и быстро, мылся и одевался особенно заботливо, молился богу с уверенностью, что бог непременно поможет мне даже в аористах¹, выходил из дому с твердым спокойствием, крепко держа в уме и в сердце все то, что было завоевано вчера и только нынче требовалось донести и передать куда следует стойко и полностью. А когда весь этот искус благополучно кончился, меня ждала другая радость: ни отец, ни мать на этот раз не приехали, чтобы вести меня в Батурино, а только прислали за мной, как за взрослым, тарантас парой, которой правил молодой и смешливый работник, за дорогу быстро ставший моим сердечным другом. А в Батурине,— это была большая и довольно зажиточная деревня с тремя помещичьими усадьбами, потонувшими в садах, с несколькими прудами и просторными выгонами,— все уже цвело, зеленело, и я вдруг ощутил, понял эту счастливую красоту, эту пышность и яркость зелени, полноводность прудов, озорство соловьев и лягушек уже как юноша, с чувственной полнотой и силой...

...воротясь в Батурино, я уже совсем утвердился в мысли, что вступление мое в полноправную, совершеннолетнюю жизнь завершилось.

Мне еще зимой казалось, будто я уже знаю

¹ Аористы — прошедшее совершенное время в греческом и церковнославянском языках.

Но не у всех подростков переживания столь радостны и безоблачны. Если душа твоя в смятении, а тело разбито непонятно откуда взявшейся усталостью,

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ!

К сожалению, наши культурные традиции породили своего рода «бесполоую» педагогику. Мы нередко делаем вид, что проблем и трудностей, связанных с половым созреванием наших детей как будто и нет. А родители могут и должны помочь детям справиться с острыми переживаниями, которые преподносит им физиология.

Родителям, патриархально настроенным, хочется еще раз на-

помнить: самый большой вред от подросткового онанизма — в разговорах о его вреде.

Доктор психологических наук
Юлия Борисовна ГИППЕНРЕЙТЕР.

ИЗ ПРОЗЫ

Чувства мальчика, вступающего в пору юности, радость в связи с взрослением, ощущение своего здоровья прекрасно переданы замечательным русским писателем Иваном Алексеевичем БУНИНЫМ в романе «Жизнь Арсеньева».

многое, необходимое всякому взрослому человеку: и устройство вселенной, и какой-то ледниковый период, и дикарей каменного века, и жизнь древних народов, и нашествие на Рим варваров, и киевскую Русь, и открытие Америки, и Французскую революцию, и байронизм, и романтизм, и людей сороковых годов, и Желябова, и Победоносцева, не говоря уже о множестве навеки вошедших в меня лиц и жизнью вымышленных, со всеми их чувствами и судьбами, то есть всех этих тоже будто бы всякому необходимых Гамлетов, Дон-Карлосов, Чайльд-Гарольдов, Онегиных, Печориных, Рудиных, Базаровых... Теперь жизненный опыт мой казался мне огромным. Я воротился смертельно усталый, но с крепкой готовностью начать жизнь отныне какой-то уже совсем «полной» жизнью. В чем должна была состоять эта жизнь? Я полагал, что в том, чтобы испытывать среди всех ее впечатлений и своих любимых дел как можно больше каких-то высоких поэтических радостей, на которые я считал себя имеющим даже какое-то особенное право. «Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем...» С прекрасным упованьем входил и я в нее... хотя какие были у меня на то основания?

Было чувство того, что у меня «все впереди», чувство своих молодых сил, телесного и душевного здоровья, некоторой красоты лица и больших достоинств сложения, свободы и уверенности движений, легкого и быстрого шага, смелости и ловкости,— как, например, ездил я верхом! Было сознание своей юношеской чистоты, благородных побуждений правдивости, презрения ко всякой низости. Был повышенный душевный строй, как прирожденный, так и приобретенный за чтением поэтов... Была какая-то душу поднимающая отрада даже в той горькой страстности, с которой я повторял в иные минуты и нечто совсем противоположное — едкие строки Лермонтова и Гейне, жалобы Фауста, обращающего к луне за готическим окном свой предсмертный, во всем разочарованный взор, или веселые, бесстыдные изречения Мефистофеля... Но разве я не сознавал порой, что мало иметь крылья, чтобы летать, что для крыльев нужен еще воздух и развитие их?

тебе будут созвучны ощущения Жана-Кристофа из одноименного романа французского писателя Романа РОЛЛАНА.

Прочитай часть третью этого

огромного романа — «Отречение», и ты поймешь, что ты в своих переживаниях не одинок, они естественны для твоего возраста.

Желающим стать выше надо помнить правило: **кто много болеет — мало растет.** В чем причина такой закономерности? Растущие кости, хрящи, сосуды, мышцы, нервы нуждаются в больших количествах питательных веществ и кислорода, в быстром удалении шлаков и токсинов. Без этого их рост, а значит, и рост всего организма замедляется или прекращается вовсе.

Что же происходит при заболевании? Нарушается деятельность того или иного органа, и он начинает хуже работать. При заболевании легких, например, затрудняется дыхание, меньше поступает кислорода, в клетках накапливается вредный избыток углекислоты. При болезнях сердца страдает кровоснабжение тканей, ухудшается их питание и удаление шлаков. Поражение печени сказывается прежде всего на обезвреживании ею токсических веществ и отравлении ими организма. Короче, какой бы внутренний орган ни вышел из строя, это тяжелой ношей ложится на состояние всего организма, отражаясь также на его росте. Как же быть? Ведь заболевания, к сожалению, встречаются, и не так уж редко?

Что «встречаются» — это правда, а вот что «не так уж редко» — это смотря у кого. Врачи давно заметили: спортсмены и люди, регулярно занимающиеся физкультурой, почти не болеют. Случайно ли? Оказалось — нет. Именно физкультура делает их устойчивыми к заболеваниям. Больше того, известны тысячи случаев, когда благодаря физическим упражнениям длительно болевшие люди становились здоровыми. И даже не просто здоровыми... Вот лишь один пример.

У подножья Алтайских гор, в небольшом шахтерском городке Киселевске, жил обычный мальчик. Товарищи звали его Рудик. Он собирался, когда вырастет, стать шахтером. Но случилась беда — у него возникло заболевание сердца. Тут уж не то что работать в шахте, но заниматься любым физическим трудом оказалось ему не по силам: заходило сердце, не хватало воздуха, все валилось из рук.

Впору отчаяться. Но паренек нашел в себе силы вступить в схватку с болезнью. Он советуется с врачом, читает книги и узнает, что занятия спортом

М. ЗАЛЕССКИЙ

СЕКРЕТЫ РОСТА

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАНЯТИЕ

не раз помогали больным вернуть здоровье. Наконец решение принято. Рудик составляет план тренировок и день за днем начинает его выполнять. Правда, сначала его занятия и тренировки кажутся назвать было нельзя: пройти быстрым шагом 100 метров, пройти 200 метров, поднять килограммовые гантели 5 раз, 10 раз, 20 раз... Время шло, нагрузки постепенно увеличивались, а потом...

Упорные тренировки порой позволяют добиваться поразительных результатов — ведь резервы нашего организма огромны. Через несколько лет ежедневных тренировок Рудик чувствует себя здоровым. Да и внешне он изменился. В начале болезни отстал в росте от сверстников, был самым маленьким и щуплым в классе. Теперь же стал крепким, плечистым парнем, в силе не уступал товарищам, а по росту (175 см) многих перегнал. После школы он поступает работать на шахту и по-прежнему регулярно занимается физкультурой. Особенно нравятся ему упражнения с тяжестями — среди шахтеров сила в особом почете.

Как-то решили жители Киселевска провести у себя соревнования по тяжелой атлетике, и тут выяснилось, что самую тяжелую штангу поднял Рудик. Потом были соревнования в районе, в области, и везде он выходил победителем. Наконец атлет из мало кому известного сибирского городка попадает на всесоюзные соревнования и неожиданно для знатоков становится чемпионом СССР по тяжелой атлетике.

А дальше огромные возможности Рудольфа Плюкфельдера (так звучит его полное имя) раскрылись в полной мере. Он еще пять раз завоевывал звание чемпиона страны, три раза — чемпиона Европы и мира, побеждал на олимпийских играх,

установил 12 мировых рекордов и 22 рекорда СССР.

— А как же болезнь? — спросили у знаменитого теперь атлета журналисты. И он, шутя, ответил известной русской поговоркой:

— Была, да сплыла.

Однако шутки шутками, но как объяснить этот и подобные ему случаи «необыкновенного» выздоровления? С чем связано целительное действие физических упражнений на организм? При всех ли болезнях занятия физкультурой помогают? Попробуем ответить.

Ты, наверное, замечал, что при энергичных занятиях физкультурой учащается дыхание, краснеет лицо, выступает пот, сильнее бьется сердце. Связано это с тем, что при выполнении физических упражнений усиленно работают не только мускулы, но и сердце, сосуды, легкие, почки, печень, железы. А если они усиленно работают, то, естественно, происходит их тренировка.

Тебе, конечно, известно, что тренировка укрепляет мышцы. Точно так же она укрепляет сердце, легкие, сосуды и другие органы. Поэтому нет ничего удивительного, что ослабленная при заболеваниях деятельность различных органов восстанавливается под влиянием физических упражнений. Кроме того, при мышечных нагрузках вырабатываются особые вещества, помогающие заживлению в больном организме. Наконец, нагрузки стимулируют использование организмом его огромных резервов, что способствует быстрейшему выздоровлению. Все вместе взятое и делает физические упражнения поистине чудесным средством при многих недугах. Это дало повод известному французскому писателю А. Мюссе сказать: «Физические упражнения могут заменить многие лекарства, но нет ни одного

лекарства, которое заменило бы физические упражнения». Если же человек здоров, то укрепление под влиянием физкультуры всех систем организма позволяет ему, как заметили врачи, «почти не болеть».

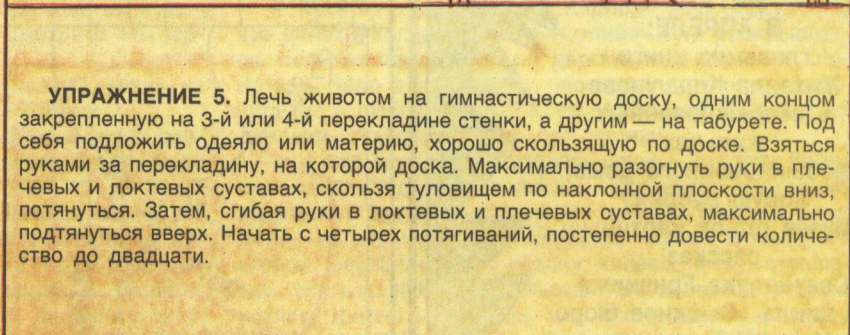
Теперь самое время вернуться к «секретам» роста. Два вида физических упражнений (продолжительные и кратковременные), о которых написано в предыдущем выпуске «Пионерского спортзала», являются достаточными нагрузками, чтобы укрепить твой организм, помочь ему не болеть. Значит, занимаясь этими упражнениями, ты не только прямо влияешь на увеличение своего роста, но и возводишь преграду болезням, которые могли бы твой рост замедлить или остановить.

А как быть ребятам, которые длительно и часто болеют и, возможно, поэтому плохо растут? Можно ли им заниматься ростовыми упражнениями? Думаю, на этот вопрос в каждом конкретном случае имеет право ответить только лечащий врач. Скорее всего, таким ребятам помимо назначенного врачом лечения нужно начинать с лечебной физкультуры. Она поможет им быстрее встать на ноги. А дальше, по мере выздоровления, можно подключать и ростовые упражнения. Так постепенно ребята смогут и здоровье восстановить и подрасти.

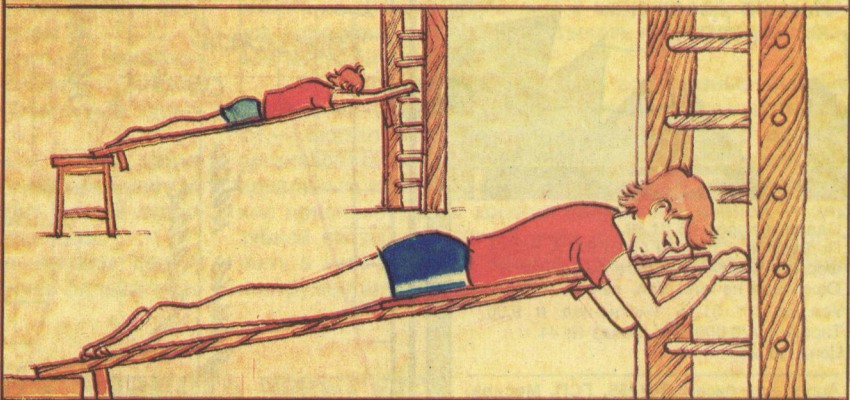
А сейчас продолжим знакомство с КОМПЛЕКСОМ РОСТОВЫХ упражнений, начатое на предыдущем занятии.

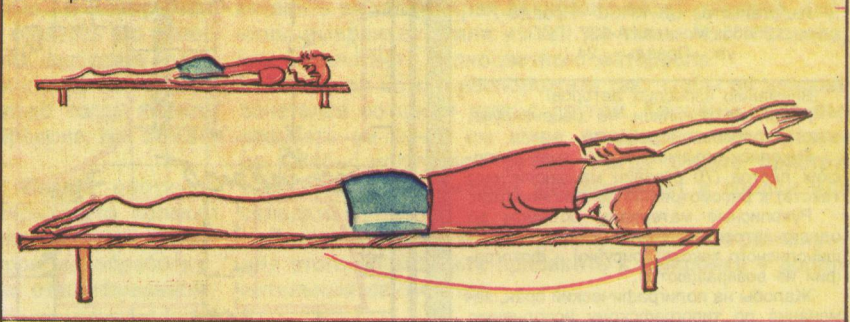
УПРАЖНЕНИЕ 4. Встать лицом к гимнастической стенке, руки опущены. Подняться на носки, одновременно поднимая через стороны выпрямленные руки, соединить тыльными поверхностями кисти над головой, потянуться — вдох. Вернуться в исходное положение, опуская руки через стороны, — выдох. Повторить 3—4 раза.

УПРАЖНЕНИЕ 5. Лечь животом на гимнастическую доску, одним концом закрепленную на 3-й или 4-й перекладине стенки, а другим — на табурете. Под себя подложить одеяло или материю, хорошо скользящую по доске. Взяться руками за перекладину, на которой доска. Максимально разогнуть руки в плечевых и локтевых суставах, скользя туловищем по наклонной плоскости вниз, потянуться. Затем, сгибая руки в локтевых и плечевых суставах, максимально подтянуться вверх. Начать с четырех потягиваний, постепенно довести количество до двадцати.

УПРАЖНЕНИЕ 6. Лечь животом на гимнастическую доску, руки вдоль туловища. Поднять руки через стороны и соединить тыльной поверхностью кисти над головой — вдох. Опустить прямые руки через стороны — выдох. Повторить 3—4 раза.

ДОМОВЕНОК и компания

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН (редактор отдела литературы и искусства), В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА (ответственный секретарь), Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Главный художник А. М. ГРИШИН.
Художник И. Г. ПАНКОВ.
Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

АТРОСКИН

притащил Белоснежке ножницы, иголки и нитки.

— Март на дворе!

Каждое порядочное существо должно весну нарядным встречать.

— Ой, и правда! —

согласилась Белоснежка. —

А я ведь обещала рассказать, как можно шить новый наряд.

ЧИТАЙ В АПРЕЛЕ:

главы из книги
Михаила Коршунова
о необыкновенных
жильцах
необыкновенного дома;
новую рубрику
«Музей одной картины»;
рассказ
Сватоплука Грнчиржа
из цикла «Сыскное бюро
Иозефа Дворжака»
(СССР).

Сдано в набор 05.01.89.
Подписано к печати 20.01.89. А 00213.
Формат 60×84½. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 41.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

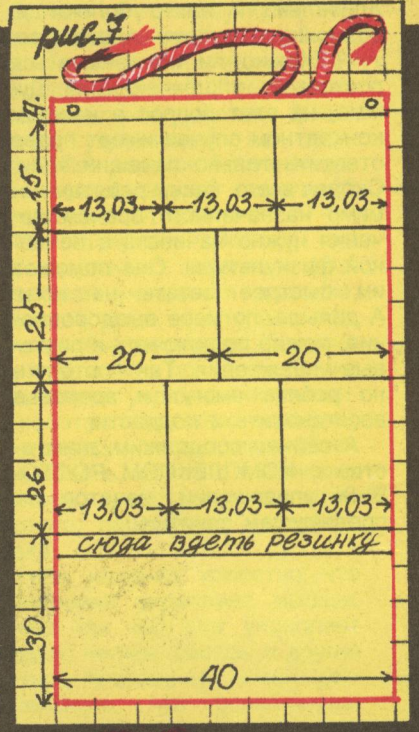
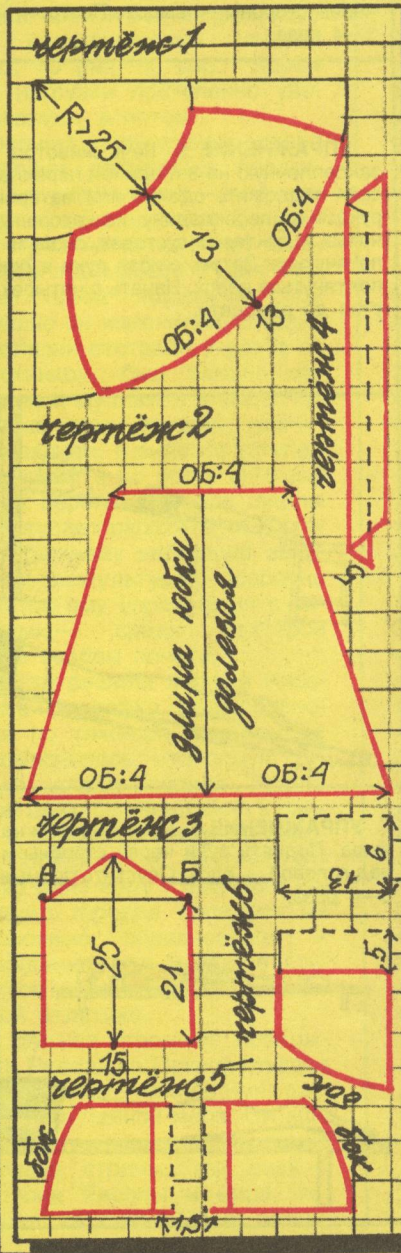
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Внимание взрослых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует,
а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Комбинированная юбка на все случаи жизни

Будем шить юбку из джинсовой и ситцевой ткани. Верх, кокетка, выкраивается из джинсовой ткани. Можно использовать и верх от старых, еще не сильно изношенных джинсов, разрезав их там, где кончается застежка-«молния». Но тут могут подстерегать трудности: хорошо ли будет сидеть на фигуре эта часть джинсов, превращенная в юбку. Совет один: если не боитесь экспериментировать и есть кому из взрослых помочь, то рискните. Если же портновской смелости или опыта маловато, то следуйте дальнейшей инструкции.

Строим выкройку. Обозначения: обхват талии — ОТ, обхват бедер — ОБ, длина юбки — ДЮ. Определите свои размеры, и приступаем к построению кокетки. Чертеж 1. На бумаге нарисуйте прямой угол и в нем дугу радиусом (R) больше 25 см. Угол поделите пополам, от дуги вниз отложить 13 см, а влево и вправо по 1/4 обхвата талии. Через точку 13 провести вторую дугу. По ней от точки 13 влево и вправо отложить по 1/4 обхвата бедер. Соединить линию талии и бедер плавной линией.

Не забудьте про прибавки, когда будете кроить материал: к боковым краям кокетки прибавьте по 2 см, к верхней и нижней — по 1 см. Части кокетки — 2.

Теперь выкроем 4 клина юбки. Смотрите на чертеж 2.

На карман потребуется две одинаковые детали из джинсовой и ситцевой ткани. Смотри чертеж 3.

На чертеже 4 — выкройка пояса. Длина пояса равняется длине измеренной в юбке линии талии плюс 2 см на шов.

Застежку можно сделать с «молнией», а можно на кнопках. Вариант первый — «молния». Выкройка кокетки делится по центру. На передней части делается прибавка на «молнию» — 1,5 см. Чертеж 5. Вариант второй — кнопки. Прибавка по линии деления кокетки — 4—5 см. И тут потребуются еще две детали подкрой из ситца размером 13×6 см. Чертеж 6.

Приступаем непосредственно к шитью. Начинаем с застежки. Две детали подкрой пришить к линиям разреза, лицевая сторона к лицевой. Отогнуть и заутюжить подкрой наизнанку.

Сшить боковые линии джинсовым швом двумя строчками. Сложить кокетку. Линии сгиба попадают на боковые швы. Спереди кокетка находится правой стороной на левую. Заколоть застежку булавками.

Сшить четыре клина по боковым линиям сверху вниз. Если линии бедер юбки получились больше ниж-

ней линии кокетки, собрать юбку на нитку. Сшить, сложив лицевую сторону кокетки с лицевой стороны юбки, отступив от края 0,7 см. По лицевой стороне кокетки отстрочить юбку, загладив шов вверх.

Сшить карман, лицевая сторона к лицевой. Вывернуть через линию 15, срезы загнуть внутрь и застрочить. Сложить карман, застрочить по бокам. Пришить к кокетке слева по линии АБ двойной строчкой.

Промерить полученную линию талии и выкроить пояс. Сложить изнанкой наружу по долевой, прострочить по краям, отступив по 0,5 см. Вывернуть налицо, долевые срезы загнуть на 1 см внутрь и загладить утюгом.

Надеть пояс на кокетку (на шов у кокетки оставить 1 см), наметать и прострочить двумя строчками.

Промерить юбку по длине от линии талии и выровнять длину. Нижний край юбки подогнуть на 0,7 см и заутюжить. Наложить этот край на кружево, чтобы оно немного выступало, и прострочить сверху декоративной строчкой.

— Юбка готова,— закончила рассказ Белоснежка.

— Кстати,— добавил папа Карло,— хочу подсказать, что делать, когда застежка-«молния» туго раскрывается. Если ее просто сильно дергать, она может и сломаться. Надо взять спичку, заострить кончик и обмакнуть его в любой жирный крем. И спичкой провести по «молнии». Работать будет без скрипа!

— И еще маленькая хитрость швей,— сказала Белоснежка.— Когда долго шьешь, надоедает постоянно вдегивать нитку в иголку. Но можно сразу на одну нитку, не отрывая ее от катушки, надеть, скажем, 10 иглоков. Берешь первую иголку, тянешь нитку, отрываешь, сколько нужно,— и шьешь. Потом берешь вторую иголку, третью... Глядишь, уже все и сшито. А чтобы иголки не потерялись, можно в катушку вставить кусочек поролона, в который и втыкать иголки на постоянное местожительство.

— В любом хозяйстве всегда есть разные нужные мелочи, которые постоянно теряются и вечно мешают,— сказал папа Карло.— Хороший мастер должен организовать быт. Можно, например, сделать для них идеальный карман. Вернее, сразу много карманов. Такое приспособление хорошо повесить в ванной — для зубной пасты, разных цветочек и кремов, можно положить в него швейные принадлежности, разные мелкие инструменты.

На зависть кенгуру

Чтобы такой карманный шкафчик висел, нужна круглая отшлифованная палка с двумя отверстиями в разных концах. Отшлифовать палку наждачной бумагой, а отверстия просверлить дрелью. В отверстия проденьте красивый толстый шнур, а завязать его можно прямо на том месте, которое вы выберете для изделия, отрегулировав длину. Кстати, годится обыкновенная деревянная вешалка — только тогда нужно распилить нижнюю перекладину в середине. Но, пожалуй, так красиво это не будет.

Теперь собственно о кармашках. Берете плотную ткань — бязь, бортовку и т. д. Выкраиваете прямоугольник. Длина у него может быть произвольная, а ширина (учитывая несколько сантиметров на обработку краев) должна соответствовать длине отшлифованной

палки или размеру вешалки. Предлагаемые на рисунке 7 размеры можете изменить, исходя из имеющегося материала. Сверху делаете отверстие для того, чтобы вставить вешалку. Края аккуратно обрабатываете. Карманы выкраиваете или из той же ткани, что и основа, или из плотного разноцветного материала.

Материал можно расположить так, чтобы он красиво сочетался по цвету друг с другом. Карманы надо выкраивать на 8—10 см шире предполагаемого размера, чтобы получился объем. Когда будете пришивать карманы, лишняя ширина уйдет в сборки или складки.

Большой карман можно сверху собрать на резинку — для этого не забудьте прибавить к выкройке 4 дополнительных сантиметра.

ЕСЛИ СОЛНЫШКО СИДИТ ЗА СОСЕДНЕЙ ПАРТОЙ

Музыка Ю. ЧИЧКОВА.
Слова В. АРЧАКОВА.

Пусть дождинки, пусть ветра,
Пусть морозец дразнит,
Все равно бегу с утра
В школу, как на праздник.
Отыщу подснежник я
В зимнем школьном парке,
Если солнышко сидит
За соседней партой.

На вопросы я теперь
Отвечаю внятно,
И куда девалась лень —
Просто непонятно.
Все моря и города
Вмиг найду на карте,
Если солнышко сидит
За соседней партой.

Стал я часто без причин
В зеркало смотреться.
Мне с девчонками дружить
Стало интересно.
В непогожий зимний день
Мне светло, как в марте,
Если солнышко сидит
За соседней партой.

Вдвижении

mf

mf

mf

Пусть снежинки пусть ветра Пусть мо-ро-зец

дразнит все равно бегу с утра. В школу как на

праз-дник. Отыщу подснежник я В зимнем школьном

парке. Если солнышко сидит Если солнышко сидит за соседней

партой. Если солнышко сидит Если солнышко сидит за соседней

партой за соседней партой. А, а, а, а

Chor:

fz

1. 2.

3.

fz

fz

fz

fz